

DREAM_PUPPET

A woman with dark hair and a white headband lies in a dense field of green ferns. She is wearing a white, sleeveless, knee-length dress with a subtle pattern. Her hands are resting on her chest and lap. The lighting is soft, creating a dreamlike atmosphere.

Крѣпѣманце
для БОГІНЦА

BOOKREADS

СТАТЬ БЕССМЕРТНОЙ ИЛИ УМРИ

ЭЙМИ КАРТЕР

Каждую девушку, которая согласилась пройти испытания, постигла неудача. Теперь настал черед Кейт. Кейт и ее мама всегда были вместе... но теперь она умирает. Мамино последнее желание? Вернуться в дом, где она родилась. Кейт придется начать все с чистого листа. Она оказалась в новой школе — без друзей, без семьи и лишь со страхом, что мама не переживет осень. Затем она знакомится с Генри. Мрачным. Измученным. И завораживающим. Генри утверждает, что он Аид — бог Подземного мира. Если Кейт согласится на его сделку, он оставит ее мать в живых, а ей нужно будет пройти семь испытаний. Кейт уверена — парень сумасшедший... пока своими глазами не видит, как Генри возвращает одну девушку из мертвых. Теперь спасение ее матери не кажется такой уж безумной и невозможной идеей. Если ей все удастся, она станет богиней и женой Генри. Если же нет...

Эйми Картер

Испытание для Богини

Редактор : Ксения Орлова, Юля Шумило

Переводчик : Анастасия Харченко

Обложка: Ксения Левченко

*Посвящается моему отцу, который прочел каждое слово. Ты
был прав.*

А также моей матери, покойся с миром.

ПРОЛОГ

— И как это случилось на этот раз?

Генри напрягся при звуке ее голоса и перевел взгляд с бездыханного тела на кровати на собеседницу. Диана стояла в дверном проеме — его лучшая подруга, наперсница, семья во всех отношениях, не считая кровных уз — но даже ее присутствие не смогло обуздать его эмоции.

— Утонула, — ответил Генри, поворачиваясь к телу. — Я нашел ее плывущей по реке этим утром.

Он не слышал, как Диана подошла, но почувствовал ее руку у себя на плече.

— И мы все так и не знаем...?

— Нет. — Ответ прозвучал грубее, чем ему хотелось, и голос Генри смягчился. — Ни свидетелей, ни отпечатков, ни доказательств, что она прыгнула в реку не по своему желанию.

— Может, так и было, — сказала Диана. — Она могла запаниковать. Или это была случайность.

— Или кто-то сделал это с ней. — Он начал шагать по комнате, стараясь максимально отдалиться от тела. — Одиннадцать девушек за восемьдесят лет. И не надо говорить мне, что это случайность.

Она вздохнула и провела пальцами по бледной щеке девушки.

— Мы были так близки в этот раз, не правда ли?

— Бетани, — оборвал Генри. — Ее звали Бетани, и ей было всего лишь двадцать три. А теперь из-за меня ей никогда не исполнится двадцать четыре.

— Как и в случае, если бы она была той самой.

Генри начал закипать, собираясь взорваться злобной тирадой, но затем, когда он посмотрел на Диану и увидел в глазах женщины сострадание, весь гнев улетучился.

— Она должна была справиться, — напряженно сказал он. — Она должна была выжить. Я думал...

— Мы все так думали.

Генри опустился на стул, и Диана в то же мгновение оказалась рядом с ним, поглаживая парня по спине, как любящая мать, успокаивающая свое дитя. Он провел рукой по своим темным волосам, на его плечи давила уже знакомая тяжесть горя. Сколько еще он должен вынести, прежде чем они, наконец, освободят его?

— Еще есть время, — надежда в голосе Дианы ранила больше, чем все произошедшее утром. — У нас еще есть десятилетия...

— С меня хватит.

Слова парня громом раскатились по комнате. Она очутилась напротив него, дыхание женщины стало прерывистым. За те несколько секунд, которые ушли у нее на ответ, Генри задумался, не взять ли свои слова обратно, пообещать, что он попробует еще раз, но не смог этого сделать. Слишком многие уже умерли.

— Генри, прошу, — прошептала Диана. — У тебя еще есть двадцать лет. Ты не можешь все бросить.

— Это бессмысленно.

Она присела на колени и отвела руки от его лица, заставляя посмотреть на себя, увидеть

страх в ее глазах.

— Ты пообещал мне столетие, и ты дашь мне это столетие, ясно?

— Я не позволю умереть еще одной девушке из-за меня.

— А я не дам тебе исчезнуть. Не когда я могу этому помешать.

Он бросил на нее сердитый взгляд.

— И что ты сделаешь? Найдешь еще одну девушку-добровольца? Будешь приводить очередную кандидатку каждый год, пока одна не пройдет испытание? Пока одна не переживет Рождество?

— Буду, если придется, — она прищурила глаза, выражающие жажду действий. — Есть и другой вариант.

Генри отвернулся.

— Я уже сказал — нет. Это даже не обсуждается.

— Я не дам тебе уйти без борьбы. Никто и никогда не сможет заменить тебя, что бы там ни говорил совет, а я слишком сильно тебя люблю, чтобы дать тебе сдаться. Ты не оставляешь мне выбора.

— Ты не посмеешь.

Она не ответила.

Отодвинув стул, Генри встал и освободил свою руку из хватки собеседницы.

— Ты поступишь так с ребенком? Приведешь ее в этот мир, лишь чтобы впутать в это? — он указал на тело на кровати. — Ты так поступишь?

— Если от этого зависит твое спасение, то да.

— Она может умереть. Это ты понимаешь?

Глаза Дианы вспыхнули, и она встала лицом к лицу с ним.

— Я понимаю, что если она этого не сделает, то я потеряю тебя.

Генри отвернулся, едва сдерживаясь.

— Не самая страшная потеря.

Женщина повернула его к себе.

— Не смей, — отрезала она. — Не смей сдаваться.

Он моргнул, пораженный напряженностью ее голоса. Стоило Генри открыть рот, чтобы поспорить, как она перебила:

— У нее будет выбор, мы оба это прекрасно знаем, но, что бы ни случилось, она не станет такой, я обещаю. — Диана указала на тело. — Она будет юной, но не глупой.

У Генри ушло пару мгновений, чтобы придумать достойный аргумент. Он знал, что цепляется за пустые надежды.

— Совет никогда не разрешит этого.

— Я уже спрашивала их. Поскольку время ограничено, они дали мне свое позволение.

Он сжал челюсть.

— Ты спросила, не посоветовавшись со мной?

— Потому что я и так знала ответ. Я не могу тебя потерять. Мы не можем тебя потерять. Мы одно целое и без тебя... пожалуйста, Генри. Дай мне шанс.

Генри прикрыл глаза. С согласием совета у него не оставалось выбора. Он попытался представить, как будет выглядеть девушка, но с каждой попыткой перед его глазами представало другое лицо.

— Я не смогу ее полюбить.

— Ты и не обязан, — Диана поцеловала его в щеку. — Но мне кажется, что полюбишь.

— И с чего бы это?

— Потому что я тебя знаю и помню свои прошлые ошибки. Больше они не повторятся.

Он вздохнул, и, глядя в эти молящие глаза, его решимость начала рушиться. Осталось всего-то двадцать лет; он сможет подождать, если это смягчит ее боль. И на этот раз, размышляя Генри, еще раз взглянув на тело на кровати, он тоже не допустит повторения прошлых ошибок.

— Я буду скучать по тебе, — сказал он, и Диана расслабилась. — Но она будет последней. Если девушка не пройдет испытание, я выхожу из игры.

— Хорошо, — сказала она, сжав его руку. — Спасибо, Генри.

Он кивнул и женщина отошла. Подойдя к двери, она тоже оглянулась на тело, и в этот момент Генри поклялся себе, что такое больше никогда не произойдет. Неважно, чем все закончится — победой или поражением — эта девушка выживет.

— Ты не виновата, — вырвалось прежде, чем он смог сдержаться. — То, что произошло... я позволил этому случиться. Ты не должна себя винить.

Она замерла в дверном проеме и одарила его грустной улыбкой.

— Должна.

Генри не успел сказать и слова, как Диана ушла.

ГЛАВА 1

ЭДЕМ

Свой восемнадцатый день рождения я провела в поездке из Нью-Йорка в Эдем, штат Мичиган, чтобы моя мать смогла умереть в родном городе. Девятьсот пятьдесят четыре мили серого асфальта... каждый знак и поворот, которые мы проезжали, приближали меня к тому, что, несомненно, станет худшим днем в моей жизни.

Если у вас скоро день рождения, то я бы не советовала отмечать его так, как я. Я сидела за рулем всю дорогу. Мама была слишком больна, чтобы долго оставаться в сознании, и уж тем более вести машину, но я была не против. Путешествие заняло два дня и один час с момента, как мы пересекли мост к верхнему полуострову Мичигана; мама выглядела уставшей, а мое тело затекло от долгого сидения в машине, и если я никогда больше не увижу впереди длинную автостраду, то жаловаться точно не стану.

— Кейт, сверни здесь.

— Мы не должны сворачивать с пути еще три мили, — поморщившись, заметила я, но все равно включила поворотник.

— Знаю, но я хочу тебе кое-что показать, — тихо ответила она.

Мысленно вздохнув, я выполнила ее указание. Жизнь мамы была на исходе, и вряд ли у нее еще будет время показать мне что-либо.

Верхушки сосен тянулись до самого неба и скрывали нас от тусклых солнечных лучей. Вокруг я не заметила ни знака, ни указателя с милями, ничего, кроме деревьев и грязной дороги. Спустя пять миль я начала беспокоиться.

— Ты уверена, что мы туда свернули?

— Конечно уверена, — мама прижалась лбом к стеклу, ее голос был нежным и тихим и я едва смогла разобрать слова. — Осталась примерно миля.

— Что там?

— Увидишь.

Примерно через милю мы увидели изгородь. Она тянулась с краю от дороги, такая высокая и густая, что невозможно было рассмотреть, что же находилось с другой стороны. Еще через две мили она, наконец, свернула направо, формируя своеобразную границу. Все время, что мы ехали мимо, мама восхищенно смотрела на пейзажи, проносящиеся за окном.

— Это оно? — я не хотела, чтобы в моем голосе слышался сарказм, но мама все равно не заметила.

— Конечно же нет... сверни налево, милая.

Я сделала, как было сказано, выруливая за угол.

— Здесь, конечно, мило, и все такое, — осторожно начала я, не желая ее расстраивать, — но это просто изгородь. Разве нам не следует найти дом и...

— Вот! — пыл в ее слабом голосе заставил меня вздрогнуть. — Прямо там!

Присмотревшись, я увидела, о чем она говорила. Посреди изгороди возвышались черные кованые ворота, и чем ближе мы подъезжали, тем больше они становились. Дело не в моей фантазии — ворота на самом деле были чудовищными. Они стояли не для красоты, а скорее, чтобы напугать до чертиков любого, кто подумает их открыть.

Я затормозила перед ними, пытаюсь что-то рассмотреть между решеткой, но единственным, что я видела, были деревья. Я пыталась взглянуть вдаль, но так и не смогла

ничего разобрать.

— Разве не красота? — ее голос был веселым, почти довольным, и на мгновение она показалась мне такой, как прежде. Я почувствовала, как мама взяла меня за руку, и изо всех сил сжала ее в ответ. — Это вход в поместье Эдем.

— Он такой... огромный, — сказала я, придавая своему голосу столько энтузиазма, насколько была способна. Получилось не очень правдоподобно. — Ты бывала внутри?

Вопрос был естественным, но от взгляда, которым меня одарила мама, я почти физически почувствовала, что должна знать ответ на него, хоть и прежде никогда не слышала об этом месте.

Через мгновение она моргнула, и этот взгляд пропал.

— Очень-очень давно, — сказала она пустым голосом, и я прикусила губу, жалея, что разрушила магию момента. — Прости, Кейт, я просто хотела увидеть его. Поехали дальше.

Она отпустила мою руку, и я внезапно ощутила, насколько холодным был воздух. Я вдавила акселератор и скользнула ладонью в ее ладонь, не желая отпускать. Не произнеся ни слова, мама просто уткнулась лбом в окно.

Самое интересное случилось через полмили. Дорога была чистой и тут, словно из ниоткуда, в пятнадцати шагах от нас выскочила корова. Я ударила по тормозам и вывернула руль, машина сделала вираж, бросая мое тело вбок. Стукнувшись головой об окно, я попробовала вернуть контроль над ситуацией, но все было бесполезно. С тем же успехом я могла попытаться заставить свой транспорт взлететь.

Мы резко остановились, чудом не врезавшись в дерево. Мой пульс участился, и я делала большие глотки воздуха, пытаюсь успокоиться.

— Мам? — испуганно позвала я.

Она покачала головой.

— Я в порядке. Что произошло?

— Там была... — я замолкла, снова оборачиваясь к дороге, но корова уже исчезла.

Растерявшись, я взглянула в зеркало заднего вида и заметила человека посреди пути — темноволосого парня моего возраста. На нем было черное пальто, полы которого трепетали на ветру. Я нахмурилась и развернулась, пытаюсь рассмотреть его лучше через заднее окно, но парень исчез так же бесследно, как и корова.

Неужели мне это показалось? Я скривилась и потерла заболевшую голову. Удар мне точно не привиделся.

— Ничего, — сказала я дрожащим голосом. — Просто слишком долго сидела за рулем. Прости, пожалуйста.

Осторожно вдавливая газ, я решила в последний раз оглянуться, однако дорога и изгородь были пусты — парень и предшествующая ему корова исчезли так, будто их никогда и не существовало.

Крепко вцепившись в руль одной рукой, другой я потянулась к маме, тщетно пытаюсь забыть обо всем произошедшем за последние пять минут.

* * *

Потолок в моей спальне сильно протекал. Агент по недвижимости, который за глаза продал нам дом, поклялся, что тот в хорошем состоянии, однако, судя по всему, этот козел

солгал. Сразу же после приезда я разобрала необходимые для сна вещи, не забыв и про горшок для капающей воды. Вещей с нами было не много, лишь то, что могло уместиться в багажнике нашей машины, а дешевую мебель я заказала еще до приезда.

Мама... Даже если бы она не умирала, уверена, я бы все равно была несчастна здесь. Соседний дом находился в миле от нас, вокруг пахло природой, и никто не позаботился о доставке пиццы в таком маленьком городке как Эдем.

Нет, маленький, это еще мягко сказано. Его даже не было на карте, которой я пользовалась, чтобы добраться сюда. Центральная улица находилась далеко, а в магазинах здесь можно было приобрести либо продукты, либо антиквариат. Во всем Эдеме не было ни единого бутика с одеждой или хотя бы места, где продавалось что-то достойное, что можно было носить. Также, вопреки всем моим ожиданиям, я не нашла ни «Макдональдса», ни пиццерии, ни «Тако Белл» — ничего. Всю культурную программу в этом городе составляли устаревшая столовая и лавочка «Мом и Поп», продающая конфеты на развес.

— Тебе нравится?

Мама свернулась калачиком в кресле-качалке у кровати, подложив под голову свою любимую подушку. Та была настолько потрепанной, что я даже не могла сказать, какого цвета она была изначально. Зато эта самая подушка пережила четыре года лежания в больнице и процедур химиотерапии. Несмотря на все трудности.

— Дом? Ага, — соврала я, застилая маме кровать. — Такой... милый.

Она улыбнулась, и я почувствовала ее взгляд на себе.

— Ты быстро привыкнешь, — заверила она меня. — Может, даже захочешь остаться здесь... когда меня не станет.

Я поджала губы, отказываясь как-либо на это отвечать. Нашим негласным правилом было не обсуждать, что будет после ее смерти.

— Кейт, — нежно позвала мама, и кресло скрипнуло, когда она встала. А я автоматически подняла взгляд, готовая кинуться вперед при любых признаках падения. — Когда-нибудь нам нужно будет об этом поговорить.

Следя за ней уголком глаза, я потянула за простыню и положила сверху плотное одеяло, за которым последовали подушки.

— Не сейчас, — я отодвинулась, чтобы мама могла прилечь. Двигалась она медленно, мучительно, и я отвела взгляд, не желая смотреть на ее боль. — Еще рано.

Приняв удобное положение, она подняла на меня свои уставшие и покрасневшие глаза.

— Но в ближайшее время, пожалуйста, — мягко попросила она.

Я сглотнула, но не ответила. Жизнь без нее была неминуемой, и чем меньше я об этом думала, тем лучше.

— Завтра утром придет сиделка, — я поцеловала маму в лоб. — Я проверю, чтобы она знала все, что нужно делать, прежде чем пойду в школу.

— Почему бы тебе не остаться со мной сегодня? — неожиданно спросила мама, похлопывая по пустому месту на кровати. — Составь мне компанию.

— Тебе нужно отдохнуть, — ответила я, замешкав.

Она провела холодными пальцами по моей щеке.

— С тобой у меня лучше получится.

Искушение свернуться рядом с ней, как в детстве, было непреодолимым. Каждый раз, когда я уходила от нее, то гадала, не был ли это последний раз, когда я видела ее живой. Но сегодня я позволю себе избежать этой боли.

— Конечно.

Я устроилась рядом, убедившись, что оставила ей достаточно одеяла, когда прикрывала свои ноги. Будучи уверенной, что она в тепле, я обняла маму и вдохнула знакомый запах. Даже после многих лет в больнице, от нее все еще пахло яблоками и фрезиями. Она уткнулась мне в макушку, и я закрыла глаза прежде, чем они начали увлажняться.

— Люблю тебя, — прошептала я, желая крепко обнять ее, но зная, что тело матери не выдержит таких объятий.

— Я тоже люблю тебя, Кейт, — тихо ответила она. — Клянусь, утром я буду здесь.

Как бы мне ни хотелось, я знала, что это обещание она не сможет держать вечно.

* * *

В эту ночь мои кошмары были полны красноглазых коров, кровавых рек и воды, стеной поднимавшейся вокруг меня. Я проснулась от нехватки воздуха и тут же отбросила от себя одеяло, вытирая со лба пот. Вставая с кровати, я оглянулась на маму, боясь ее разбудить, но она крепко спала.

Хоть мне и не спалось, позволить себе выходной в первый же учебный день я не могла. Эдемская школа являла собой кирпичное здание, больше похожее на сарай. Школьников здесь едва хватало, чтобы заполнить ее, не то что сохранить в рабочем состоянии. Перевестись в нее было маминой идеей — после того, как я пропустила десятый класс, чтобы заботиться о ней, она решительно настроилась сделать все, чтобы я окончила обучение.

Я заехала на парковку через две минуты после первого звонка. Утром мамино состояние резко ухудшилось, а сиделке — пухлой женщине по имени София — я пока не доверяла. Не то чтобы в ней было что-то конкретно смущающее, но последние четыре года я провела в заботе о матери, и считала, что никто другой не способен сделать мою работу правильно. Я чуть не осталась с ней дома, но мама настояла, чтобы я пошла. Хоть день начался плохо, я была уверена, что к концу он станет еще хуже.

По крайней мере, я была не одинока на дорожке позора через парковку. На полпути к зданию я заметила парня, следующего за мной. Уверена, он был недостаточно взрослым, чтобы иметь водительские права, а его светлые волосы торчали во все стороны, как и его огромные уши. Судя по веселому выражению лица, ему было плевать, что он опоздал.

Парень кинулся вперед, чтобы успеть к дверям раньше меня и, к моему удивлению, придержал их открытыми. Я не могла вспомнить ребят из своей предыдущей школы, которые бы так поступали.

— После вас, мадемуазель, — учтиво произнес он.

Мадмуазель? Я опустила глаза, чтобы он не заметил мое лицо. Не стоит грубить в первый же день.

— Спасибо, — пробормотала я, заходя внутрь и ускоряя шаг. Но парень был выше меня и сумел быстро догнать. К моему ужасу, вместо того чтобы пройти мимо, он замедлился, чтобы мы шли вместе.

— Мы знакомы?

Боже. Неужели он ждал от меня ответа? К счастью, нет, поскольку он даже не дал мне на него времени.

— Я тебя не знаю, — категорично сказал парень.

Блестяще подмечено, Эйнштейн.

— Но я должен тебя знать, — продолжил он и прямо перед офисом остановился, преграждая мне путь. Протянув руку, парень посмотрел на меня с ожиданием.

— Я — Джеймс, — представился он, и я наконец смогла рассмотреть его лицо. Детское, слегка наивное, но черты были более резкими и зрелыми, чем я ожидала. — Джеймс Макдаффи. Только засмейся, и я тебя возненавижу, — добавил он со всей серьезностью в голосе.

Не видя другого выхода, я слабо улыбнулась и пожала его руку.

— Кейт Винтерс.

Он смотрел на меня дольше, чем было необходимо, а на его лице расплывалась глуповатая улыбка. Секунды шли, я смущенно заерзала и переступила с ноги на ногу и, наконец, прочистила горло.

— Эм... ты не мог бы...?

— Что? Ой. — Он отпустил руку и снова открыл передо мной дверь. — После вас, Кейт Винтерс.

Я зашла внутрь, прижав к себе сумку. В офисе сидела женщина, с головы до пят одетая в голубое, с гладкими каштановыми волосами, за которые я была готова душу продать.

— Здравствуйте, я...

— ... Кейт Винтерс, — перебил Джеймс, становясь рядом. — Я ее не знаю.

Секретарше удалось одновременно вздохнуть и засмеяться.

— Что на этот раз, Джеймс?

— Колесо пробило, — он ухмыльнулся. — Сам его менял.

Она что-то записала на розовом кусочке бумаги, затем оторвала его и передала ему.

— Ты уходишь.

— Правда? — его ухмылка стала шире. — Знаете, Ирен, если вы будете и дальше меня недооценивать, я решу, что больше не нравлюсь вам. Завтра в то же время?

Она хихикнула, и Джеймс наконец исчез. Я отказалась смотреть ему вслед, вместо этого рассматривая объявление на столе, согласно которому через три недели состоится выставка картин.

— Кетрин Винтерс, — сказала женщина — Ирен, — когда закрылась офисная дверь. — Мы тебя ждали.

Она занялась просмотром моих документов, а я неловко встала, пытаясь придумать, что бы сказать. Особой болтливостью похвастаться не могла, но разговоры поддерживать умела. Иногда.

— У вас красивое имя.

Она приподняла свои идеальные брови.

— Да? Рада, что ты так считаешь. Мне тоже нравится. Вот, держи. — Она достала лист бумаги и передала мне. — Твое расписание и карта школы. Кабинеты найти не сложно — коридоры помечены разными цветами, а если потеряешься — просто попроси у кого-то дальнейших указаний. Все здесь вежливые и радушные.

Я кивнула, глядя на свой первый урок. Математика. Восторгу нет предела.

— Спасибо.

— Обращайся, дорогая.

Я повернулась, чтобы уйти, но стоило мне коснуться дверной ручки, как женщина

прочистила горло.

— Мисс Винтерс? Я просто... хотела сказать, что мне жаль. Насчет вашей мамы. Я знала ее когда-то и... да. Мне очень жаль.

Я закрыла глаза. Все знали. Не понимаю как, но они знали. Мама говорила, что в Эдеме жило не одно поколение ее семьи, но я глупо полагала, что смогу появиться здесь незамеченной.

подавляя слезы, я повернула ручку и поспешила на выход, опустив голову в надежде, что Джеймс не попытается вновь завести со мной разговор.

Стоило завернуть за угол, как я влетела в нечто, показавшееся мне стеной. Я упала на пол и предметы из моей сумки разлетелись в разные стороны. Мои щеки загорелись, и я начала лихорадочно шарить руками в поисках утерянного, попутно бормоча извинения.

— Ты в порядке?

Я подняла голову. На меня смотрела человеческая стена в куртке с эмблемой школьной футбольной команды. Видимо, мы с Джеймсом были не единственными опоздавшими этим утром.

— Я — Дилан, — он присел рядом и подал мне руку. Я схватилась за нее и приняла сидячее положение.

— Кейт.

Он передал мне блокноты, и я впихнула их обратно в сумку. Двумя учебниками и пятью папками позже, я встала и стряхнула пыль с джинсов. В тот-то момент я и заметила, что парень был симпатичным. Не только для Эдема, но даже по нью-йоркским стандартам. И все равно, было в его взгляде что-то отталкивающее.

Прежде чем я успела отойти, к нему подлетела красивая блондинка и осмотрела меня. Она могла улыбаться, но по тому, как она льнула к парню, вцепившись в его руку, становилось ясно, что Дилан был помеченной территорией.

— Кто твоя подруга, Дилан? — спросила она, укрепляя хватку.

Он посмотрел на нее пустым взглядом и через мгновение обхватил девушку рукой.

— Эм, Кейт. Она новенькая.

Ее фальшивая улыбка стала шире, и она протянула руку.

— Кейт! Я — Ава. Наслышана о тебе. Мой отец — агент по недвижимости, и он рассказал мне о тебе с мамой.

Теперь я знала, кого винить в протечке в моей комнате.

— Привет, Ава, — сказала я, стиснув зубы и пожав ее руку. — Приятно познакомиться.

То, как она смотрела на меня, буквально кричало, что больше всего девушке хотелось отвести меня в лес и закопать живьем.

— Взаимно.

— Какой твой первый урок? — спросил Дилан, вытягивая шею, чтобы посмотреть на мое расписание. — Математика. Я... мы можем провести тебя, если хочешь.

Я открыла рот, чтобы возразить, не желая искушать судьбу еще больше, продолжая разговор в присутствии Авы, но не успела я сказать и слова, как он взял меня под локоть и повел по коридору. Я оглянулась на блондинку, чтобы извиниться за кражу ее парня, но увидев ее покрасневшие щеки и сжатую челюсть, слова так и не сорвались с моего языка.

Может, мама меня все-таки переживет.

Я не была особо привлекательной. Хотелось бы, но, какая есть, такая есть. Я никогда не походила на модель, никогда не имела толпы поклонников, никогда не выделялась в генетически благословленном обществе, посещавшем мою подготовительную школу дома.

Именно поэтому я никак не могла понять, почему Дилан до сих пор на меня пялится. Он смотрел на меня всю историю, химию и все время за обедом. Я ела в одиночестве в конце пустого стола, погружившись в книгу и не желая тратить силы на поиски новых друзей. Все равно не собиралась тут надолго задерживаться, так что в этом не было смысла. Как только придет мамино время, я намеревалась вернуться в Нью-Йорк, дабы подобрать остатки своей прошлой жизни, которые смогу найти.

Кроме того я привыкла обедать в одиночестве. Дома у меня тоже не было много друзей. Мама заболела в начале десятого класса и все свое время я проводила вне школы, переехав в ее больничную палату, пока она переживала круг за кругом химио- и радиотерапию. Это не оставляло времени на ночевки у подруг или свидания, или тусовки с людьми, которые не могли понять, через что мы проходили.

— Тут не занято?

Вздвогнув, я подняла взгляд, отчасти ожидая увидеть перед собой Дилана. Однако вместо него, неся поднос с жареной картошкой, на меня смотрел Джеймс в огромных наушниках, скрывающих его слоноподобные уши, на его лице играла бойкая улыбка. Я не знала, почувствовать ли облегчение или ужас.

Я молча покачала головой, но это и так было неважно. Парень уже сел. Я устала в свою книгу, изо всех сил пытаюсь избегать взглядов в его сторону, в надежде, что он уйдет. Но слова размывались перед моими глазами, и я перечитывала одно предложение четыре раза, слишком много внимания уделяя Джеймсу вместо чтения.

— Фактически ты заняла мое место, — заметил парень. Потянувшись в рюкзак, он достал большую бутылку кетчупа, и мои глаза чуть не вылезли из орбит от удивления. После этого я отбросила все притворство и открыто устала на Джеймса. Кто носит с собой бутылку кетчупа?

Должно быть, он заметил мой взгляд, так как, пока он поливал кетчупом кучу картошки, то умудрился подпихнуть поднос ближе ко мне.

— Хочешь?

Я покачала головой. У меня было яблоко и сэндвич, но приход Джеймса вызвал у меня легкую тошноту. Не то чтобы я не думала, что он может оказаться хорошим парнем — просто мне хотелось побыть одной. Надеюсь избежать разговора, я откусила яблоко и долго пережевывала его. Джеймс занялся своим блюдом, и пару коротких секунд я надеялась, что на том беседа и кончится.

— Дилан пялится на тебя, — сказал он, и прежде чем я успела проглотить свой обед и убедить его, что не хочу иметь с ним ничего общего, парень кивнул на что-то позади меня. — Приготовься.

Я нахмурилась и развернулась, но Дилан продолжал сидеть в другой части кафетерия. Много времени не ушло, прежде чем я заметила, о чем он говорил. Прямоком к нам направлялась Ава.

— Замечательно, — пробормотала я, роняя яблоко на салфетку. Разве я так много просила? Всего лишь пережить свой выпускной класс невредимой. И если это было так невероятно, можно было мне дать хоть день на привыкание перед началом нашей драмы?

— Кейт? — визгливый голос Авы нельзя было спутать. Я вздохнула и заставила себя повернуться, натягивая невинную улыбку на лицо.

— О, привет... Ава, верно?

Уголки ее губ дернулись. Могу поспорить, никто раньше не спрашивал ее имя дважды.

— Верно! — сказала она. Ее голос наполнился фальшивым энтузиазмом. — Я так рада, что ты запомнила. Слушай, хотела тебя спросить... у тебя есть планы на завтрашний вечер?

Кроме как чистить санитарное судно, менять мамино постельное белье и отмерять ее лекарство на следующую неделю?

— Есть несколько. А что?

Девушка надменно фыркнула, но затем, похоже, вспомнила, что пыталась быть милой.

— Мы устраиваем костер в лесу — собрание для повышения бодрости духа, в каком-то смысле, только оно не... ну, знаешь... спонсируется школой. — Она хихикнула и заправила прядь светлых волос за ухо. — В любом случае, мне было интересно, не захочешь ли ты пойти. Я подумала, что это будет хорошим поводом для тебя познакомиться со всеми. — Оглянувшись через плечо на длинный столик спортсменов, она ухмыльнулась. — Насколько я знаю, некоторые из них о-очень хотят с тобой познакомиться.

К чему она ведет? Хочет найти мне парня, чтобы Дилан оставил меня в покое?

— Я не хожу на свидания, — коротко ответила я.

— Серьезно? — у Авы отпала челюсть.

— Серьезно, — заверила ее я.

— Почему?

Я пожалала плечами и искоса посмотрела на Джеймса, который решительно не смотрел на блондинку, строя мудреный вигвам из картошки. От него помощи ждать не стоило.

— Слушай, — сказала Ава, отбросив притворство. — Это просто вечеринка. Как только все с тобой познакомится, то перестанут пялиться. Подумаешь, большое дело. Час безделья и больше тебе не придется забивать этим голову. Я даже помогу тебе с прической и макияжем... можешь одолжить одно из моих платьев, если они не слишком малы.

Она хоть сама поняла, что только что оскорбила меня? Я попыталась отказаться, но блондинка продолжала давить на меня.

— Пожалуйста, — сказала девушка и ее голос задрожал от искренности. — Не заставляй меня умолять. Знаю, это не то, к чему ты привыкла в Нью-Йорке, но будет весело, обещаю.

Я смотрела в ее беспомощные, молящие глаза. Ава не примет «нет» за ответ.

— Ладно. Я останусь на час. Но мне не нужны твои платья или косметика. И после этого ты оставишь меня в покое, так?

Ее улыбка вернулась, на этот раз, искренняя.

— Договорились. Буду у тебя в семь.

После того, как я нацарапала свой адрес на салфетке, Ава побрела обратно к своему столу, зверски покачивая бедрами, пока практически каждый парень смотрел ей вслед. Я сердито глянула на Джеймса, который все еще был сосредоточен на строении своей глупой хижины.

— Спасибо за помощь.

— Мне казалось, ты и сама хорошо справлялась, — невинно ответил он.

— Да, ну, ты отдал меня на съедение волкам. — Я потянулась и взяла картошку с тарелки, выбирая именно ту, которая была основой строения. Вигвам развалился, но Джеймс был не против. Он закинул еще одну картошку себе в рот и задумчиво прожевал ее.

— Итак, — сказал парень, проглотив. — Похоже, тебе назначено официальное свидание с дьяволом.

Представив сегодняшний вечер, я застонала.

* * *

Когда я направлялась к своей машине после последнего звонка, меня нагнал Джеймс. Музыка редела из его наушников, висящих на шее, но, по крайней мере, сам парень молчал. Я все еще злилась, что он не вступился и не помог мне с Авой, потому ждала, пока мы не пройдем парковку, чтобы признать его существование.

— Я что-то обронила? — спросила я, не зная, как еще прояснить ему свою позицию. Мне не хотелось с ним разговаривать.

— Что? Нет, конечно, нет. Если бы так, я бы отдал тебе эту вещь, — его недоумение смутило меня. Он серьезно не понимал?

Я завозила с ключами в замке, гадая, как долго это продлится. Может, только сегодня, или придется ждать, пока мой статус нового объекта для любопытства сойдет на нет. На меня пялились целый день, но никто, кроме Джеймса, Дилана и Авы не подходил. Я не удивлялась. Все знакомы друг с другом еще с пеленок и сформировали свои группки еще с детского сада. Мне здесь было не место. Я знала это, они тоже знали это, и меня это вполне устраивало.

— Я не хожу на свидания.

Слова вылетели прежде, чем я смогла остановиться, но теперь нужно было договаривать.

— Даже дома не ходила. Просто... не знаю. Ничего личного. Я не пытаюсь оправдываться. Но серьезно — я не хожу на свидания.

Вместо того чтобы выглядеть разочарованным или удрученным, Джеймс посмотрел на меня своими широко распахнутыми голубыми глазами и с ничего не выражающим лицом. Секунды шли, я почувствовала, как мои щеки краснеют. Судя по всему, свидания со мной были последними в его планах.

— Я считаю тебя симпатичной, — я моргнула. Или нет. — Но ты по меньше мере восьмерка, а я — четверка. Нам не разрешено встречаться. Так твердит общество.

Разглядывая его, я попыталась понять, был ли он серьезен. Не похоже, что он шутил, но парень снова на меня пялился, будто ожидал какого-нибудь ответа, кроме фырканья.

— Восьмерка? — выпалила я. Единственное, что мне удалось придумать.

— Может, девятка, если согласишься. Но мне нравятся восьмерки. Такие не заморачивают себе голову, как девятки. А десятки только и знают, как быть десятками — как Ава.

Он говорил серьезно. Я повернула ключ в замке, жалея, что у меня не было телефона, чтобы сделать вид, что кто-то звонит мне.

— Ну... спасибо, наверное.

— Не за что, — он сделал паузу. — Кейт? Можно кое-что спросить?

Я закусила губу, чтобы сдержаться и не сказать, что он уже это сделал.

— Конечно, валяй.

— Что не так с твоей мамой? — выпалил Джеймс.

Я замерла, а мой желудок скрутило в тугой узел. Несколько мгновений я ничего не говорила, но он все равно ждал ответа.

Моя мама. Ее болезнь была последней темой, которую я хотела затрагивать. Казалось неправильным делиться этим, будто при этом я делилась и ею. А мне эгоистично хотелось оставить ее для себя на последние несколько дней, недель, месяцев — сколько бы времени ни осталось. Я хотела его только для нее и себя. Она не была цирковой зверушкой, на которую они могли пялиться, или сплетней, которую можно шептать в коридорах. Я не дам им сделать это. Не позволю омрачить память о ней.

Джеймс прислонился к моей машине, и я увидела вспышку сочувствия в его глазах. Ненавижу, когда мне сочувствуют.

— Сколько ей осталось?

Я сглотнула. Для кого-то с нулевыми социальными навыками, он мог читать меня как чертову книгу. Или я действительно была так предсказуема?

— Доктора давали ей полгода, когда я была в десятом классе. — Я вцепилась в свои ключи так сильно, что металл впился мне в кожу. Боль была приятным отвлечением, но ее было недостаточно, чтобы заставить исчезнуть ком в моем горле. — Она держалась действительно долго.

— И теперь она готова, — сказал Джеймс.

Я автоматически кивнула, стараясь сдержать дрожь в руках.

— А ты?

Воздух вокруг нас казался неестественно тяжелым для сентября. Когда я вновь сосредоточилась на парне, мучая свой разум, чтобы придумать какой-нибудь ответ, который заставит его уйти до того, как я начну плакать, то увидела, что почти все остальные машины уже разъехались.

Джеймс потянулся за меня и открыл дверцу.

— Ты сможешь доехать до дома?

— Да... конечно.

Он подождал, пока я сяду в машину, и осторожно закрыл за мной дверь. Заведя двигатель, я опустила окно.

— Хочешь подвезу?

Он улыбнулся, склоняя голову, будто желая сказать нечто остроумное.

— Каждый день старшей школы я ходил домой под дождем, снегом и градом. Ты первая, кто предложил подвезти меня домой.

Я покраснела.

— Большое дело. Предложение остается в силе, если хочешь.

Джеймс смотрел на меня с мгновение, будто принимал какое-то решение.

— Нет, все нормально, я прогуляюсь. Но спасибо.

Я не знала, чувствовать облегчение или вину за то, что хотела чувствовать облегчение.

— Тогда увидимся завтра, — предложила я.

Парень кивнул, и я сдала назад. Как раз перед тем, как я убрала ногу с тормоза, Джеймс заглянул ко мне в окошко.

— Эй, Кейт? Может, она продержится немного дольше.

Я ничего не ответила, не доверяя себе со своим самообладанием. Он наблюдал, как я выехала со своего лота, а когда свернула на главную дорогу, то мельком увидела, как Джеймс шел по парковке. Он снова надел свои огромные наушники.

На полпути домой мне пришлось съехать с дороги и позволить себе выплакаться.

* * *

Большую часть ночи мама провела, сторбившись над миской. Ее рвало, а я держала ей волосы. Когда настало утро, и пришла София, дневная сиделка, у мамы едва оставались силы, чтобы позвонить в школу и отпросить меня с занятий, после чего мы мгновенно заснули.

Я проснулась около четырех после очередного круга ужасающих кошмаров. Мое сердце бешено билось, а кровь стыла в жилах. Я все еще чувствовала, как вода наполняет мои легкие, пока я пытаюсь вдохнуть, все еще видела темные завитки крови, пока течение топило меня, и чем больше я боролась, тем глубже погружалась. У меня ушло пару минут, чтобы успокоиться, и когда я снова смогла нормально дышать, то не медля намазала консилер под глаза, чтобы скрыть темные круги. Последнее, чего я хотела, это чтобы мама начала и обо мне беспокоиться.

Когда я пошла проведать ее, София сидела на стуле за дверью, тихо напевая себе под нос и занимаясь вязанием свитера. Она выглядела такой веселой, что по ней никак нельзя было сказать, что моя мать умирала за дверью.

— Она не спит? — спросила я, и София покачала головой. — Вы влили ее лекарства в капельницу?

— Конечно, дорогая, — по-доброму ответила она, и я опустила плечи. — Ты идешь сегодня на вечеринку?

— Откуда вы знаете? — удивленно спросила я.

— Твоя мама упоминала об этом, — сказала София. — Ты в этом пойдешь? — она скосила взгляд на мою пижаму.

— Я не иду, — у меня был целый час с мамой, который я никогда не смогу вернуть, а у нас таких осталось мало. София неодобрительно цокнула, и я окинула ее сердитым взглядом. — Разве вы поступили бы не так же, будь она вашей матерью? Я предпочту провести вечер с ней.

— Этого бы она хотела от тебя? — спросила женщина, опуская свой свитер. — Чтобы ты отставила свою личную жизнь в сторону, пока ждешь ее смерти? Думаешь, это сделает ее счастливой?

Я отвернулась.

— Она больна.

— Она и вчера была больна, и завтра будет, — осторожно сказала сиделка. Я почувствовала ее теплую ладонь на своей и отодвинулась, крепко сложив руки на груди. — Она бы хотела, чтобы ты хоть один вечер уделила себе.

— Вы этого не знаете, — отрезала я. Мой голос дрожал от эмоций, отказывающихся оставаться в глубине. — Вы ее не знаете, так что перестаньте так говорить!

София встала и осторожно положила свою работу на стул.

— Я знаю, что говорит она только о тебе. — Женщина грустно улыбнулась, а я не могла этого выдержать и потому уставилась в ковер. — Она хочет знать, что ты будешь счастлива и без нее. Не думаешь, что час или два твоего времени может стоить того, чтобы дать ей покой и уверенность?

Я стиснула зубы.

— Конечно, но...

— Но ничего, — она расправила плечи, и хоть мы были одного роста, женщина внезапно стала казаться выше. — Мама хочет твоего счастья, и ты можешь ее порадовать, пойдя на вечеринку и заведя друзей. Я останусь и прослежу, чтобы она ни в чем не нуждалась. Ответ «нет» не принимается.

Я ничего не ответила, испепеляя сиделку взглядом, мое лицо горело от злости и раздражения. Она смотрела в ответ, не моргая, и, наконец, мне пришлось отвернуться. Она не знала, как бесценна была для меня каждая минута, и понять ее никак не заставишь, но женщина была права насчет мамы. Если это сделает ее счастливой, я пойду.

— Ладно, — я вытерла глаза рукавом. — Но если с ней что-то случится, пока меня не будет...

— Не случится, — сказала София, теплота вновь вернулась в ее голос. — Клянусь, все будет хорошо. Она даже не заметит твоего отсутствия, а когда ты вернешься, у тебя будет для нее занимательная история, не так ли?

Если все пойдет по плану Авы, то я была уверена, что именно так и будет.

ГЛАВА 3

РЕКА

Моя последняя надежда, что Ава забудет подобрать меня, умерла, когда я неохотно поплелась на крыльцо через пять минут после семи и увидела там огромный «Рендж Ровер», припаркованный у тротуара, по сравнению с которым моя машинка стала казаться игрушечной. Мама все еще спала, когда я проводывала ее в последний раз, но вместо того чтобы позволить разбудить ее и попрощаться, София выгнала меня. Ко времени своего ухода я злилась на всех и вся.

— Кейт! — взвизгнула Ава, когда я открыла пассажирскую дверь. Не обращая внимания на мое скверное настроение, она начала бешено тараторить. — Я так рада, что ты согласилась поехать! Ты же не заразна, правда?

Собрав волю в кулак, я забралась внутрь и пристегнула ремень безопасности.

— Я не больна, — ответила я коротко.

— Фух, — протянула Ава. — Тебе так повезло, что мама разрешает прогуливать.

Мои кулаки сжались, но я промолчала. Слово «повезло» было совсем неподходящим.

— Тебе понравится сегодняшний вечер! — заявила девушка, не тратя времени на то, чтобы посмотреть в зеркало, когда она сдавала назад. — Там будут все, так что у тебя появится множество новых знакомств.

— А Джеймс будет? — я вся подобралась, когда Ава вжала педаль газа, и «Рендж Ровер» рванул вперед, как и мой желудок.

На долю секунды на лице Авы проступило такое отвращение, что я чуть не забрала вопрос обратно, но выражение исчезло так же быстро, как и появилось.

— Он не приглашен.

— О, ясно, — я позволила теме исчерпать себя. Все равно не ждала, что он появится — в конце концов, они с Авой вертелись в разных кругах. — А Дилан?

— Конечно! — ее задорный голосок был таким же искусственным, как ее ногти, и когда я посмотрела на девушку при тусклом свете машины, то заметила странный блеск в ее глазах. В них отражалась злость или, скорее... ревность.

— Меня он не интересует, — сказала я на случай, если она еще не поняла. — Я серьезно ни с кем не хочу встречаться.

— Знаю, — но то, как она отказывалась смотреть на меня, говорило громче слов, и я вздохнула. Меня не должно было это заботить, но в Нью-Йорке я видела множество парней, лапающих своих девушек, при этом разглядывая кого-то другого вдали. Это всегда плохо заканчивалось. Как бы Ава меня ни ненавидела, она этого не заслуживала.

— Почему ты вообще с ним?

На мгновение она выглядела сбитой с толку.

— Потому что он Дилан, — она сказала это как само собой разумеющееся. — Он милый, умный, капитан футбольной команды. С чего бы мне не хотеть быть с ним?

— Ой, ну даже не знаю. Потому что он свинья, которая, скорее всего, встречается с тобой только из-за того, что ты невероятно красива и, наверняка, болельщица?

— Я капитан команды и сборной по плаванию, — заявила она.

— Вот именно.

Ава вывернула руль, и шины завизжали, когда машина сделала резкий поворот. Образ

коровы посреди дороги мгновенно вспыхнул перед моими глазами, и я закрыла их, мысленно читая молитву.

— Мы уже много лет вместе, — сказала девушка. — И я не собираюсь бросать его только потому, что какая-то девчонка, считающая себя лучше нас, приезжает в город и говорит мне, что я глупо себя веду.

— Я не считаю себя лучше вас, — ответила я напряженным голосом. — Просто я приехала сюда не для того, чтобы заводить друзей.

Она молчала, пока мы ехали по темной дороге. Поначалу я думала, что она не собирается продолжать разговор, но когда через минуту Ава заговорила, ее голос был таким тихим, что мне пришлось напрягаться, дабы расслышать слова:

— Папочка сказал, что твоя мама очень больна.

— Да, ну, папочка прав.

— Мне жаль. Не знаю, что бы я делала без мамы, — на долю секунды в ее голосе появилось сочувствие.

Яркий образ матери вспыхнул в моем сознании.

— Я тоже.

В этот раз, когда мы завернули за угол, у меня уже не было ощущения, что мы внезапно полетели по воздуху.

— Кейт?

— М-м?

— Я правда люблю Дилана. Даже если он со мной только потому, что я болельщица.

— Может, это и не так, — сказала я, прислоняясь головой к окну. — Может, он другой.

Ава вздохнула.

— Может.

* * *

Девушка припарковала своего пожирающего бензин монстра на обочине темной трассы. Над нами нависали деревья, а луна отбрасывала тени на землю, но даже под угрозой смерти я не смогла бы определить, где мы находимся. В поле зрения не было ни других машин, ни домов.

— Где мы? — спросила я, когда Ава повела меня в лес.

— Костры в той стороне, — ответила она, ловко изворачиваясь от низко висящих веток. Я не была такой ловкой. — Это недалеко.

Бормоча ряд ругательств себе под нос, я последовала за ней. Дорога полностью расстроила мои планы раннего ухода с вечеринки. Я застряну здесь до отъезда Авы, если меня не подвезет один из множества моих женихов.

От этой мысли я поморщилась — уж лучше пойти домой пешком.

— Вечеринка прямо по другую сторону изгороди, — сказала Ава, и я замерла.

— Ты говоришь про изгородь вокруг огромного поместья?

— Ты знаешь о нем? — девушка резко повернулась ко мне.

— Мама рассказывала.

— А-а... ну, там мы обычно проводим вечеринки. Папочка знаком с владельцем, и он совершенно не против.

От ее слов мой желудок снова скрутило — я вспомнила человека, привидевшегося мне в зеркале заднего вида. Но что я могла сделать? Возможно, она говорила правду. Ей ведь не было смысла мне лгать, так? Кроме того, насколько я знала, единственная дорога через изгородь лежала через ворота, но мы слишком далеко отошли от трассы.

— И как мы должны пробраться внутрь?

Она продолжала идти, и не оставила мне выбора, кроме как последовать за ней.

— Впереди есть ручей, а в изгороди — небольшая дыра. Мы можем пролезть через нее, вечеринка прямо на другой стороне.

Я побледнела, кошмары о том, как я тону, вернулись.

— Мне ведь не придется плыть, правда?

— Нет, а что? — должно быть, она заметила изменение в моем голосе, поскольку девушка снова остановилась, чтобы посмотреть на меня.

— Я не умею плавать. Никогда не училась, — это была правда, но я также не хотела рассказывать ей о своих кошмарах. Достаточно переживать их ночью; а если я скажу Аве, уверена, она воспользуется этим против меня.

Девушка легко рассмеялась и, могу поклясться, ее тон стал веселее.

— О, не волнуйся, плавать мы не будем. Посреди ручейка есть булыжники, по которым можно будет перебраться.

Я уже могла разглядеть изгородь. Мои ладони вспотели, появилась легкая отдышка. Я сомневалась, что это имело какое-то отношение к нашей быстрой ходьбе.

— Он вон там, — Ава указала на место в двадцати шагах от нас. Звук бегущей воды доносился до нас сквозь ночной воздух, и понадобились все мои силы, чтобы продолжать идти вперед.

Когда мы дошли до ручья, моя челюсть упала. Это был не ручей... это была чертова река! Течение не выглядело слишком сильным, но если я упаду, меня определенно унесет. А поскольку у нас не было даже фонариков, разглядеть булыжники, о которых упоминала Ава, было практически невозможно. Хотя про дыру в изгороди она сказала правду: она была небольшой, будто бы река специально сузилась, чтобы над ней могла сформироваться изгородь. Нам придется перепрыгивать с камня на камень и пролезть под ней, но это было вполне выполнимо и без плавания.

— Иди за мной, — сказала Ава приглушенным голосом. Вытянув руки для равновесия, она ступила в реку, нащупывая ногой широкий булыжник.

— Нашла... ты в порядке?

— В норме, — буркнула я сквозь сцепленные зубы. Я осторожно ступала именно туда, куда и Ава, и руки вытянула точно так же, но каждый шаг вызывал у меня чувство, будто я собиралась упасть в темные воды под нами.

Она поднырнула под изгородь, и больше я не видела, куда она направилась. Мой живот напрягся от нарастающей паники. Я прижала дрожащую руку к изгороди и согнулась, делая шаг за шагом.

Каким-то чудом я вышла на другой берег сухой. Булыжники тут же закончились, и мне пришлось совершить прыжок до твердой земли, но я сделала это и теперь была в безопасности. Я выдохнула с облегчением. Если Ава думала, что я соглашусь снова пройти через эту дыру, то она определенно была не в себе.

Первым, что я увидела, подняв взгляд, был топ Авы, лежащий на земле. В тот же момент она как раз освобождалась и от юбки. Сняв одежду, она осталась в одном только бикини,

цвет которого в темноте было не разобрать.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила я, но девушка меня проигнорировала.

Вместо того чтобы развить тему, я воспользовалась минуткой, чтобы осмотреться. Мы были в лесной зоне, и не зная я лучше, то решила бы, что мы все еще по другую сторону изгороди. Все выглядело одинаковым.

— Прости, Кейт, — услышала я голос Авы. Она достала мусорный пакет из кармана и сложила в него свою одежду.

— Простить? За что?

— За то, что бросаю тебя. — Она закинула мешок на плечо и сверкнула широкой улыбкой. — Если бы ты так не понравилась Дилану, мы могли бы стать подругами. Но, уверена, ты понимаешь, почему это должно произойти.

— Что должно произойти?!

— Это, — она ступила в воду и задрожала. Видимо, та была такой же холодной, как и лесной воздух вокруг. — Считай это предупреждением, Кейт. Держись подальше от моего парня. В следующий раз будет гораздо, гораздо хуже, — и с этими словами она нырнула в реку.

В одно мгновение случилось сразу две вещи: первое — я поняла, что произошло. Ава бросала меня здесь, зная, что я боюсь воды. И не было никакого костра — все это она придумала специально. Второе случилось, когда девушка нырнула. Вместо того чтобы наблюдать, как она отплывает, я услышала тошнотворный стук, с которым она ударилась головой об камень. В следующий момент ее безвольное тело начало уносить течением.

Я сморщилась. Ее унесло на двадцать футов, но Ава не двигалась. Должно быть, потеряла сознание от удара.

«Вот и отлично».

Нет, не отлично, настаивала высокоморальная часть моего мозга. Совсем не отлично. Если она вправду без сознания, а не просто растерянна, тогда девушка утонет, и не факт, что течение донесет ее до берега.

Я мысленно застонала. Пусть она страдает — река не была слишком широкой. В конце концов, когда она очнется, то самостоятельно доплывет до берега.

Но моя добрая сторона подметила, что если с ней что-то случится, ответственность будет на мне. И даже если она пыталась зло пошутить надо мной, я не могла выдержать мысли о чем-то ужасном, что могло бы произойти с другим человеком в моей жизни. Мне трагедий хватало с головой.

Мое тело кинулось вперед раньше, чем разум принял решение. Может, я плохой пловец, но я умела бегать. Я преодолела половину дистанции между нами прежде, чем поняла, что делаю. Течение было сильным, но не таким быстрым, как я считала поначалу. Я быстро догнала Аву, останавливаясь на грязном бережку, но тут передо мной предстала совершенно иная проблема — вода.

Образы из кошмара вспыхнули в моей голове, но я отмахнулась от них. Ава была посреди реки, головой вниз, что означало, что у меня нет времени ждать, пока она подплывет ближе. Оставалось всего два варианта: дать ей утонуть или прыгнуть за ней в реку. Да уж, выбор не ахти.

Съезжившись, я ступила в ледяную воду и начала плестись в ее сторону, вяло перебираясь, чтобы поспеть за девушкой. Нога задела камень, и я упала, быстро намокая. Не успела я моргнуть, как течение начало меня уносить.

Стоило голове погрузиться, как мною завладела паника. Но я была в сознании, и хоть не умела плавать — река была не такой уж глубокой. В отличие от моего кошмара, мне удалось найти дно и оттолкнуться к поверхности. Я попыталась дотянуться до Авы и схватила ее за руку, дергая к себе. Сердце билось до боли быстро, но я пыталась вдыхать как можно спокойнее. Стоит девушке очнуться, я ее убью, и если в мире существует справедливость, ей понадобятся швы, и на ее симпатичном личике навсегда останутся шрамы.

Я подтолкнула Аву к берегу и вытащила из ледяной воды, чувствуя облегчение от твердой земли. Хоть она и пробыла в воде всего полминуты, ее кожа начинала синеть, и я перевернула ее набок, надеясь, что это поможет, если она наглоталась воды.

— Ава? — позвала я, наклоняясь к ней. Мои зубы стучали. — Ава... очнись.

Она не двигалась. Я наклонилась ближе, ожидая, когда та сделает вдох, но его не последовало. Я проглотила комок ужаса в горле. Сердечно-легочная реанимация. Я могла это сделать.

Перевернула ее на спину, прижала ладони к груди, раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Я посмотрела на нее и стала ждать. Ничего.

— Если это какая-то шутка... — я снова попыталась. Искусственное дыхание откладывала на крайний случай.

Тогда-то я и заметила рану на ее голове. Не знаю, как упустила ее раньше... кровь окрасила ее волосы красным, и я моментально забросила реанимацию, чтобы посмотреть, насколько все было плохо.

Это была не просто ранка. Мой живот резко сжался, когда я убрала ее волосы, чтобы посмотреть на место удара. Ее череп не был круглым на макушке... он был ровным.

Я вскрикнула и прикрыла рот, в секунде от того, чтобы расстаться со своим ужином. Даже в темноте я могла сказать, что смотрела не просто на волосы и кровь. Ее скальп был открытым, и часть его отваливалась, выставляя на обозрение раздробленный череп и кусочки... Господи, я даже думать об этом не хотела.

Я быстро нащупала пальцами ее шею в отчаянных поисках пульса. Мое дыхание перешло в резкие и быстрые вдохи, а мир закружился, когда я автоматически возобновила реабилитацию. Она не могла. Это было невозможно. Это была шутка, просто ужасная шутка, в которой я должна была тащить свою жалкую задницу к воротам и идти домой. Она не должна была...

— Помогите! — закричала я так громко, как могла, пока горячие слезы заливали мне лицо. — Кто-нибудь, помогите!

ГЛАВА 4

НЕЗНАКОМЕЦ

Всхлипывая, я прижала ладони к животу Авы. Она не может быть мертвой. Еще две минуты назад она злилась на меня за... за что? Неважно. Я вытерла слезы тыльной стороной ладони, делая глубокий, отрывчатый вдох. Нет. Это невозможно. Не может такого быть.

— Помогите! — крикнула я, бешено оглядываясь и надеясь на какие-нибудь признаки жизни. Но единственное, что я видела вокруг, были деревья, а слышала лишь шум бегущей реки. Если кто и жил в поместье, они могли быть в милях от нас и никогда бы не услышали моего зова.

Я оглянулась на Аву, ее лицо поплыло, когда на мои глаза снова накатили слез. Что делать?

Мои плечи задрожали, а тело показалось таким беспомощным. Я споткнулась, падая на землю, и посмотрела на девушку. Ее глаза были широко распахнуты — немигающие и безжизненные; Ава не шевелилась, пока кровь текла из ее головы. Все было бесполезно.

Я прижала колени к груди, не в состоянии отвернуться. Что теперь будет? Кто нас найдет? Я даже не могла оставить ее. Мне придется сидеть здесь, пока кто-нибудь не обнаружит нас. Господи, моя бедная мама... что скажут люди? Вдруг они подумают, что это я убила Аву? А разве нет, в каком-то смысле? Если бы я ни согласилась поехать с ней, она бы никогда не прыгнула головой в реку.

— Я могу помочь? — неожиданно раздался голос.

Сердце пропустило удар. Рядом со мной стоял мужчина... или парень? Сразу и не поймешь, его лицо частично скрывалось в темноте. Но то, что мне удалось разглядеть, перехватило мое дыхание. Волосы у него были темными, а черная длинная куртка развевалась на холодном ветру. Значит, он мне все-таки не привиделся.

— Она... — я не могла закончить предложение.

Он присел рядом с Авой и осмотрел ее. Наверное, парень видел то же, что и я — окровавленную голову, окаменевшее тело, свернутую шею. Но вместо того чтобы запаниковать, он взглянул на меня, и по моей спине прошелся разряд. Его глаза были цвета лунного сияния.

Я услышала шелест в паре шагов от нас. Вздвогнув, я развернулась, но увидела лишь черного немецкого дога, виляющего хвостом. Собака села рядом с ним, и он почесал ее за ухом.

— Как тебя зовут? — спокойно поинтересовался парень.

Дрожащими руками, я заправила влажные волосы себе за уши.

— К-Кейт.

— Привет, Кейт, — в его голосе слышалось умиротворение, он был почти мелодичным. — Я Генри, а это Цербер.

Теперь, когда он подошел ближе, мне удалось рассмотреть его лицо, и что-то в нем меня смущало. Ему не могло быть больше двадцати, двадцать два максимум, но даже это казалось неправильным. Парень был слишком красив, чтобы просто так гулять по лесу в такое время. Ему место на обложках журналов, а не в Верхнем полуострове Мичигана.

Но что привлекло мое внимание, так это глаза. Даже в темноте они ярко светились, и мне было сложно отвести взгляд.

— М-моя подруга, — сказала я дрожащим голосом. — Она...

— Мертва, — коротко закончил он.

Парень сказал это таким равнодушным тоном, что у меня скрутило живот. Я вырвала остатки ужина, и ужас этого вечера накатил на меня с такой силой, что у меня сперло дыхание.

Наконец, когда я закончила, то вновь вернулась в сидячее положение и вытерла рот. Генри закрыл Аве глаза, будто та спала, и теперь смотрел на меня, как на какое-то странное существо, которое не хотел спугнуть. Я отвернулась.

— Так она твоя подруга? — скучающим тоном спросил он.

Я слабо закашлялась, пытаясь подавить нарастающий всхлип. Подруга ли? Конечно нет.

— Д-да, — удалось мне выдать. — А что?

Я услышала шорох ткани и открыла глаза, чтобы увидеть, как Генри укрывает Аву курткой, так люди укрывают безжизненные тела.

— Не знал, что друзья относятся друг к другу, как она относилась к тебе.

— Она... это была шутка, — я попыталась найти оправдание действиям Авы.

— Ты не считала ее смешной, — серьезно заметил Генри.

Нет, не считала. Но теперь это было не важно.

— Ты боишься воды, но все равно прыгнула за ней, даже несмотря на то, что она собиралась бросить тебя здесь.

Я уставилась на него. Откуда он знал?

— Почему? — спросил парень, и я жалобно пожала плечами. Чего он от меня ждал?

— Потому что она... она не заслуживала... — она не заслуживала смерти.

Генри молчал долгое время, а затем посмотрел на прикрытое тело Авы.

— На что бы ты пошла, чтобы вернуть ее?

Я попыталась понять, о чем он толкует.

— Вернуть?

— В состояние, в котором она была до прыжка в воду. В мир живых.

Будучи в панике, я уже знала ответ. На что я готова была пойти, чтобы вернуть Аву? Чтобы остановить смерть от затягивания веревки на оставшихся клочьях моей жизни, которые она еще не украла? Она отметила мою мать и поджидала за углом, чтобы забрать ее, с каждым днем подкрадываясь все ближе. Может, мама и готова сдаться, но я никогда не перестану бороться за нее. И черта с два я позволю смерти забрать еще одну жертву прямо у меня из-под носа, особенно когда это была моя вина, что Ава здесь оказалась.

— На все, — мой голос прозвучал решительно, и я сама почувствовала себя так же.

— На все? — переспросил Генри.

— Да. Ты можешь ей помочь? — во мне загорелась иррациональная надежда. А вдруг он доктор? Может, он знает, как привести ее в чувство.

— Кейт... ты когда-нибудь слышала миф о Персефоне?

Мама любила греческую мифологию и часто читала мне сказки в детстве. Но какое это имело отношение к ситуации?

— Что? Я... да, когда-то давно, — смущенно ответила я. — Ты можешь все исправить? Она... можешь? Пожалуйста.

Генри встал.

— Да, если кое-что пообещаешь.

— Что угодно, — я тоже встала, цепляясь за надежду.

— Перечитай миф о Персефоне и все поймешь, — он сделал шаг ко мне и провел пальцами по моей щеке. Я вздрогнула и отступила назад, но моя кожа будто возгорелась от его касания. Он засунул руки в карманы, не беспокоясь из-за моего отторжения. — Осеннее равноденствие через две недели. Прочитай, и все станет ясно.

Он отступил, а я замерла в недоумении. Обернувшись к Аве, я сказала:

— Но что насчет...

Когда я подняла голову, его уже не было. Я заковыляла вперед ослабевшими ногами и огляделась.

— Генри? Что насчет...

— Кейт?

Мое сердце чуть не вырвалось из груди. Ава. Я упала на колени рядом с ней, слишком испуганная, чтобы коснуться девушки, но ее глаза были широко распахнуты, она больше не истекала кровью и была жива.

— Ава? — ахнула я.

— Что случилось? — спросила она, пытаясь сесть и стереть кровь с глаз.

— Ты... ты ударилась головой и... — мой голос сошел на нет. И что?

Она неловко встала и покачнулась, но я кинулась вперед, чтобы поддержать ее дрожащими руками.

— Ты в норме? — спросила я, чувствуя головокружение, и Ава кивнула. Затем я обхватила рукой ее голую талию, помогая девушке оставаться в стоячем положении. Куртка Генри пропала. — Давай-ка отвезем тебя домой.

* * *

К тому времени, как я вымыла кровь из-под ногтей и добралась до кровати, я почти убедилась, что выдумала Генри. Что сегодняшняя встреча и столкновение на дороге ранее этой неделей — все это было плодом моего воображения. Таким было единственное логическое объяснение. Я ударилась головой, когда прыгнула в реку, а в машине была усталой. Ава изначально была в порядке, а Генри...

Генри был просто сном.

* * *

В эти выходные телефон трезвонил без остановки, пока я не вытащила провод. Маме нужен был отдых, и после всего случившегося мне просто хотелось оторваться от внешнего мира и составить ей компанию. Я не знала, кто звонил, да и мне было плевать.

Ледяная река никоим образом не пошла мне на пользу, потому большую часть выходных я проспала в кресле-качалке рядом с маминой кроватью. Сон был беспокойным, наполненным одними и теми же кошмарами, являвшимися мне каждую ночь с приезда в Эдем, не считая одного нового. Начинаясь он подобно тому знаменательному вечеру, когда Ава нырнула в реку и ударилась головой, а я кинулась ее спасать. Вот только когда я вытащила ее тело из воды, мне привиделось не ее лицо: бледное и безжизненное, с лужицей крови вокруг головы. Оно было моим.

В присутствии мамы мне приходилось носить хирургическую маску. Я чувствовала озноб и крепатуру, а в груди зарождался глубокий кашель, от которого я никак не могла избавиться. Но кто-то ведь должен был о ней заботиться. Я выпила лекарство, надеясь, что пойду на поправку, и к понедельнику чувствовала себя достаточно здоровой, чтобы пережить очередной школьный день.

Как только я вошла в кафетерий, Джеймс пристроился сбоку от меня, уже держа в руках полный картошки фри поднос. Он радостно болтал о новом диске, который купил на выходных, и даже предложил мне послушать его, но я покачала головой. У меня не было настроения для музыки.

— Кейт? — Мы заняли свой столик, и парень облил картошку кетчупом. — Ты сегодня какая-то тихая. С твоей мамой все хорошо?

Я оторвала взгляд от своего бутерброда.

— Пока держится.

— Тогда что не так? — его выражение ясно давало понять, что просто он отстанет.

— Ничего. Мне нездоровилось на выходных.

— Ой, точно, — он закинул картошку в рот. — Тебя не было в пятницу. Я записал твое домашнее задание.

— Спасибо, — по крайней мере, он не развивал тему.

— Ты пошла на ту вечеринку с Авой?

Я замерла. Это было так очевидно? Что-то в моем выражении меня выдало? Нет. Джеймс просто вел светскую беседу.

— Кейт?

Потрясающе. Теперь он знал, что что-то не так.

— Прости, — пробормотала я, ссутулившись.

— Что-то случилось на вечеринке?

— Не было никакой вечеринки, — нет смысла врать. Он все равно мог бы поспрашивать у других школьников и узнать правду, если бы решился на такое, конечно. — Просто Ава неудачно пошутила.

— Как именно? — то, как понизился его голос и посуровели глаза, должно было бы вызвать у меня тревогу, но я была слишком занята, пытаюсь придумать возможный ответ. Как я должна была объяснить то невероятное, что произошло у реки? Он ни за что мне не поверит. Даже я себе не верила. А Ава...

Я мысленно дала себе подзатыльник. Все это было шуткой, не так ли? Не только попытка бросить меня там, но и ее удар головой об камень, и появление Генри, притворявшегося, что он делает... чтобы он там ни делал. Наверное, он чей-то старший брат. Может, даже Авы.

Но как же ее череп? Остановка дыхания? Вывернутая шея? Можно ли такое подделать?

— Кстати о дьяволе, — сказал Джеймс, подняв брови и глядя мне за плечо. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто там.

— Кейт! — взвизгнула Ава и, не дожидаясь приглашения, села рядом. Я напряглась, так сильно сжимая свое яблоко, что сделала в нем вмятину.

— Э-э, привет, — начала я неуверенно. — Как... как прошли выходные?

Она закинула ногу на ногу и поставила свой поднос с едой на столик. В отличие от Джеймса, девушка взяла себе бутерброд с курицей и круглые жареные картофелины. Невозможно, чтобы она каждый день ела это на ланч и оставалась такой худой.

— Хорошо. Ну, знаешь, я отдыхала, плавала и все такое, — она откусила бутерброд и даже не пережевала его, прежде чем продолжить: — Я пыталась дозвониться тебе, но трубку никто не брал. Папа дал мне неправильный номер?

Я чуть не подавилась. Это Ава звонила?

— Н-нет, все верно, — я глянула на Джеймса, молча умоляя его сказать что-нибудь, но парень прилагал все усилия, чтобы не смотреть на нас. — Мне было нехорошо, вот я и не отвечала.

— Но тебе уже лучше, так?

— Да, лучше, — немного замешкавшись, ответила я.

— Ну, это просто замечательно! Я надеялась, что ты сможешь приехать ко мне в гости на этой неделе. У нас есть бассейн, и я подумала, что могу научить тебя плавать.

Я уставилась на нее. После всего случившегося она хотела, чтобы я с ней поплавала?

— Я не... не плаваю, — и после произошедшего в пятницу мне и близко не хотелось подходить к воде. Казалось непривычно жестоким продолжать таким образом ту глупую шутку, и я мысленно желала, чтобы она наконец перестала.

Девушка поджала губы, и стало ясно, что что-то в моем голосе или выражении дало ей четкий намек.

— Ты же не в обиде из-за случившегося, правда? — Может, мне показалось, но она разнервничалась. — В смысле... об этом я и хотела поговор...

— Ава, — перебила я. — Почему ты села со мной?

Ее лицо погрузнело, и она отложила свой бутерброд.

— Я рассталась с Диланом.

— Что? Почему? — я снова покосилась на Джеймса, но теперь он погрузился в постройку башни из картошки. — Ты же говорила, что любишь его.

— Так и есть! Любила, по крайней мере.

— Тогда почему?

— Потому что, — она оглянулась на столик со спортсменами. По меньшей мере с десяток глаз внимательно наблюдали за нами, и девушка понизила голос, прошептал: — Ты же видела меня? Я нырнула в реку и ударилась головой, а следующее, что я помню, это как я лежала на земле с ужасной головной болью.

— Ты ударилась головой, и я вытащила тебя прежде, чем ты утонула. Большое дело, — торопливо ответила я и постаралась как можно беспечнее пожать плечами.

— Именно! — она заговорила тише. — Повсюду была кровь. Когда мама увидела меня по приезду домой, то ее чуть не хватил инфаркт. Пришлось сказать, что кровь была твоя.

— Но это неправда, — возразила я.

Наши взгляды встретились. Ее глаза были красными и блестящими от слез.

— Знаю, — зашептала она. — Кейт, что со мной было?

Напротив Джеймс замер, и я заметила, что он больше не надевал наушники. Мало того, что мне нужно было рассказать все Аве, теперь мне придется объясняться и перед ним после ухода девушки. Он не поверит — никто бы в здравом уме не поверил. Даже я не была до конца уверена, что верила себе, и все еще сомневалась, не было ли это искусным розыгрышем.

Ава внимательно смотрела на меня, ожидая ответа, и я поняла, что никак не смогу отовратиться. Даже если они посчитают меня сумасшедшей, желание рассказать кому-то, понять, что случилось, было слишком велико. Я сделала глубокий вдох, поцеловала на

прощание свой рассудок, и поведала им о том вечере.

Как только я закончила, Ава уставилась на меня блестящими глазами.

— Ох, Кейт... ты и вправду прыгнула в реку, чтобы спасти меня?

Я пожалала плечами и не успела моргнуть, как девушка обняла меня и закопалась лицом мне в шею. Объятие длилось примерно с полминуты, и ситуация становилась все более неловкой. Наконец, она отпустила меня, оставив руки на моих плечах.

— Такого приятного поступка ради меня еще никто не делал. Когда я попыталась рассказать Дилану... — она закусила губу. — Он рассмеялся и сказал, чтобы я перестала нести чушь.

Парень сидел за столом спортсменов, окруженный друзьями, и громко хохотал. Ава же, находящаяся рядом со мной, выглядела подавленной.

— И ты порвала с ним?

— Это не имеет значения, — сказала она, вновь хватаясь за бутерброд. — Через неделю он будет молить меня вернуться к нему. Что насчет Генри? Ты действительно пообещала ему любое желание? Чего он хотел?

Уголкем глаза я заметила, как Джеймс наострил уши.

— Я не уверена. Он спросил, знаю ли я миф о Персефоне, и сказал, что осеннее равноденствие будет через две недели. И еще, что как только я прочитаю о ней, то пойму, чего он от меня хочет. Я слышала этот миф раньше, но не понимаю, какое это имеет отношение к...

Джеймс зарылся в своем рюкзаке, кидая тяжелые книги и папки на стол. Они приземлялись с громким стуком, и на нас оглянулось пол кафетерия. Я опустила голову, удивляясь, как это все влезло в его сумку, но, наконец, парень достал огромный том, в котором я узнала наш учебник по английскому. Он открыл его наобум, но когда я вытянула шею, чтобы разглядеть, что написано внутри, то поняла, что страница была вовсе не случайной.

— Вот история Персефоны, — он указал на картинку девушки, выходящей из пещеры. На траве стояла женщина, широко разводящая руки в приветствии. — Королевы Подземного царства.

— Подземного царства? — просила Ава, наклоняясь, чтобы лучше увидеть. — Которого?

Джеймс окинул ее таким взглядом, от которого цветы увядают.

— Куда попадают мертвые. Тартар. Элизиум.

— Греческая мифология, — сказала я, переворачивая страницу. — Видите этого парня? — я указала на темноволосого мужчину, частично скрытого тенью. — Это Аид, бог Подземного царства. Царь мертвых.

— Прямо как Сатана, — сказал Джеймс.

— Вовсе нет, — ответила Ава. В ее голосе слышался намек на злость, но парень либо не заметил, либо ему было плевать. — Сатана это из христианской культуры, и Подземный мир — не ад. Аид не демон. Он просто... парень, которого назначили главным в разборках с душами мертвых. Он сортирует их и все такое.

Я уставилась на нее.

— А мне казалось, ты ничего в этом не понимаешь.

Она пожалала плечами и опустила взгляд на книгу.

— Кое-что слышала раньше.

— Он похитил ее, — сказал Джеймс голосом таким низким, что у меня по спине побежали мурашки. — Она играла в поле, а он затащил ее в подземное царство, чтобы сделать своей женой. Девушка отказывалась есть, и пока ее мать Деметра просила помощи у Зевса — царя богов — земля стала бесплодной. В конце концов, он заставил Аида вернуть Персефону, но к тому моменту она отведала пару зерен, и тот настоял, что это значит, что она должна проводить с ним полгода. Потому, когда она была с ним в качестве жены, наступала зима. С помощью этого мифа греки объясняли смену времен года.

Температура будто понизилась на двадцать градусов. Ужасная мысль пришла мне на ум, пока я смотрела на Джеймса, пытаюсь разобраться, могут ли последствия сделки с Генри быть хотя бы приблизительно вероятными.

Ава же на это только громко фыркнула.

— Ну, подумаешь, ему было одиноко. Это не делает его плохим парнем — откуда тебе знать, хотела или нет она идти с ним? Первое вполне возможно, знаешь ли.

Я проигнорировала ее и посмотрела на Джеймса.

— Думаешь, Генри попытается проверить со мной тот же фортель?

— Глупость какая, — сказала девушка, закатывая глаза. — Если бы он хотел похитить тебя, то уже сделал бы это, так ведь? Не то чтобы у него не было возможности, когда мы были в лесу.

— Не знаю, — покачал головой Джеймс. — Возможно, он ждет осеннего равноденствия. Оно всего в паре недель, в конце сентября. — Он уставился на меня широко раскрытыми голубыми глазами. — Что, если он хочет, чтобы ты осталась с ним на зиму?

— Он не может ждать от меня, что я все брошу и перееду ненадолго к нему, — неуверенно сказала я. — Или навсегда.

— Он может и не спрашивать. Что тогда? — спросила Ава.

Между нами повисла тишина, не считая шума кафетерия. Наконец я распрямила плечи и сказала с напускной уверенностью:

— Тогда я надеру ему зад, и полиция арестует его. Конец разговора.

Но это не был конец, так как никто из нас не упоминал, что произошло на реке. Каким-то образом ему удалось вернуть Аву к жизни, и я не знала, как это объяснить.

Джеймс захлопнул книгу, и от неожиданности я подпрыгнула.

— Может и так, но это не меняет факта, что ты согласилась выйти замуж за незнакомца.

ГЛАВА 5

РАВНОДЕНСТВИЕ

За следующие две недели я придумала лишь один вариант: забыть о сделке, списать ее на собственную дурость и двинуться дальше. Даже если бы у меня был другой выбор, мамино здоровье требовало моего полного внимания.

Но Джеймс и Ава не давали мне покоя. Каждый день они спорили на пониженных тонах, сидя за столиком кафетерия, будто бы забывая о моем присутствии. Джеймс был настроен отговорить меня от сделки, руководствуясь тем, как мало я знала о Генри, и в каком состоянии должен находиться его рассудок, чтобы приглашать меня остаться с ним на половину моей жизни. Но на каждый изъясн Джеймса у Авы был свой контраргумент. Она упорно защищала Генри, хотя никто из нас ничего о нем не знал, но это было легко объяснимо. Без него она была бы мертва; естественно, что она считала должным быть ему верной.

Они разобрали миф на мелкие цитаты, пользуясь им, чтобы подкрепить свои доводы, и постоянно просили повторить, что именно сказал Генри, но количество моей информации было довольно скудным. Часть меня волновалась и считала дни вместе с ними, но другая часть была слишком сосредоточена на заботе о матери. Ночные кошмары продолжались, оставляя мне лишь пару часов крепкого сна, но никто не комментировал темные круги под моими глазами. Эдем был маленьким городком, тут все знали о моей матери.

За пару дней до начала осени я пришла домой и обнаружила, что она сидит посреди полного сорняков сада, и в моем горле начала зарождаться паника. Я вылезла из машины и поспешила к ней, присаживаясь рядом, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Мам? — сказала я сдавленным от беспокойства голосом. — Ты должна отдыхать.

Как у нее вообще хватило энергии, чтобы сделать это? Я сердито посмотрела на Софию, сидящую на крыльце и занимающуюся вязанием.

Та пожала плечами.

— Она настояла.

— Я в порядке, спала весь день, — сказала мама, отмахиваясь от меня, но не прежде, чем я сумела разглядеть ее. Кожа была бледной и тонкой, как бумага, но в глазах появился блеск, отсутствовавший последние несколько недель.

— Пошли, — сказала я, осторожно беря ее под локоть и пытаюсь поднять. Она упорно продолжала сидеть, а я слишком боялась навредить ей, прилагая больше сил.

— Еще пару минут, — ответила мама, с мольбой глядя на меня. — Я так давно не выходила на улицу. Солнце приятно прогревает.

Я снова опустила на колени. Смысла спорить не было.

— Помощь нужна? — я скривилась, глядя на спутанные бурьяны. Сколько же времени прошло, как за этим садом кто-то ухаживал?

Ее лицо прояснилось.

— Не то чтобы нужна, но я не против. Просто выдергивай их.

Работа была грязной, но вместе мы продолжили очищать небольшой участок, который ей удалось привести в порядок. Мне не хотелось думать о том, как долго мама здесь провела. Ей нельзя тратить драгоценную энергию на подобные мелочи, но когда моя мать на чем-то сосредотачивалась, перечить ей было невозможно.

— Скоро вернусь, — сказала София с крыльца, а затем зашла внутрь, закрывая дверь и оставляя нас наедине. Уголкем глаза я следила за матерью, выдергивая бурьян, размером с пол меня. При первых же признаках плохого самочувствия я затащу ее в дом.

Но она уже давно не была такой энергичной и радостной. Я не рассказывала ей о случившемся на вечеринке, не желая беспокоить, но поскольку осеннее равноденствие все приближалось, а Джеймс и Ава имели разногласия, мне захотелось поговорить с ней — если и не поведать историю целиком, то хоть частично. Никогда не скрывала ничего подобного от нее прежде, а больше шансов обсудить это у меня не будет.

— Мам? — неуверенно начала я. — Помнишь поместье Эдем?

— Конечно, — морщинка посреди ее лба углубилась, пока она вытаскивала особенно упрямый сорняк. — А что?

Я ухватила за основание стебля под ее кулаком и помогла. Когда мы обе потащили, он выскочил, раскидывая грязь в разные стороны.

— Там живет кто-то по имени Генри?

Она выпрямилась, даже не пытаясь скрыть удивление.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что, — я неловко заерзала на траве, колени уже начинали болеть. Я знала, что стоит ей рассказать, ведь она сто процентов хотела бы узнать о таком, но что, если мама попытается вмешаться? Что, если я напугаю ее, и это не пойдет ей на пользу?

Я соврала:

— Слышала, как ребята из школы говорили о нем, — я не могла посмотреть на нее, меня грызла совесть. Раньше я врала ей только по необходимости. — Просто хотела поинтересоваться, знаешь ли ты что-нибудь о нем.

Ее плечи ссутулились, когда она потянулась и убрала прядь волос мне за ухо.

— Если хочешь поднять сложную тему, мы можем хотя бы поговорить о том, что произойдет, когда я умру?

Я мгновенно встала на ноги, все мысли о Генри вылетели из головы.

— Время идти внутрь.

Мама прищурилась.

— Пойду, когда согласишься поговорить.

— Я и *говорю*. Пожалуйста, мам. Ты только хуже себе делаешь.

Она улыбнулась без тени юмора.

— Не пойму как. Ты собираешься поговорить со мной об этом или нет?

Я закрыла глаза, игнорируя жжение слез. Так не честно. У нас ведь еще оставалось время? Она так долго продержалась — конечно, мама сможет выдержать еще несколько месяцев. Например, Рождество. Еще одно Рождество вместе, а затем я смирюсь с расставанием. Такую же сделку я заключала с собой последние четыре года, и пока она работала.

— Не хочу, чтобы ты по мне скучала, — сказала она. — Ты должна жить своей жизнью, милая, а не сгибаться под моим грузом, особенно когда меня не станет.

В горле пересохло, но я не ответила. Не знала, как жить самостоятельно. Даже в Нью-Йорке она была моей лучшей подругой — единственной за последние годы. Чего она ждала, что я соберусь и буду просто жить дальше?

— А еще я хочу, чтобы ты влюбилась и создала собственную семью, которая задержится подольше, чем удалось мне, — она взяла мою руку и нежно сжала. — Найди кого-то, кто

будет добр к тебе, и никогда не отпускай, ладно?

Казалось, будто я тонула.

— Мама, — прохрипела я, — я понятия не имею, как это сделать.

Она грустно улыбнулась.

— Поначалу никто не знает, Кейт. Но ты готова, обещаю. Я сделала все возможное, — на мгновение она замолкла и посмотрела на наши сплетенные руки. — Ты готова и отлично справишься, золотце. Ты будешь творить невероятное, я чувствую, и даже если тебе будет не хватать меня, я всегда буду рядом. Никогда тебя не брошу... помни об этом, хорошо? Иногда может казаться, что меня нет, но я всегда буду рядом, когда ты будешь в этом нуждаться.

Я вытерла слезы свободной ладонью, крепче цепляясь за маму. Что-то внутри меня рушилось быстрее, чем я могла построить. Я больше не знала, что делать. Не могла представить жизни без нее, да и не хотела. Но это была та реальность, с которой я встречусь раньше, чем буду готова. Я хотела ее, свою маму — а не воспоминания о ней.

— Обещай, что будешь собой и не перестанешь наслаждаться жизнью, что бы ни случилось, — сказала она, хватаясь за меня двумя руками. — Тебе предназначены великие деяния, милая, но чем больше ты сопротивляешься своему естеству, тем труднее. Какие бы препятствия ни попадались на твоём пути, помни, тебе все удастся, если сильно захотеть. Так и будет. — Она улыбнулась, и во мне все разрушилось окончательно. — Ты гораздо сильнее, чем думаешь. Обещаешь, что попытаешься жить счастливо?

Мне хотелось сказать, что я не знала, как жить счастливо без нее, кто я без нее, и у меня не хватит сил для этого, но ее молящий взгляд был для меня слишком большой ношей. Потому я соврала во второй раз:

— Ладно, — буркнула я. — Обещаю.

Ее улыбка лишь увеличила мое чувство вины.

— Спасибо. Мне будет легче покинуть этот мир, зная, что ты будешь в порядке.

Я помогла ей подняться, не доверяя себе открыть рот. Бросая выкорчеванные сорняки посреди газона, я стряхнула грязь с ее колен и потащила маму в дом, всем сердцем желая, чтобы ей вообще никогда не пришлось покидать меня.

* * *

На следующий день, пока учитель бубнил о сопряжении нерегулярных французских глаголов, дверь в класс распахнулась, и Ирен из главного офиса зашла внутрь. Каждая голова повернулась в ее сторону, но она смотрела только на меня.

Чувствуя, будто мои внутренности плавают, я встала, ощущая взгляды Авы и Джеймса, прожигающие дыру в моем затылке. Я поплелась по кабинету, игнорируя шепот одноклассников.

— Кейт, — сказала Ирен ласковым голосом, как только мы вышли в коридор и дверь за мной закрылась. — Звонила сиделка твоей мамы.

Стены вокруг меня закачались, и на мгновение я забыла, как дышать.

— Она мертва?

— Нет, — покачала головой женщина, и меня охватило облегчение. — Она в больнице.

Я молча развернулась и побежала по коридору, напрочь забыв об уроках. Единственное, чего мне хотелось, это добраться до больницы прежде, чем придется действительно

— Кейт?

Был конец дня, я изнеможенно сидела в комнате ожидания больницы. Последние три часа я провела в одиночестве, проглядывая журналы, не вчитываясь в текст, и ожидая докторов, которые должны были сказать, в каком мама состоянии.

— Джеймс! — я встала на шатких ногах и обняла его, будто от этого зависела моя жизнь. Объятие длилось дольше, чем было необходимо, но я нуждалась в его теплых руках вокруг себя. Давно я не обнимала человека, не находящегося в хрупком состоянии. — Мама больна, а они не говорят...

— Я знаю. Ирен мне рассказала.

— Что, если это конец? — спросила я, зарываясь головой в его грудь. — Я даже не попрощалась. Не сказала, что люблю ее.

— Она знает, — прошептал он, проводя пальцами сквозь мои волосы. — Клянусь, она знает.

Следующие несколько часов парень провел со мной, исчезая только за едой, и он был рядом, когда доктор наконец объявился и сказал то, чего я больше всего боялась: мама в коме, времени осталось мало.

Джеймс пошел за мной, когда я зашла проведать ее: мама выглядела такой маленькой и хрупкой, лежа посреди больничной кровати, ее тело было подключено к бесчисленному количеству аппаратов и мониторов. Кожа была пепельного оттенка, и даже если бы меня не предупредили, я сразу поняла, что жить ей осталось не долго. Я мысленно вспомнила прошлый день, с каждым разом ненавидя себя все больше за то, что позволила ей сидеть в саду. Может, если бы она не изводила себя так, то все было бы иначе.

Ныне же ее умирающее тело не подавало признаков жизни. Не так я хотела запомнить свою мать: безжизненной оболочкой той, кем она когда-то была. Но и уйти не могла.

Вскоре после десяти пришла медсестра и сказала, что время посещения окончено. Через пару минут, когда я все еще не могла заставить себя уйти, ко мне подошел Джеймс.

— Кейт, — я почувствовала его руку на спине и напряглась. — Чем раньше ты ляжешь спать, тем быстрее вернешься утром. Пошли, я отвезу тебя домой.

— Теперь это не дом, — сказала я монотонным голосом, но позволила себя увести.

Я смотрела в окно, пока он вел машину в Эдем, радуясь, что парень не пытается начать разговор. Даже если бы и попытался, вряд ли я смогла бы ответить. Джеймс не открывал рта до самого приезда к дому; двигатель оставили включенным. На заднем фоне тихо играло радио, я едва различала текст песни. Тянула время. Мне не хотелось возвращаться домой. Я годами готовилась к неминуемому, но когда это действительно случилось, я не могла вынести мысли о том, чтобы остаться в одиночестве.

— Ты точно в порядке?

— Все нормально, — соврала я. Джеймс грустно улыбнулся.

— Я заеду за тобой утром.

— Я не пойду в школу.

— Знаю, — он не отводил взгляда. — Я отвезу тебя в больницу.

— Джеймс... тебе не обязательно это делать.

— Зачем еще нужны друзья? — было больно слышать неуверенность в его голосе. — Ты моя подруга, Кейт, и ты несчастна. Что может быть важнее, чем забота о тебе?

У меня задрожал подбородок, и до потока слез остались считанные минуты. Не зная, что еще делать, я наклонилась к водительскому сидению и обняла его. У меня никогда не было такого друга, готового пожертвовать своим днем, чтобы составить мне компанию у постели умирающей матери. Отправляясь в Эдем, я ожидала, что останусь одна, когда все закончится, но вместо этого я обрела Джеймса. Если и была причина оставаться в этом городке, то это он.

— Хотя бы возьми машину, — буркнула я ему в плечо. — Ты не должен идти домой пешком в темноте.

Он начал возражать, но я отодвинулась и серьезно на него посмотрела, после чего парень кивнул.

— Спасибо.

К тому моменту, как я уговорила себя отлепиться от него и выйти из машины, мое лицо было в слезах и соплях, но мне было плевать. Рядом с тротуаром виднелся пустой участок садовой земли и груда сорняков, лежащая на газоне.

— Увидимся завтра, — сказал он, голос доносился со двора. Я кивнула, не желая отвечать, и помахала на прощание, используя остаток сил, чтобы выдавить улыбку.

Я зашла внутрь с дрожащими руками, но знала, что нет смысла бояться пустого дома, и неважно, что в воздухе витал запах матери. Я еще долго буду жить сама.

Бесцельно бродя по коридорам, я проводила рукой по каждой поверхности, мимо какой проходила, пустым взглядом всматриваясь в темноту впереди. Сегодняшний день отметил конец единственной главы моей жизни, которую я когда-либо знала, и я понятия не имела, как пережить грядущую пустоту.

* * *

Когда пробило полночь, и прозвучал звонок в дверь, я лежала, свернувшись на маминой кровати, все еще не раздевшись. Ушло два звонка, чтобы я решила встретить гостя, но это не мешало мне тянуть время, сползая с кровати и плетясь на первый этаж. Прижав мамину подушку к груди, я открыла дверь, ожидая увидеть за ней Джеймса.

Но там стоял Генри.

Желудок ухнул до колен, и дымка, туманившая мне голову, испарилась.

— Привет, Кейт, — его голос обволакивал как мед, и я внезапно осознала, как ужасно выгляжу. — Помнишь меня?

Как я могла забыть?

— Да, — хрипло ответила я. — Ты Генри.

— Именно, — что-то грустное крылось за его улыбкой, что-то слишком хорошо мне знакомое. — Это мой камердинер — Уолтер.

Я осмотрела второго мужчину, все еще хватаясь за дверную ручку. Он был старше, его волосы были седыми, кожа морщинистой, а лицо — вытянутым.

— Здравствуйте, — неуверенно поздоровалась я.

— Вечер добрый, мисс Винтерс, — он тепло улыбнулся. — Можно войти?

Смысла беспокоиться, если они соберутся меня похищать, не было. Ава была права; если бы таков был план Генри, к этому моменту я бы уже валялась в кузове грузовика с обвязанными лентой руками. Кроме того, это больше не имело значения. Кивнув, я широко распахнула перед ними дверь.

Затем обеспокоенно повела их в гостиную. Включив свет, я села в кресло, не оставляя им выбора, кроме как занять диван. Генри устроился так, будто был здесь тысячу раз прежде; при свете было легче рассмотреть его лицо. Он выглядел таким же молодым и красивым, как в прошлый раз.

— Знаешь, какой сегодня день?

Я уже и не знала, какой был месяц, но появлению Генри на пороге моего дома могло быть лишь одно объяснение.

— Осеннее равноденствие, верно?

— Очень хорошо. Ты перечитала миф о Персефоне?

Во рту пересохло, но я кивнула.

— И ты готова исполнить свою часть сделки?

Я неуверенно перевела взгляд с одного мужчины на другого. Может, они все-таки намеревались меня похитить.

— Я не совсем понимаю суть нашей сделки.

Дальше заговорил Уолтер:

— В обмен на жизнь подружки вы согласились провести осень и зиму в поместье Эдем. Каждую осень и зиму, если все пойдет по плану.

Я уставилась на него.

— Что, простите?

— В качестве нашей почетной гостии, разумеется, — добавил он. — К вам будут относиться с особой заботой и уважением, предоставят все, о чем вы только можете пожелать.

— Погодите, — я встала слишком быстро, кровь прилила к голове. Я боролась с головокружением, отказываясь падать ниц перед ними. — Хотите сказать, что всю оставшуюся *жизнь* я должна проводить с ним полгода? Такова сделка?

— Да, — кивнул Генри. Он поднял руку, чтобы Уолтер умолк, и тоже встал. — Понимаю, будет нелегко, и тебе придется пройти некие... испытания. Но, уверяю, я сделаю все возможное, чтобы обеспечить тебе безопасность и счастье. Оставшиеся полгода можешь делать, что пожелаешь. Если захочешь, можешь завести отдельную жизнь — твое полное право. А пока ты будешь со мной, к тебе будут относиться, как к королеве. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы сделать тебя счастливой.

Он был смертельно серьезен. Сосредоточившись на одном слове в частности, я вспомнила миф, и моя кровь оледенела.

— Королева, — горько сплонула я. — То есть, ты хочешь, чтобы я стала твоей женой?

Генри нахмурился.

— Я не предлагаю тебе замужество, Кейт. Со смертью твоей матери тебя здесь ничего не будет держать, и я предлагаю тебе шанс на жизнь, которую ты и представить не можешь.

Я ощетибилась. Откуда он знал про маму?

— И что ты получишь взамен? Я не буду спать с тобой, если ты на это намекаешь. Я не такая.

Они с Уолтером обменялись веселыми взглядами.

— Уверяю, я хочу лишь насладиться твоей компанией. В чисто платоническом смысле.

Почему-то мне казалось, что это не все, что он получит взамен, но нет смысла притворяться, что у меня есть выбор. Я не собиралась проводить каждые шесть месяцев своей жизни с незнакомцем, что бы там он ни предлагал.

— Нет. Спасибо за предложение, но ты чокнутый, так что нет. Теперь, если вы не против, я хочу поспать.

Они не спорили. Уолтер встал, чтобы присоединиться ко мне и Генри, и я повела их к выходу, распахнув дверь, чтобы у них не было повода задержаться. Когда Генри выходил, то замер в шаге от меня. Он вправду был прекрасен, и, будучи так близко ко мне, было трудно вспомнить, почему полгода жизни с ним — плохая идея.

— Ты осознаешь, что произойдет, если не выполнишь свою часть сделки?

А, точно. Ведь каким бы красивым он ни был, это не отменяло его безумия.

— Нет, и мне плевать, — уверенно сказала я. — А теперь, прошу, уходи.

— Даю время до полночи, — сказал он, присоединяясь к Уолтеру на дорожке. — Боюсь, больше тянуть его я не смогу. Подумай над моим предложением, Кейт. Второго шанса не будет.

Вместо того чтобы ответить, я захлопнула дверь, пытаясь игнорировать, как дико тряслись мои руки.

* * *

Следующим утром приехал Джеймс, и он был настолько мил, что привез мне бублик. Я медленно ела его по дороге в больницу, аппетит отсутствовал. К счастью, парень не заставлял меня вести беседу.

Пока я сидела у кровати мамы и держала ее за руку, в голову прокрались предательские мысли. Если Генри спас Аву — коль это не было мое воображение или отвратительная шутка — мог ли он спасти и мою мать?

Я отказалась от этой идеи. Нельзя так думать, не когда я готовлюсь к надвигающемуся концу. Кроме того, то, что сделал Генри, было невозможно. Случайность, игра света, ужасный прикол, в котором Ава так и не призналась — что бы это ни было, мама была на пороге смерти, и никакие магические штучки ее не спасут. Она продержалась на годы дольше, чем должна была, и я знала, что стоит быть благодарной за это время вместе. Но наблюдение за тем, как с каждым часом она ускользает от меня, аннулировало мою благодарность.

Когда наступил вечер, и мы медленно вышли на больничную парковку, я, наконец, рассказала Джеймсу о случившемся. Он молчал, когда я закончила, засунув руки в карманы черной куртки.

— То есть, они просто предстали перед твоей дверью, без всяких предупреждений?

Я кивнула, у меня не было сил, чтобы и дальше думать об этом.

— Они не были грубыми, просто... это было странно.

Он открыл передо мной дверцу машины, и я опустилась на пассажирское сидение. Парень молчал, пока не занял место водителя.

— Ты не можешь пойти к нему, Кейт.

— Я и не планировала. Мама никогда бы меня не бросила, будь я на ее месте.

— Хорошо.

Мы выехали через парковку, перед нами раскрывался вид на закат. Я прикрыла глаза, пытаюсь набраться храбрости, чтобы озвучить слова, тревожившие меня весь день:

— Что, если он может спасти маму?

Джеймс нахмурился.

— Что еще он с тебя потребует за это?

— Что бы это ни было, оно того стоит, — тихо ответила я. — Если это будет значить, что она выживет.

Джеймс потянулся через сидение, чтобы накрыть мою ладонь своей.

— Знаю, но иногда нам ничего не остается, кроме как попроситься.

Мое лицо покраснело, а перед глазами все размылось, и я отвернулась от него, чтобы выглянуть в окно.

— Как думаешь, что случится, когда я не приду? Он не навредит Аве? Такова была сделка: я сделаю, как он хочет, и Генри спасет ее.

— Не навредит, — сказал Джеймс, хоть уголком глаза я увидела, что его хватка на руле окрепла. — Нет, если в нем есть хоть капля человечности.

Я вытерла глаза рукавом свитера.

— В том и вопрос.

* * *

Когда я добралась домой, то обнаружила на автоответчике шесть сообщений. Первое было из школы, желающей узнать, где я была, а следующие пять — от Авы, ее голос становился более взволнованным с каждым сообщением.

Хоть я и безумно устала, девушке я перезвонила. Было приятно слышать ее голос, несмотря на раздражающий позитив и беспрестанную болтовню подружки. Она трещала за нас двоих, и не возражала тому, что я едва отвечала. Джеймс был уверен, что с ней ничего не случится, но я не могла избавиться от беспокойства. Несмотря на то, что мы были знакомы всего несколько недель, после инцидента у реки я чувствовала ответственность за нее. Я не могла помочь матери, но если с Авой что-то случится из-за меня... я этого не вынесу.

— Ава? — позвала я, когда мы собрались прощаться.

— Да? — она явно была уже чем-то отвлечена.

— Сделай мне одолжение, будь осторожна сегодня, ладно? Не делай ничего глупого. Не забирайся на вышку и не играй со львами.

Она рассмеялась.

— Да, как скажешь. Я наберу тебя утром. Передай от меня привет маме.

Повесив трубку, я уже не могла заснуть. Вместо этого я наблюдала, как часы тикают с 23:59 до 00:00, и меня охватил тошнотворный страх. Вдруг что-то случится с Авой? Что тогда делать? Это будет моя вина. Несмотря ни на что, мы сдружились, и я должна была защищать ее от подобных вещей, а не сознательно перечить парню, считавшему, что она обязана ему своей жизнью. Или что я должна отдать ему свою.

Мне не хотелось думать о Генри. О том, как он вернул ее в ночь у реки, о его предложении. Я пыталась представить мамино лицо, но единственное, что представало перед глазами, это образ ее, лежащей в больничной кровати, умирающей.

Я перекадилась и закопалась лицом в подушку. Теперь я ничего не могла сделать, и чувство беспомощности сводило с ума. Но я уже приняла решение, и собиралась придерживаться его. Если будет по-моему, я больше никогда не увижу Генри.

* * *

В полвосьмого я проснулась от громкого стука в дверь. Застонала, учитывая, что заснула только около двух ночи, но игнорировать его не решалась. Распахнув дверь, поток проклятий исчез с кончика моего языка. Это был Джеймс, выглядевший так, будто не спал всю ночь. Я открыла перед ним дверь, проводя пальцами по спутанным коричневым волосам.

— Джеймс? Что такое?

— Ава.

Я замерла.

— Она мертва.

ГЛАВА 6

ПОМЕСТЬЕ ЭДЕМ

Люди поговаривали, что у нее была аневризма головного мозга, но я знала, что это бред. Когда мы с Джеймсом проезжали мимо школы на пути в больницу, я увидела множество школьников, собравшихся на парковке; они обнимались и плакали. Я не могла отвернуться.

— Развернись.

— Что?

— Я сказала развернись, Джеймс. Пожалуйста.

— И куда поедем?

Я уставилась в окно, не находя сил, чтобы оторваться от их лиц. Даже дети, которые ненавидели Аву, плакали. Я тяжело вздохнула, пытаясь не последовать их примеру.

Это моя вина. Аве было семнадцать. У нее была вся жизнь впереди. Если он собирался убить кого-то, то почему не меня? Это я по глупости отмахнулась от его предупреждений, не она.

Я крепко закрыла глаза, пока мы проезжали школу, образ горюющей толпы отпечатался на обратной стороне моих век. Так и будет проживаться моя жизнь? Все мои знакомые будут умирать? Кто следующий: Джеймс? Или они смилостивятся и возьмут меня следующей?

Во мне загорелась злость, поглощающая внутренности, пока я цеплялась за подлокотники, да с такой силой, что ногти оставили полуовальные следы на кожаной обивке. Ава не заслуживала смерти, и как бы Генри ни презирал ее за неудачную шутку, это не давало ему право так поступать с ней, с ее семьей, с этим городом. И за что? Потому что я ему не поверила? Потому что не хотела тратить половину своей жизни, потакая прихотям какого-то лунатика? Так он поступал, когда не получал желаемого — закатывал истерику и убивал людей?

Я проигнорировала тихий голос на задворках разума, напомнившего, что только благодаря Генри она пережила ту ночь у реки.

Я ничего не могла сделать, чтобы помочь своей матери, но я могла спасти Аву. И я это сделаю.

— Кейт, — тихо позвал Джеймс, кладя руку поверх моей. — Это не твоя вина.

— Как бы не так, — рявкнула я, отдергивая руку. — Она не была бы сейчас мертва, если бы не я.

— Если бы не ты, она бы умерла пару недель назад.

— Нет. Она бы никогда не попыталась провернуть эту глупую шутку, если бы я не согласилась пойти с ней. Она бы не ударилась головой, если бы я не переехала в Эдем. Ничего из этого не случилось бы, если бы я не приехала!

— Так это твоя вина из-за переезда? — его хватка на руле окрепла от раздражения. — Это Ава решила прыгнуть в реку. Ты согласилась пожертвовать половиной своей жизни, чтобы она выжила. Ты подарила ей больше времени, Кейт, разве ты не понимаешь?

— Что толку с тех нескольких недель? — отрезала я, яростно вытирая щеки. — Все это было бессмысленно. Ничто из этого не должно было произойти.

— Кейт... — начал парень, но я снова отвернулась. Мы уже проехали школу.

— Просто езжай, Джеймс. Пожалуйста.

— Куда?

— Если он смог вернуть ее к жизни раз, то сможет сделать это и дважды.

Он вздохнул и сказал таким тихим голосом, что я засомневалась, расслышала ли его правильно:

— Не уверен, что это работает по такой схеме.

Я с трудом сглотнула.

— Если хочешь снова увидеть Аву, то начинай надеяться, что это не так.

* * *

Десятью минутами позже мы подъехали к воротам. К этому моменту мое тело начало дрожать, разрываясь между яростью и отчаянием. Как Генри посмел это сделать? Он должен был знать, что я не поняла или не поверила его словам, но все равно пошел на этот страшный поступок.

Он должен вернуть ее обратно. Неважно, за какую цену, я его заставлю.

Когда мы проезжали с мамой мимо ворот в прошлый раз, они были закрыты, но сегодня между ними виднелась достаточно широкая щель, чтобы я могла пройти. Я оглянулась на Джеймса, не зная, что сказать.

— Ты не должна это делать. Нет никакой гарантии, что он сможет оживить Аву. Не факт, что когда ты зайдешь туда, то сможешь вернуться.

— Мне все равно. Я заставлю его все исправить.

— Кейт, ты знаешь, что это невозможно.

Я стиснула зубы.

— Я должна попробовать. Нельзя дать ей просто умереть, Джеймс. Я не могу.

— Она не твоя мать, — ласково произнес парень. — Как бы яростно ты ни боролась за жизнь Авы, это не изменит того, что уже произошло. Это не спасет ни ее, ни твою маму.

— Знаю, — подавилась я, хоть маленькая частичка меня гадала, так ли это. Но я уже видела, как Генри творил чудеса. Он сможет сделать это снова, я была уверена в этом — и, возможно, если я сделаю так, как он хочет, он спасет не только Аву. — Это мой выбор, и если есть даже крошечный шанс, что все это можно изменить, я узнаю как. Прошу тебя, — сказала я дрожащим голосом. — Дай мне это сделать.

Джеймс молчал с мгновение, но затем кивнул, не глядя на меня.

— Делай, что должна.

Мои руки тряслись, пока я пыталась отстегнуть ремень безопасности. Джеймс потянулся и сделал это за меня.

— А вдруг он серьезно? Что, если он хочет, чтобы ты осталась здесь на шесть месяцев?

— Тогда я сделаю это, — я посмотрела на огромные ворота, и меня охватило дурное предчувствие. Я останусь здесь и на год, если это спасет ее. Их. — Шесть месяцев — это еще не конец света. Я сделаю, что должна.

Он кивнул с рассеянным видом.

— Я буду ждать здесь. Но, Кейт... — парень замешкал. — Ты действительно думаешь, что он тот, за кого себя выдает?

Мое сердце быстрее забилося в груди.

— Он не говорил, кто он такой.

Джеймс вздохнул. Я его ранила своими поступками, но у меня не было выбора.

— И кто он, по-твоему?

Я нахмурилась, вспоминая слова Авы.

— Очень одинокий парень.

Если бы Генри хотел меня убить, он бы уже это сделал. Он дал мне выбор, просто я приняла неверное решение. Мне нужно либо смириться со смертью Авы, либо что-то сделать — судя по всему, с меня хватило смертей. Я не дам этому случиться вновь.

Вспоминая все обещания, данные матери, я сделала глубокий вдох, жалея, что не могу с ней поговорить. Она бы знала, что делать.

— Ты позаботишься о моей маме, правда?

Джеймс благоразумно не стал настаивать, что она будет здесь, когда я вернусь, когда бы это ни случилось.

— Обещаю. Я скажу в школе, что ты не вернешься.

— Спасибо, — одной проблемой меньше.

Дорога от машины к воротам была самой трудной в моей жизни, но если это вернет Аву, я отдам свою свободу Генри. Он был прав; кроме мамы, у меня никого больше не было. Как только она умрет, моя жизнь опустеет. Но сейчас у меня была возможность обменять остатки своей жалкой жизни на кого-то, кто насладится ею сполна. Жизнь Авы только началась. А лучшие моменты моей были уже позади. Мама хотела, чтобы я обрела счастье, но без нее это невозможно. По крайней мере, так я не потрачу свою жизнь впустую.

Я вошла через ворота, и атмосфера мгновенно поменялась. Здесь было теплее, а воздух был будто наэлектризован. Сделав еще пару шагов, я услышала звук закрывшихся ворот и подпрыгнула. Развернувшись, увидела Джеймса, стоящего у машины и смотрящего на меня. Помахала ему, и он сверкнул грустной улыбкой.

Дорога обрамлялась деревьями с одинаковым расстоянием друг от друга. У меня ушло пару минут, чтобы забраться на холм, а затем я замерла с открытым ртом. Такого я никак не ожидала.

На земле раскинулось огромное поместье, даже с холма не было видно, что находилось за ним. Дальше тропинка превращалась в асфальтную дорогу, заворачивая к входу в дом и формируя идеальный овал.

Подобные здания я видела лишь на картинках с европейскими домами и была уверена, что нигде в Верхнем полуострове — или даже во всем штате — таких мест не существовало. Поместье сверкало белым золотом и выглядело очень величественно.

У меня ушло некоторое время, чтобы осознать, что я больше не одна. Дюжина садовников и работников пялились на меня, и я внезапно смутилась. Я внутри, теперь что?

Вдалеке я увидела женщину, бегущую ко мне, придерживая юбку, пока она взбиралась по холму. Вместо того чтобы сделать шаг назад, я стояла на месте, разрываясь между восторгом, страхом и решимостью. Как бы ни был прекрасен дом, мне все еще нужно увидеть Генри — и побыстрее.

— Добро пожаловать, Кейт! — сказала женщина, и у меня чуть челюсть не отвалилась, когда я услышала ее голос.

— София?

Естественно, как только она приблизилась, я узнала в ней сиделку, помогавшую мне приглядывать за мамой в течение прошлых недель. Я уставилась на нее в шоке, но София вела себя так, будто ничего особенного не произошло. Ее щеки покраснелись от бега, а на лице светилась улыбка до ушей. Она взяла меня за руку.

— А мы все гадали, когда же ты появишься, детка. Как твоя мама?

У меня ушла секунда, чтобы вновь обрести голос.

— Умирает. Что вы тут делаете?

— Живу, — она начала вести меня к дому, и я изо всех сил пыталась не пялиться.

— Вы знаете Генри?

— Конечно. Все его знают.

— А вы тоже умеете оживлять мертвых? — пробормотала я, и женщина цокнула языком.

— А ты?

Я сжала кулаки.

— Мне нужно его увидеть.

— Знаю, милая. К нему мы и направляемся.

Я оглянулась на нее, гадая, то ли она говорила со мной свысока, то ли просто пыталась избежать ответа. София проигнорировала мой взгляд и повела по овальному двору, пока мы не дошли до огромных французских дверей, открывшихся сами собой. Вместо того чтобы последовать за ней внутрь, я замерла от удивления.

Двор не мог даже сравниться с величием прихожей. Она была сделана просто и со вкусом, совсем не вызывающе, но при этом далеко не посредственно.

Пол был из белого мрамора, но в конце зала я увидела плисовый ковер. Стены и потолок были зеркальными, зрительно увеличивая и без того огромный зал.

Но мое внимание полностью захватил центр комнаты. На полу был нарисован идеальный круг из хрусталя, и пока это было самым невероятным в этой прихожей. Он мерцал, цвета будто смешивались под моим взглядом. Мой рот невольно открылся, но мне было все равно — все здесь было сюрреалистично, и я едва могла поверить, что все еще нахожусь в Мичигане.

— Кейт?

Я оторвала свой взгляд от пола и наконец повернулась к Софии. Она стояла в паре шагов впереди меня и нерешительно улыбалась.

— Простите, — я подошла к ней, обходя хрустальный круг, будто это была вода. Хотя, все может быть. — Просто это...

— Прекрасно, — радостно сказала она, снова хватая меня за руку и ведя мимо огромной спиральной лестницы, поднимающейся к той части поместья, которую я не могла увидеть. Я даже не пыталась, не желая тратить попусту время.

— Ага, — ничего лучше я сказать не могла, у меня и так пропал дар речи. Я ожидала чего угодно, только не этого.

Женщина провела меня через ряд комнат, каждая оформлена в уникальном и утонченном стиле. Одна была красной с золотым, другая небесно-голубой с фресками на стенах. Я видела гостевые комнаты, игровые, кабинеты и даже две библиотеки. Казалось невероятным, что все это уместилось под одной крышей — и, судя по всему, принадлежало какому-то мальчишке, немногим старше меня, если только его родители тоже не жили здесь — дом был бесконечным.

Наконец мы свернули в очередной коридор и зашли в комнату с темно-зелеными стенами и золотой отделкой. В сравнении с другими комнатами, здешняя мебель казалась более потрепанной и комфортной; София указала мне на черный кожаный диван.

— Присаживайся, милая, я попрошу кого-нибудь принести тебе воду. Генри скоро

подойдет.

Я села, не желая оставаться одной, но выбора не было. На кону была жизнь Авы, и это — мой единственный шанс. Если Генри захочет оставить меня здесь — ладно. Я сделаю что угодно, лишь бы он пообещал вернуть девушку, даже если это значит, что я проведу остаток жизни за изгородью. Я пыталась забыть о словах Джеймса в машине: о том, что Ава не моя мать. Я была здесь не поэтому.

Но, подумав об этом, я поняла, что обманываю себя. Разве не крошечная возможность, что Генри спасет мою маму — или меня от боли потери — привела меня сюда? Я сделаю все, чтобы спасти Аву, но она мертва уже много часов, и об этом знал весь город. Генри несомненно захочет повысить цену за ее повторное возвращение, и какой бы храброй я ни пыталась смотреться, мысль, что остаток жизни придется провести за этими воротами, меня пугала. Я не отказывалась от своих намерений, но даже если Джеймс прав, и это невозможно, моя-то мама еще не мертва. У Генри есть шанс спасти ее.

Не знаю, как долго я сидела в молчании, глядя пустым взглядом на полки, полные книг в кожаных переплетах. Я мысленно повторяла свою речь, убеждаясь, что она включает в себя все, что мне хотелось сказать. Он ведь должен меня выслушать, не так ли? Даже если не захочет, я буду говорить достаточно долго, и он просто будет обязан ко мне прислушаться. Я должна попытаться.

Уголкем глаза я заметила Генри в дверном проеме, держащего поднос с едой. Мои пальцы впились в диван, и вся заготовленная речь вылетела из головы.

— Кейт, — сказал он низким и приятным голосом. Зайдя внутрь, он поставил поднос на столик передо мной и сел на диван напротив.

— Г-Генри, — сказала я, ненавидя себя за заикание. — Нам нужно поговорить.

Он кивнул головой, молча давая разрешение начинать. Я открыла и закрыла рот, не зная, что сказать. Пока он ждал, то налил нам чашку чая. Никогда раньше не пила его из фарфоровой посуды.

— Извини, — сказала я, в горле пересохло. — Что не послушала тебя вчера. Я не рассуждала трезво, и не подозревала, что ты говорил серьезно. Маме было очень плохо, и я просто... пожалуйста. Я здесь. Я останусь. Сделаю все, что ты захочешь. Только верни Аву.

Он сделал глоток чая и указал мне продолжать. Мои руки дрожали.

— Ей семнадцать, — с каждым словом в мой голос проникало все больше ноток отчаяния. — Она не должна терять свою жизнь из-за моей глупой ошибки.

— Это была не твоя ошибка, — он поставил чашку и сосредоточился на мне. Его глаза были все того же безумного оттенка лунного сияния, и я съежилась под его напряженным взглядом. — Твоя подруга сделала выбор, когда решила прыгнуть в реку и бросить тебя. Я не держу тебя в ответе за ее смерть. И ты тоже не должна.

— Ты не понимаешь. Я не знала, что ты говорил всерьез. Просто не понимала. Не думала, что она вправду умрет... считала, ты шутишь или... не знаю. Я даже не подозревала, что ты на такое способен, а теперь... умоляю! Она не заслуживает смерти за пару ошибок.

— А ты не заслуживаешь того, чтобы отдавать половину своей жизни взамен ее.

Я вздохнула, на глаза накатились слезы раздражения. Чего он хотел от меня?

— Ты прав, я не хочу здесь оставаться. Это место меня пугает. Ты меня пугаешь. Не знаю, кто ты такой или что это за место, но последнее, чего я хочу, это провести тут пол своей жизни. Может, Ава не была со мной особо милой поначалу, но затем она стала мне подругой. Ее смерть — моя вина, и она этого не заслуживала. На ее месте должна была быть

я, и я не могу с этим жить. Не могу смотреть на себя в зеркало каждый день, зная, что это из-за меня ее семья потерпела такое горе, прямо как... — я замолкла. Прямо как терплю я из-за смерти мамы. — Не могу. Так что, если это вернет Аву, я останусь здесь на сколько ты захочешь, обещаю. Только сделай это.

Не совсем та речь, которую я запланировала, но тоже сойдет. К моменту, как я закончила, в моих глазах блестели слезы, и я так крепко сжимала чашку, что она чудом уцелела.

Генри молчал, глядя на свой чай. Понятия не имею, о чем он думает, да и знать-то особо не хочу. Важно только одно: чтобы он согласился.

— Ты добровольно откажешься от шести месяцев каждого года своей жизни, чтобы спасти подругу? Даже после того, что она сделала? — в его голосе слышалось недоверие.

— Ее поступок не заслуживает смертельного наказания. Многие люди ее любят, и они не должны так страдать из-за моей оплошности, — возможно, понимание, что я ее спасла, облегчит немного и мою боль.

Он постукал пальцами по подлокотнику дивана, снова сосредоточившись на мне.

— Кейт, я приглашаю к себе в дом не каждого встречного. Ты понимаешь, почему я выбрал тебя?

Потому что ты псих? Я покачала головой.

— Потому что даже когда она тебя бросила, ты не поддалась злобе и не дала ей умереть, а сделала все, что в твоих силах — включая борьбу со своими страхами — чтобы спасти ее.

Я не знала, что сказать.

— Разве так поступил бы не каждый?

— Нет, — его улыбка была усталой. — Большинство даже не подумало бы о таком варианте. Ты — редкость, и это меня интригует. Когда ты вчера отказалась от моего предложения, я подумал, что ошибался, но, придя сюда сегодня, ты только подтвердила, что достойная и способная девушка.

Я насторожено посмотрела на него.

— Достойная и способная на что?

Парень проигнорировал мой вопрос.

— Я предложу лишь раз. В ответ я не смогу вернуть к жизни твою подругу. Она мертва, и, боюсь, если я верну ее тело сейчас, она превратится во что-то неестественное и никогда не обретет свое счастье. Но клянусь, она обрела покой.

Я почувствовала пустоту в груди.

— Так все это бессмысленно?

— Нет, — Генри наклонил голову и слегка прищурился. — Я не могу отменить то, что уже сделано, но я могу это *предотвратить*.

— Что именно?

Он уставился на меня, и я снова ухватилась за лучик надежды. Думала, мне самой придется поднимать эту тему, но Генри сделал это за меня.

Он мог предотвратить смерть моей мамы.

— Ты... ты правда можешь это сделать?

Он замешкался.

— Да. Я не могу вылечить ее, но могу сохранить ей жизнь до той поры, пока ты не будешь готова попроситься. Я могу дать тебе шанс провести с ней больше времени, а когда ты станешь готова, я удостоверюсь, что она тоже обретет покой.

Я осмыслила его слова, и мое тело охватила странная теплота.

— Как? — прошептала я.

Генри покачал головой.

— Тебе не стоит об этом беспокоиться. Если согласишься, я дам слово, что сдержу обещание.

Я всегда думала, что смогу попрощаться с мамой. Но ни один из моих воображаемых сценариев не включал в себя ее кому и, соответственно, отсутствие возможности сказать ей в последний раз, что я люблю ее, а теперь...

— Хорошо, — тихо сказала я. — Ты... ты сохранишь ей жизнь. У нее очень тяжелое заболевание, так что... это задание не из легких. — Внезапно я перестала видеть перед собой из-за накатившихся слез. — Но она не будет чувствовать боли, так? Я просто... хочу с ней попрощаться.

— Не будет, я об этом позабочусь, — он грустно улыбнулся. — Что-нибудь еще? Ты отдаешь гораздо больше, чем я, и мне нужно, чтобы ты была уверена в своем решении.

Я сглотнула.

— Ты не можешь вылечить ее?

— Прости, но прощания не вечны. Даже смерть не может уменьшить твою любовь к матери.

Я опустила голову и уставилась в чашку, не желая, чтобы он видел мое разочарование.

— Не знаю, кто я без нее.

— Тогда у тебя будет шанс узнать перед тем, как она покинет этот мир, — Генри поставил чашку. — И когда ты попрощаешься, она умрет со спокойной душой, зная, что с тобой все будет хорошо.

Я кивнула со сдавленным горлом. Мама хотела, чтобы я жила счастливо, но я пока не могла ей этого пообещать. Шанс на еще один разговор, возможность сказать, что я люблю ее в последний раз и поклясться, что когда-нибудь я снова буду счастлива, чтобы она умерла со спокойной душой — это того стоило.

— Значит, договорились, — тихо сказал Генри. — Ты будешь моей гостьей на зиму. София проведет тебя в твою комнату, и тебя не будут трогать до завтра.

Я снова кивнула. Вот оно — я стала заложницей этого места, которое послужит мне домом на следующие полгода. Внезапно комната показалась мне в разы меньше, чем первоначально.

— Генри? — едва пропищала я.

— Да?

— А София знала, что это произойдет?

Он рассматривал меня с пару секунд, будто решая, поверю ли я его следующим словам.

— Да, мы наблюдали за тобой.

Я не осмелилась спрашивать, кто были эти «мы».

— Что это за место?

Парень развеселился.

— Разве ты еще не догадалась?

Я почувствовала, как кровь отлила от лица. По крайней мере, не вся, иначе бы я уже валялась без сознания.

— Я была немного занята, думая о другом.

Поднимаясь на ноги, Генри протянул мне свою руку. Я не взяла ее, но парня это ничуть

не смутило.

— У него много названий. Элизиум, Аннун, Рай — некоторые даже зовут его Эдемским Садам.

Он улыбнулся, будто удачно пошутил. Я ничего не поняла, и, должно быть, на моем лице отразилось недоумение, поскольку он продолжил:

— Это ворота между миром живых и мертвых. Ты еще жива. Остальные умерли давным-давно.

По телу прошел холодок.

— А ты?

— Я? — уголок его губ едва заметно дернулся. — Я правлю мертвыми. Я не один из них.

ГЛАВА 7

НЕВЕРОЯТНОЕ

Моя комната оказалась на удивление удобной. В отличие от остальных, эта не «кричала», что была частью очень богатого и властного дома. Нет, моя спальня была относительно скромной, не считая роскошной кровати: огромной, с балдахином, о котором я всегда мечтала. Я гадала, знал ли об этом Генри.

Казалось, все здесь были в курсе моего присутствия, будто я — знаменитость. Я слышала шепот и хохот со стороны двери, а каждый раз, когда выглядывала в окно, рабочие внизу поднимали на меня взгляд, как если бы чувствовали, что я за ними наблюдаю. Мне не нравилось быть объектом сплетен, но я ничего не могла с этим поделать, кроме как закрыть шторы и закопаться головой в подушках.

День пролетел быстро, вскоре София принесла мне ужин. Меня все еще раздражало, что она не предупредила меня о своей роли во всем этом, потому я пробормотала благодарности, не глядя на нее, и отказалась отвечать на любые вопросы. Не то чтобы мое нынешнее положение было для кого-либо тайной.

После того как она ушла, я отодвинула еду, слишком беспокоясь о завтрашнем дне, чтобы есть. Я не обязана сидеть в своей комнате, но идти было некуда, по крайней мере сейчас, когда потеряться в доме проще простого.

Каким бы красивым он ни был, каким бы доброжелательным ни казался персонал, какой бы вкусной ни была еда, я все равно пленница. Я подумала о Джеймсе, гадая, сколько он прождал меня у ворот и поехал ли после к моей маме. Шесть месяцев казались для меня вечностью, их конец был отнюдь не близок — сдержит ли он обещание? Будет ли ждать меня или забудет, как страшный сон? В глубине души я знала, что будет. Я не заслуживала такого друга.

Но что насчет моей мамы? Сдержит ли обещание Генри? Способен ли он на подобное? Мне хотелось верить, что это в его власти — поскольку, если он действительно сможет поддерживать в ней жизнь, возможно, мне никогда не придется прощаться, хотя бы до той поры, когда и мне придет время умирать. Или к тому моменту уже найдут лекарство от ее болезни.

Я не спасла Аву, но у мамы еще была надежда, и я готова пойти на все — это того стоит.

Не помню, как уснула, но когда я открыла глаза, я уже не была в поместье Эдем. Я лежала на подстилке посреди Централ-парка и смотрела на ясное летнее небо, мое лицо пригревало солнце.

Я недоуменно села и огляделась. Рядом со мной стояла корзинка для пикника, на траве сидели люди и наслаждались моментом. Овечья лужайка. Это было мое любимое место в парке, с видом на озеро, отдаленное от самых популярных точек для туристов. Мы с мамой годами не могли сюда выбраться. Я начала вставать, желая разобраться, что происходит, и открыла рот от удивления.

Моя мама, здоровая, как десять лет назад, задолго до рака, шла по небольшому холму, одетая в длинную свободную юбку и блузку, в которой я ее не видела с тех пор, как она сильно похудела.

— Мам?

Женщина улыбнулась — искренней улыбкой, а не той, которой она меня одаряла в

последнее время, пытаюсь скрыть испытываемую боль.

— Здравствуй, милая, — она села рядом со мной и поцеловала в щеку.

Я замерла на мгновение, пораженная ее присутствием, но когда до меня наконец дошло, что она действительно здесь — здоровая и в отличном расположении духа — я крепко ее обняла и вдохнула столь родной запах. Яблоки и фрезии. Она больше не была хрупкой и смогла обнять меня так же крепко.

— Что происходит? — спросила я, пытаюсь не расплакаться.

— У нас пикник, — мама отпустила меня и начала разбирать корзинку. В ней была моя любимая с детства еда: бутерброды с ореховым маслом, мандариновые дольки, макароны с сыром в пластиковом контейнере и достаточно шоколадного пудинга, чтобы прокормить небольшую армию. Но лучше всего была пахлава ее собственного приготовления. Я ошеломленно наблюдала за процессом, гадая, что я сделала, чтобы заслужить такой шикарный сон, хоть он и казался реальным. Я чувствовала каждую травинку под своими ладонями, теплый ветер раздувал мои волосы, щекотавшие руки. Казалось, будто мы действительно сидели в парке.

А затем мне пришла в голову тревожная мысль, и я посмотрела на маму с подозрением.

— Это Генри привел тебя сюда?

Ее улыбка стала шире.

— Он очень милый, не так ли?

Я сделала глубокий вдох, и все плохие мысли о парне улетучились из головы. Он сдержал обещание. Более того, он действительно был на это способен.

— Так это сон? Или все... по-настоящему?

Она вручила мне контейнер с макаронами и окинула меня типичным материнским взглядом.

— А есть какое-то неведомое мне правило, означающее, что одно противоречит другому?

Меня наполнило чувство иррациональной надежды.

— Он действительно тот, за кого себя выдает?

— И за кого же? — она взяла бутерброд.

Я выпалила все, что произошло со мной по приезду в Эдем. Рассказала о «встрече» с Генри после того, как мы чуть не врезались в воображаемую корову. О вечере у реки, когда он оживил Аву, о нашей сделке, как Джеймс пытался меня остановить, о визите Генри, как Ава умерла на следующий день, о своем решении пойти в поместье Эдем, чтобы попытаться спасти ее и, наконец, о новой сделке, подарившей нам этот пикник. Внезапно шесть месяцев с ним показались мне не такими уж плохими, если у меня будет возможность видеться с мамой каждую ночь.

— Любопытно, — сказала она, хоть в ее глазах читалось нескрываемое веселье. Я не видела ничего забавного в данной ситуации. — Хотела бы я, чтобы ты рассказала мне об этом раньше, Кейт.

— Прости, — мои щеки загорелись, и я уставилась на свои ладони. — Я думала, что схожу с ума.

— Едва ли, — она взяла меня за подбородок, поднимая его, пока мы не встретились взглядами. — Обещай, что с этого момента будешь мне обо всем рассказывать. Я не хочу ничего пропустить.

Я кивнула. Больше времени с ней — это все, о чем я только могла мечтать.

— Мам? — тихо сказала я. — Я люблю тебя.

Она улыбнулась.

— Знаю, милая.

* * *

Когда я проснулась, то не сразу поняла, где нахожусь. Моя кожа все еще была нагретой от солнца из моего сна, и я отчасти ожидала увидеть маму, но вместо нее моим глазам предстал лишь балдахин кровати.

Я села со стоном и часто заморгала, пытаюсь прогнать сон. Что-то было не так, но я не могла разобраться, что именно. Затем, после долгого мгновения, меня накрыли воспоминания о вчерашнем дне, о сделке с Генри, и мое сердце пропустило удар. Так это все-таки не сон!

— Как думаешь, она уже проснулась? Должна ведь, да?

— Ну, теперь так точно.

Я замерла. Шепот доносился из-за штор на кровати, эти голоса были мне незнакомы. Первый был добрым и звонким; судя по второму, его хозяйка мечтала находиться где угодно, только не здесь. Не мне ее винить.

— Как думаешь, какая она? Лучше, чем предыдущая?

— Любая будет лучше, чем предыдущая. А теперь заткнись, пока ты действительно ее не разбудила.

Я сидела с какое-то время, пытаюсь обдумать то, что услышала. Прошлой ночью я заперла дверь, это точно, так как они тогда сюда попали? И что подразумевалось под «предыдущей»?

Прежде чем я успела слово сказать, у меня громко заурчал живот. Знаете, от такой громкости обычно весь класс на тебя оборачивается и начинает смеяться, пока ты прячешься под партой и пытаешься не покраснеть. В общем, благодаря моему желудку-предателю все шансы подслушать разговор аннулировались.

— Она проснулась! — шторы отодвинулись, и я прикрыла глаза от утреннего света. — О! А она симпатичная!

— И брюнетка. Давно таких не было.

— Спасибо, наверное, — буркнула я, все еще не видя из-за солнца, с кем я разговаривала. — Вы кто?

— Каллиопа! — это представилась та, что постоянно говорила с восклицанием и назвала меня симпатичной. Я заставила себя приподнять веки, чтобы рассмотреть девушку. Ниже меня, со светлыми волосами до талии и круглым лицом, покрывшимся румянцем от радости. Она выглядела такой счастливой, что я боялась, ее разорвет от эмоций.

— Элла, — сухо добавила вторая девушка. Я прищурилась и окинула ее взглядом, чувствуя укол зависти. Темные волосы, высокая, невероятно красивая и явно умирает со скуки.

— А ты Кетрин, — сказала Каллиопа. — София говорила нам о тебе, как ты пришла, чтобы помочь подруге, и что ты останешься с нами на полгода, и...

— Каллиопа, перестань, ты пугаешь ее.

Не знаю, было ли подходящим слово «пугала», но сойдет. Каллиопа вприпрыжку

приблизилась ко мне, и я начала отклоняться. Ее избыток чувств меня настораживал.

— Ой, — девушка сделала шаг назад и снова залилась румянцем. — Прости. Ты голодна?

Сделай глубокий вдох, Кейт. Вдох, выдох, вдох, выдох. Может, так эта ситуация начнет приобретать хоть какой-то смысл.

— Сначала она должна одеться, — сказала Элла, идя к шкафу. — Кетрин, какой твой любимый цвет?

— Зови меня Кейт, — процедила я. На улице было слишком рано для этого. — И у меня его нет.

— Нет любимого цвета? — взвизгнула поверженная в шок Каллиопа, подходя ко второй девушке. Я встала и потянулась, не замечая, что они там делают. Обе стояли перед шкафом, полным нарядов.

— Не сегодня, — раздраженно ответила я. — Я и сама могу одеться, знаете ли.

Элла и Каллиопа достали что-то длинное, голубое и мягкое из кипы одежды. Затем повернулись ко мне и протянули...

О нет.

— Одеваться самой не вариант, если только ты не обладаешь сверхъестественной способностью лично зашнуровывать корсет, — сказала Элла с блеском в глазах. Не знаю, от смеха или злорадства. Возможно, и от того, и другого.

Они протянули платье с таким глубоким вырезом, что даже Ава не решилась бы его надеть. Рукава были длинными и узкими, слегка расширяясь в конце. И оно было с кружевом.

У меня округлились глаза.

— Вы же не всерьез?

— Тебе не нравится? — нахмурилась Каллиопа и провела рукой по мягкой ткани. — Как насчет желтого? Тебе пойдет этот цвет.

— Я не ношу платья. Никогда.

Элла фыркнула.

— Мне плевать, отныне будешь. Я в ответе за твой гардероб, и если ты не хочешь носить то, что на тебе сейчас, пока не завоняешь так, что к тебе никто не подойдет, ты наденешь платье.

Я посмотрела на этот голубой ужас.

— Я тебе не кукла. Ты не можешь указывать, что мне носить.

— Вообще-то могу, — ответила она. — И буду. У нас в распоряжении наряды столетней моды, и я могу превратить твою жизнь в кошмар, если ты попытаешься со мной спорить. Никогда не пробовала садиться в криолине? — она многозначительно на меня посмотрела. — Будешь хорошо себя вести, и я подумаю над тем, чтобы периодически устраивать тебе выходной. Но это мой выбор. Ты отдала свой, когда согласилась остаться здесь.

— Кроме того, здесь все носят платья, — добродушно заявила Каллиопа. — Ты попробуй сначала.

Элла протянула мне его.

— Твое решение. Роскошные удобные платья, к которым ты привыкнешь через пару дней, или джинсы, которые через неделю затвердеют до такой степени, что не будут складываться.

Испутив гортанный рык, я выдернула наряд и забежала в ванную. Элла может заставить меня надеть его, но это не значит, что оно должно мне нравиться.

* * *

Зашнуровывали меня минут двадцать, и это мы еще не брались за корсет. Тут я провела четкую границу, а Элла была не настолько глупой, чтобы заставляя меня влезть в него. Платье мне шло и нигде не давило, что уже радовало. Еще не хватало, чтобы у меня грудь упиралась в подбородок.

Как только они закончили меня одевать, Каллиопа занялась моими скудными волосами. Она что-то напевала, пока работала, и все мои вопросы игнорировала или внезапно перебивала куплетом песни. Только я начала гадать, закончится ли это когда-нибудь, как она объявила, что я готова, и завтрак уже подан.

Завтрак. Я была так голодна, что даже не возражала, когда меня заставили влезть в пару туфель на каблуках. Это мы обсудим позже, особенно если мне придется спускаться по лестнице, но пока на горизонте виднелась еда, я смогу с этим смириться.

Все еще чувствуя себя растерянно, я последовала за ними из комнаты, жалея, что не сильно разобралась в происходящем. Так будет каждое утро или мне, в конце концов, разрешат одеваться самостоятельно? Были ли они мне друзьями, как явно хотела того Каллиопа, или девушки должны приглядывать за мной, чтобы я не сбежала?

Это были не главные вопросы, но, как я подозревала, ответы я получу только на них. А пока, с Каллиопы и Эллы кое-что причиталось.

— Каллиопа? — позвала я, когда они повели меня по лабиринту залов и коридоров. Предположительно, в этом огромное поместье должна быть обеденная, но я не особо им верила. Казалось, мы бродили часами. — Что ты имела в виду, когда спросила, лучше ли я, чем предыдущая?

Она одарила меня пустым взглядом.

— Предыдущая?

— Когда вы думали, что я сплю... ты упомянула, что я лучше предыдущей. Что имелось в виду?

Девушка задумалась на мгновение, прежде чем ее озарило.

— О! Предыдущая. Я имела в виду последнюю девушку Генри.

У него была другая?

— Как давно это было?

Каллиопа переглянулась с Эллой, хранившей молчание.

— Где-то около двадцати лет назад.

Ха, очевидно, Генри был тогда младенцем. Если только он не говорил правду насчет правления мертвыми, но я еще не была готова в это поверить.

— Тогда зачем я здесь? Куда она делась?

— Она...

Элла так резко накрыла рот девушки ладонью, что в коридоре раздалось эхо от хлопка.

— Это не наше дело и не нам тебе объяснять, Кетрин. Хочешь знать, почему ты здесь, спроси у Генри, — резко сказала она, — а ты... — и сердито посмотрела на Каллиопу.

— Ой, — тихо сказала я, когда мне пришла в голову еще одна мысль. — Он... он сказал,

что все здесь мертвы. Это правда? Вы...?

Обе девушки не испытали удивления от моего вопроса. Элла убрала руку, позволяя Каллиопе ответить.

— Да, ты совершенно права, — она потерла щеку и окинула Эллу злобным взглядом. — А в случае Генри, он вообще никогда не жил.

— Когда вы... э-э, родились?

Девушка фыркнула.

— Негоже задавать дамам такие вопросы.

Элла прыснула, и Каллиопа стала испепелять ее взглядом.

— Элла такая старая, что даже не помнит, в каком году родилась, — сказала она, будто этого факта стоило постыдиться. Я покачала головой, потеряв дар речи, не зная, во что верить.

Вторая девушка ничего не сказала, просто открыла очередные двери, заходя в большую комнату со столом, за которым с легкостью бы поместилось тридцать человек. У меня голова шла кругом от рассказа Каллиопы, и ушло мгновение, прежде чем я поняла, что комната полна людей.

— Твои поданные, — сухо сказала Элла. — Слуги, преподаватели, все, с кем ты в будущем будешь контактировать. Они хотели познакомиться.

Я замерла в проходе, чувствуя, как кровь отлила от лица. На меня смотрели десятки глаз, что до боли смущало.

— Они будут здесь, пока я ем? — прошептала я. Лучше и не придумаешь, мне кусок в горло не ползет.

— Я могу их отослать, если хочешь, — сказала Каллиопа, и я кивнула. Она пошла вперед и дважды хлопнула в ладоши; люди начали расходиться. Остались лишь официанты и двое мужчин у стены с опасным оружием в руках. Высокий блондин был таким непоколебимым, что походил на статую, а брюнет рядом постоянно ерзал, будто молчание и стойка смиренно были для него в новинку. На вид ему было не больше двадцати.

— Тебя всегда будут охранять, — сказала Элла, заработав от меня удивленный взгляд. Она двинулась дальше, грациозная, как лань, и указала на место во главе стола. — Присаживайся.

Я последовала за ней, изо всех сил пытаюсь не наступить на подол своего длинного платья, и села. Теперь в комнате было около дюжины человек, но они все еще смотрели на меня.

— Ваш завтрак, ваше высочество, — сказал мужчина, ставя передо мной тарелку. Элла подняла крышку, не давая мне сделать это самой. На ее лице все еще была написана скука.

— Э-э, спасибо, — поблагодарила я, сбитая с толку. «Ваше высочество?». Я взяла вилку и приготовилась к расправе над кусочком фрукта, но чья-то бледная рука схватила меня за запястье раньше, чем я успела это сделать.

Я поражено подняла взгляд и увидела над собой Каллиопу, ее голубые глаза широко раскрылись от ужаса.

— Я первая, — настояла она. — Это моя работа.

— Ты дегустируешь мою еду? — выпалила я в шоке.

— Ну, да... — робко ответила она. — Я и ужин твой пробовала вчера. Но, знаешь, здесь есть совсем не обязательно. В конце концов ты забудешь, каково это. Но когда ты хочешь, я обязана...

— Нет, — я так громко отодвинула стул, что он царапнул по мраморному полу. Стресс от предыдущего дня и недоумение от этого утра навалились на меня, разрушая остатки самоконтроля. — Нет, этому не бывать. Что за глупость... дегустатор? Вооруженная стража? Ваше высочество?! Почему? Что я должна здесь делать?

Все пришли в легкое удивление от моего всплеска эмоций, так что с пару секунд никто не отвечал. Но затем заговорила Элла:

— Ты согласилась жить здесь шесть месяцев каждого года, так?

— Да, — раздраженно кивнула я. Они не понимали. — Но я не соглашалась на дегустатора или... да на все это!

— Соглашалась, — спокойно ответила она. — Это часть сделки.

— Почему?

Мне никто не ответил. Я так крепко вцепилась в юбку, что испугалась, что она порвется.

— Я должна увидеть Генри. Я хочу с ним поговорить.

Тишина была оглушительной, и что-то во мне сломалось.

— Дайте с ним поговорить!

— Я здесь.

Звук его голоса, низкого и мелодичного, испугал меня. Развернувшись, я умудрилась потерять равновесие и едва успела ухватиться за стул. Генри стоял прямо передо мной, гораздо ближе, чем я ожидала. Его юное и безупречное лицо не выражало эмоций, и мое сердце пропустило удар. Когда мне удалось вновь обрести голос, он прозвучал больше как писк, но мне было плевать. Я хотела получить ответы.

— Почему? Зачем я здесь? Я тебе не принцесса, и я на это не подписывалась, так что происходит?

Парень протянул мне руку, и я замешкалась, прежде чем взять ее. Его кожа была на удивление теплой. Не знаю, чего я ожидала... что она будет ледяной, наверное. Но никак не горячей. Никак не с признаками жизни.

— Закрой глаза, — пробормотал он, и я послушалась. Мгновением позже я почувствовала, как холодный ветерок обдувает мне щеки, и мои глаза открылись. Мы были снаружи, посредине ухоженного сада с фонтанами в центре клумб и изгородей. Каменная дорожка вела от нашего места к задней части поместья, вырисовывавшегося на расстоянии. Цербер, огромная собака из леса, подбежала, чтобы поприветствовать Генри, который почесал ее за ухом.

У меня ухнул желудок, и кровь отхлынула от лица.

— Как ты...

— Всему свое время, — я оцепенело села на край фонтана. — Вчера ты сказала, что не хочешь этого делать, и я тебя не виню. Но теперь, когда сделка уже заключена, ее нельзя отменить. Ты показала свою храбрость, когда спасла жизнь подруги, и я прошу тебя вновь найти ее в себе.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь обрести хоть долю той, так называемой, храбрости, которая, по его убеждениям, у меня была. Я чувствовала лишь страх.

— В Эдеме ты сказал... если я прочитаю миф о Персефоне, то пойму, что ты хочешь, — сказала я с дрожащим голосом. — Мой друг Джеймс рассказал, что она была королевой Подземного мира, и я читала об этом в книге, когда была... — я покачала головой. Это неважно. — Это правда?

Он кивнул.

— Она была моей женой.

— Была? Она существовала?

— Да, — его голос смягчился. — Она умерла много лет назад.

— Как?

Лицо Генри опустело.

— Влюбилась в смертного и решила присоединиться к нему, когда тот умер. Я ее не останавливал.

В этом утверждении было столько всего мне непонятного, я не знала, с чего начинать.

— Но она — миф. Ее существование невозможно.

— Может и так, — его взгляд был каким-то далеким. — Но если это происходит, кто имеет право решать, что возможно, а что нет?

— Логика. Законы природы. Рациональность. Некоторые вещи просто невозможны.

— Тогда скажи мне, Кейт... как мы сюда попали?

Я снова осмотрелась, частично ожидая, что садик испарится, как красивая иллюзия.

— Ты послал меня в нокаут и принес сюда? — слабо предположила я.

— Или в обеденной была тайная дверь, которую ты не заметила, — он потянулся, чтобы взять меня за руку, и я словно окаменела. Вдохнув, парень задел мои пальцы и отодвинулся.

— Всему есть рациональное объяснение, но иногда некоторые вещи могут казаться невозможными, если ты не знаешь всех правил.

— Так что? Хочешь сказать, что греческий бог случайно решил построить поместье посреди леса в глуши мира?

— Когда ты живешь столетиями, мир перестает казаться таким большим. У меня дома во многих странах, включая Грецию, но я предпочитаю здешнее уединение. Тут спокойно, и я люблю долгие зимы.

Я пыталась не шевелиться, не зная, что на это ответить.

— Можешь хотя бы попытаться мне поверить? — попросил Генри. — На пока. Даже если это значит, что придется отказаться от всего, чему тебя учили? Пожалуйста, сделай мне одолжение и попытайся смириться с тем, что я тебе говорю, как бы невероятно это ни звучало.

Поджав губы, я посмотрела на свои ладони.

— Вот, что ты делаешь? Притворяешься?

— Нет, — я услышала смех в его голосе. — Но ты можешь, если хочешь. Если это облегчит тебе задачу.

Так все равно не пойдет. Даже если все это было одной большой шуткой, распланированной с самого начала, чтобы выставить меня на посмешище, мне оставалось только ждать ее развязки.

Но образ Авы, лежащей в луже собственной крови и с пробитым черепом, просочился мне в голову, как и ощущение прохладного ветерка на щеках, когда секунду назад мы стояли посреди поместья. И моя мама, живая и здоровая, со мной в Централ-парке — что бы ни происходило, рано или поздно мне придется признать, что ничего подобного со мной прежде не случалось.

— Ладно, — сказала я. — Давай притворимся, что это действительно Рай, и все вокруг мертвы, и Элле с Каллиопой миллион лет, а ты тот, кем себя считаешь...

— Я считаю себя только тем, кем являюсь, — сказал он, и уголки его губ приподнялись.

Я скорчила рожицу.

— Отлично, тогда вообразим, что все это взаправду, магия существует, как и зубная фея.

И я не ударилась головой, а ты не психопат. Как смерть твоей жены относится ко мне?

Генри молчал с долгое время.

— Как я и сказал, она решила умереть, а не остаться со мной. Я был ее мужем, но его она попросту любила больше.

Судя по боли в его словах, в этом не было ничего простого, но я на него не давила.

— Ты же понимаешь, что выглядишь слишком молодо, чтобы быть женатым? — сказала я в жалкой попытке поднять настроение. — Сколько тебе лет?

И снова дернулись уголки его губ.

— Больше, чем кажется, — через секунду он добавил: — Она, может, и любила меня, но это никогда не был ее выбор. Таким был мой прощальный подарок: я отпустил ее.

В голосе парня слышались уж слишком мне знакомые нотки грусти.

— Мне жаль. Правда. Просто... я все еще не понимаю, зачем я здесь.

— Я правил в одиночку на протяжении тысячи лет, но столетие назад я согласился еще на сотню, прежде чем мои братья и сестры заберут у меня царство. Я больше не могу справляться с ним один. Слишком много обязанностей. С тех пор я и ищу себе партнера, и ты последняя, Кейт. Этой весной будет принято окончательное решение. Если тебя примут, ты будешь править со мной, как моя королева на шесть месяцев в году. Если нет, ты вернешься к своей старой жизни без воспоминаний о произошедшем.

— Вот, что случилось с остальными? — спросила я, облизывая пересохшие губы.

— Остальные... — он сосредоточился на чем-то вдалеке. — Не хочу тебя пугать, Кейт, но я никогда не стану тебе врать. Мне нужно, чтобы ты доверяла мне, и чтобы поняла, ты — особенная. Я практически сдался, но потом появилась ты.

Я сомкнула руки, чтобы они перестали трястись.

— Что с ними произошло?

— Некоторые сошли с ума. Других саботировали. Ни одна не дошла до конца, и уж тем более не прошла испытания.

— Испытания? — я уставилась на него. — Саботировали?

— Знай я больше, я бы тебе сказал, но это причина, по которой мы приняли такие меры предосторожности, чтобы защитить тебя, — он замешкался. — Что насчет испытаний, их будет семь, и, основываясь на них, будут решать, достойна ли ты правления.

— Я не соглашалась ни на какие испытания! Что будет, если я справлюсь?

Генри уставился на свои ладони.

— Ты станешь одной из нас.

— Нас? Мертвой что ли?

— Нет конечно. Подумай... ты же знаешь миф, так? Кем была Персефона?

Меня охватил страх, прорываясь наружу. Если то, что он говорил, правда, тогда он похитил Персефону и заставил ее выйти замуж, и что бы этот парень ни рассказывал, я гадала, поступит ли он так же со мной. Но моя рациональная сторона не могла игнорировать очевидное.

— Ты серьезно считаешь себя богом? Понимаешь, как безумно это звучит?

— Для тебя — да, — сказал Генри. — Я, все-таки, уже делал это прежде. Но да, я бог — бессмертный, если пожелаешь. Телесное воплощение аспекта мира; пока существует он — существую и я. Если ты нам подойдешь, то станешь такой же.

Чувствуя головокружение, я быстро встала и покачнулась на каблуках.

— Слушай, Генри, это все очень интересно, но ты рассказываешь мне про миф, придуманный тысячи лет назад. Персефоны никогда не существовало, а даже если это не так, она не была богиней, ведь это не...

— Что мне сделать, чтобы доказать тебе? — он встал рядом.

— Не знаю, — запнулась я. — Что-нибудь божественное?

— Я думал, что уже это сделал, — в его глазах горел огонь. — Есть вещи, которые я не стану — не могу — говорить тебе, но я не лжец, и никогда не обманываю.

Я съежилась под его взглядом. Он действительно верил в то, что говорил.

— Это невозможно, — тихо прошептала я. — Разве нет?

— Но это происходит, так, может, пришло время тебе пересмотреть, что реально, а что нет.

Я подумывала скинуть туфли и побежать к воротам, чтобы уйти, но меня останавливало воспоминание о сне с мамой. Все-таки, часть меня, желающая остаться здесь ради нее, победила скептицизм. Вдруг температура понизилась на пять градусов, и я задрожала.

— Кейт?

Я замерла, ноги приросли к земле. Голос был мне знаком, но после вчера я никогда не ожидала услышать его вновь.

— Все возможно, если попробовать, — сказал Генри, глядя на что-то у меня за плечом. Я обернулась.

В десяти шагах от нас стояла Ава.

ГЛАВА 8

ВОЗВРАЩЕНИЕ АВЫ

Не знаю, как долго я там простояла, крепко обнимая Аву и лишая ее возможности дышать. Время текло медленно, и я изо всех сил пыталась не заплакать.

— Ава, — сдавленно начала я. — Я думала... Джеймс сказал... все думали, что ты мертва!

— Так и есть, — тихо ответила девушка. — По крайней мере, так мне сказали.

Я не задавала вопросов. Генри сделал это единожды и попытался снова, хоть и говорил, что не способен на такое. Может, это оказалось не таким уж и невозможным для него.

Но если она была мертва — действительно мертва — означало ли это, что он говорил правду? Так он пытался это доказать? Земля уходила у меня из-под ног. Рациональная часть моего мозга кричала, что это нереально, но Ава на ощупь была теплой и вполне настоящей, и вряд ли она могла попытаться так бесчеловечно подшутить надо мной. *Джеймс* считал ее мертвой, а он не стал бы мне лгать.

— Кейт, — сказала она, отодвигаясь. — Успокойся, я никуда не денусь.

Я отошла на шаг. Слезы обжигали глаза и размывали все передо мной.

— Хорошо бы. Ты останешься?

— Если захочешь.

Через плечо я увидела Генри, стоящего в стороне и отводящего взгляд.

— Генри? Она может остаться?

Он кивнул.

— Но только на территории. Она не может выйти в город.

Я снова повернулась к Аве, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

— Это несправедливо.

— Что именно? — спросила она.

— Что я могу уйти, а ты — нет.

Девушка весело захохотала.

— Кейт, не глупи. У меня сорок лет впереди, прежде чем родители придут сюда и расскажут, что я могу и не могу делать. К тому же, могу поспорить, здесь море симпатичных парней! Мне есть, чем заняться.

— Не сильно раскатывай губу, — усмехнулся Генри. — Ава, ты не могла бы оставить нас на пару минут наедине?

Та улыбнулась.

— Да... только можно мне переодеться? — тут я заметила, что на ней была лишь длинная белая мантия.

— Мой шкаф на верхнем этаже. Попроси Элли показать тебе комнату.

— Спасибо, — Ава обняла меня напоследок и прошептала: — А он *красавчик*.

Я посмотрела ей вслед.

— Не думала, что когда-нибудь еще ее увижу.

— Тебя можно понять, — кивнул Генри. Он стоял так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от его тела. — Иногда мы недооцениваем, что возможно, а что нет.

Меня охватило странное и неприятное чувство. У меня имелось много вопросов, но лишь один был облачен в хрупкий пузырек надежды. Если я его не задам, он может лопнуть.

— Так значит, сон с моей мамой был настоящим?

Генри выглядел довольным собой.

— Тебе понравилось?

— Да, — я замешкала. — Это только... только на один раз?

— Нет, — парень внимательно наблюдал за мной, словно боясь, что я упаду в обморок.

Я ничего не могла гарантировать. — Ты сможешь видеть ее каждую ночь, пока будешь здесь.

Я изучала узоры на мраморном фонтане, следуя взглядом за их кривыми линиями и завихрениями.

— Спасибо большое.

— Не стоит, — в его голосе слышалось недоумение. — Я же говорил, что сдержу свою часть сделки.

— Знаю, — но я и не подозревала, что смогу проводить больше времени с мамой. Не у ее кровати, держась за руку и надеясь, что она очнется, а беседовать с ней, будто она не была больна, будто и не было этих четырех лет. Это было за пределами всех моих мечтаний.

Но все это значило, что и я должна сдержать обещание, и это меня пугало. Страх плавно охватывал мои мысли и тело; я собиралась сделать то, чего не делал никто прежде. В каком-то смысле казалось, что я подписала себе смертный приговор.

— Что теперь? Что я должна делать?

— Просто будь собой, — он положил руку мне на плечо, как перед этим Аве. Но, в отличие от нее, ко мне парень боялся прикоснуться, и контакт продлился лишь несколько секунд. — Испытание начнется, когда ты будешь меньше всего ожидать. Я за них не отвечаю, и конечное решение тоже принимать буду не я.

— Я не очень хорошо решаю загадки.

Генри засмеялся, и это помогло облегчить мое беспокойство.

— Это не те тесты, которые тебе дают учителя. Возможно, ты узнаешь их в процессе, возможно, нет. Просто будь собой. Это все, о чем мы можем тебя просить.

Его пальцы задели мою щеку и ненадолго задержались. На этот раз я не дернулась.

— Зачем нужны эти испытания?

— Потому что такое вознаграждение мы не раздаем направо и налево. Нам нужно убедиться, что ты справишься.

— О чем речь?

— О бессмертии.

Я почувствовала, как в животе формируется ледяной комок. Мой выбор: вечность или смерть — или же потеря матери. Это казалось нечестным.

— Ты сможешь, — сказал он. — Я чувствую. А затем поможешь мне кое в чем. Больше никто не способен. Ты и представить себе не можешь, какую власть обретишь, и сможешь навсегда перестать бояться смерти. Ты никогда не постареешь, навсегда останешься молодой и прекрасной. У тебя будет вечность, которую ты сможешь провести, как сама пожелаешь.

По телу пробежала дрожь, и я не знала, это от его речи или взгляда. Я не хотела вечную жизнь без мамы. Но если он смог вернуть Аву...

— Может, ты даже научишься плавать... — прошептал он.

Ну вот, все чары были разрушены. Я громко фыркнула, не сдержавшись.

— Удачи с этим.

Он улыбнулся.

— Некоторые вещи действительно невозможны.

Когда Генри провел меня обратно в обеденную, я стала быстро уплетать еду, не чувствуя вкуса, хоть и выглядело все очень аппетитно. Горка тостов с маслом, бекон, даже блинчики с кленовым сиропом. Но где-то в поместье была Ава, и мне жутко хотелось ее увидеть. Нужно было убедиться, что она в самом деле здесь. Закончив есть яйца, приготовленные в точности, как делала мама, я поняла, что впервые за много недель у меня не было ночных кошмаров. Я отметила про себя, что нужно спросить об этом у Генри, гадая, не из-за снов ли с мамой это. Наверняка так. А я-то ждала, что в поместье Эдем мои кошмары только учащаются.

Прежде чем я увидела Аву, меня поймала Каллиопа и предупредила, что у меня назначена встреча с преподавателем. Она показала дорогу; Эллы нигде не было. Я надеялась, что она помогала Аве, но, судя по тому, какую ненависть девушка питала ко мне, неудивительно, что она пыталась сократить наше общение к минимуму. По пути мы прошли мимо вазы с фруктами, и я вспомнила о вопросе, который так и не довелось задать Генри:

— Почему ты должна пробовать мою еду?

Каллиопа открыла передо мной дверь.

— Чтобы убедиться, что никто не пытается тебя отравить.

— С чего бы им это делать?

Она многозначительно на меня посмотрела, и я почувствовала себя идиоткой за то, что не знала ответа.

— Потому что, если Генри откажется главенствовать над Подземным миром, кто-то другой займет его место. Не все здесь желают тебе победы, знаешь ли.

— погоди, что? — я так беспокоилась о том, что случится со мной, если я пройду испытания, что не задумывалась, чем закончится для Генри мое поражение. — Ты о ком?

— Не могу сказать. Осторожно!

Я резко остановилась, чудом не задев вазу на пьедестале. Выглядела она очень дорогой и древней — явно ручная работа. Я ахнула и осторожно обошла ее.

— Сюда, — позвала Каллиопа, указывая на очередной проход. Я зашла внутрь, сосредотачиваясь на единственной вещи, достойной взгляда: на небольшом деревянном столике со стульями с двух сторон. Все остальное было стерильно белым, и пахло так, будто комнату недавно покрасили.

— Увидимся позже, — сказала девушка, закрывая за собой дверь. Я развернулась и побежала к ней, пытаясь не споткнуться об плотный ковер.

— погоди! — крикнула я, но было слишком поздно. Дверь захлопнулась и, к моему ужасу, я обнаружила, что у нее не было ручки. Открыть ее можно было только с другой стороны.

Я с минуту простояла на месте, как дура, пытаясь понять, как отсюда выбраться. На дальней стене было большое окно, но мы находились на третьем этаже. Прыжок не стал бы попыткой суицида, но было бы больно. Не считая двери, других выходов не было, и мне ничего не оставалось, кроме как ждать. Сбросив туфли с уставших ног, я села за стол и сложила руки на груди. Стул был неудобным, а в комнате становилось жарко.

Я вдохнула богатый аромат ладана и чихнула. Оглянувшись через плечо, я увидела знакомое лицо и округлила глаза. За мной стояла Ирен — секретарша из школьного офиса, одетая в белую мантию, как у Авы. Она развивалась у нее за спиной и выглядела шикарно, но

несравнимо с ее прической. Прежде ее волосы были рыжими, а теперь алыми, да такими яркими в солнечном свете, что чуть не блестили. Ни за что не поверю, что это ее натуральный цвет.

— Здравствуй, Кейт, — она дружелюбно улыбнулась. — Рада снова тебя видеть.

— И я вас, — как-то неуверенно ответила я.

Женщина села напротив меня с грацией, за которую любая танцовщица отдала бы правую руку, и я невольно позавидовала. Чему она должна была меня учить: как быть красивой?

— Здесь есть еще кто-нибудь из Эдема, о ком мне нужно знать?

Сначала София, теперь Ирен — может, и Дилан скоро объявится таинственным образом?

Уголки ее губ дернулись вверх.

— Думаю, тебе придется подождать и увидеть самой. Прости за обман, дорогая. Клянусь, все это для высшей цели.

— Да, я так и подумала, — буркнула я. Мне не понравилось быть обведенной вокруг пальца. — Так чему вы будете меня учить? Математике, физике и тому подобному?

Она рассмеялась, и этот звук был похож на звон колокольчиков.

— Чему-то гораздо более веселому. Генри хочет, чтобы ты была готова на случай, если пройдешь испытания, а это значит, что тебе нужно многое узнать о людях. Как они мыслят, как видят друг друга и самих себя, почему принимают определенные решения... по большей части психология. Еще немного астрономии и астрологии. Но, важнее всего, ты должна выучить все об этом мире. И не только о Подземном.

— Мифологию? — слово с трудом сорвалось с языка.

— Здесь это не мифы, — подмигнула она. — Пока ты это помнишь, с тобой все будет хорошо, — будто из ниоткуда, она достала толстую книгу и положила на скрипнувший стол.

— Мне нужно это прочесть?

— Не волнуйся, внутри есть картинки.

Это не особо обнадеживало.

— Зачем мне вообще это учить?

У нее не было шанса ответить. Дверь отворилась, и в комнате раздались нецензурные крики. Я так быстро встала, что чуть не сбила стул. Ирен явно была раздражена, но не двинулась с места и не заговорила.

Элла, Каллиопа и Ава ввалились к нам, соперничая, кто пройдет первым. На Аве было розовое платье, которое я бы скорее сожгла, чем надела, и за ней неслась взбешенная Элла.

— Ты не можешь просто брать не принадлежащие тебе вещи! — кричала она с покрасневшим от ярости лицом.

— Кейт, ну скажи ей! — взмолилась моя подруга.

— Прости, — вставила Каллиопа, пробивая себе путь вперед. — Я пыталась их остановить, но они не слушали...

— Это *она* не слушала! — Элла указала на Аву.

— Что, прости?! Это ты меня не слушала!

Казалось, будто девушки готовы друг другу глотки перегрызть. Я оправилась от шока и сделала шаг вперед.

— А ну прекратили обе! Это из-за платья?

Они замолчали, и я почувствовала волны негатива, идущие от них. Ответила Калли:

— Твоя подруга пришла к тебе в комнату в поисках одежды, но Элла запретила ей что-либо брать. Она сказала, что ты ей разрешила, и ей больше нечего надеть, а Элла сказала, что есть и другие наряды, и если она только подождет немного...

— Я стояла голой, а эта маленькая бестия хотела, чтобы я убралась! — сказала Ава, становясь рядом со мной. Уголком глаза я заметила, что она стреляет убийственными взглядами в сторону Эллы, молча стоявшей с ничего не выражающим лицом.

— Она была в твоей спальне, — сурово сказала девушка. — Туда никому не разрешено входить без моего прямого позволения.

— Но это же моя комната. Логично, что если я разрешила ей зайти туда, она имеет на это право, так? — Элла не ответила, и я вздохнула. — Ладно-ладно, послушай... Ава может приходить ко мне, когда захочет, хорошо? Но если есть свободные комнаты, ей бы не помешала своя.

Та фыркнула.

— Да в этом доме полно комнат!

Я проигнорировала ее.

— И ей нужна одежда. Будьте с ней вежливы, ладно? Пожалуйста.

От взгляда Эллы у меня кровь заледенела.

— Как пожелаете, ваше высочество, — сухо сказала она, прежде чем развернуться на пятках и уйти. Если я раньше сомневалась в том, ненавидела ли она меня, теперь я знала точно. Ходить мне теперь в корсетах и кринолине до конца моих дней.

— Мы с Авой подберем ей комнату, — тихо сказала Каллиопа.

Девушка оцетинилась.

— Я не ребенок. Ты не должна водить меня за ручку.

— Все нормально, Каллиопа, — сказала я. — Я сама с ней разберусь, как только закончу здесь. Мне все равно нужно осмотреть это место. Но можешь пойти с нами, если хочешь.

— Ладно, — раздраженно вздохнула Ирен. — Просто прочитай страницы, которые я отметила тебе на завтра. Я распоряджусь, чтобы тебе принесли книгу в комнату.

Я кивнула, не зная, что сказать. Посмотрев на Аву, я почувствовала укол вины; это из-за меня она здесь, из-за меня ей приходится терпеть такие неудобства. Может, Элла со всеми вела себя недружелюбно, но мне нужно убедиться, что Ава не будет чувствовать себя здесь несчастной. Тот факт, что я здесь взаперти, не значит, что она тоже должна расплачиваться за мои промахи.

* * *

Остаток утра прошел не лучше, а день — в сто раз хуже. После ланча к нам присоединилась Элла, следуя бесшумной тенью по поместью. От напряженности в воздухе мне хотелось вырвать себе волосы. К счастью, после парочки метких комментариев, она демонстративно стала избегать Авы, а та — ее.

Присутствие подруги меня успокаивало. Она служила знакомым кусочком реальности, моим якорем, доказательством, что это все не было какой-то изощренной галлюцинацией. С ней стало легче поверить, что я не схожу с ума. Может, на это Генри и рассчитывал.

Мы держались вместе, пока бродили по коридорам и осматривали бесчисленное

количество комнат. Ава была не против, даже взяла меня под руку и начала водить с места на место, описывая каждую комнату, будто пыталась продать мне дом. Каллиопа тоже подключилась к процессу, Элла же держалась в стороне. Несмотря на напряженную атмосферу, мне было весело. Только вот когда мы вернулись в спальню, София принесла мне не благие вести.

— Бал? — спросила я с ухнувшим сердцем. — Ты имеешь в виду танцы?

Никто больше не возражал. Каллиопа завизжала от радости, даже Элла взбодрилась.

— Танцы? — Ава захлопала в ладоши. — Мне нечего надеть! Что же делать?

— Обчистить еще один шкаф? — съязвила Элла, но ее проигнорировали.

— Завтра вечером будет торжественный бал в твою честь, — сказала София, — это решение совета. Чаще всего его устраивают на зимнее солнцестояние, но поскольку ты последняя и все очень хотят с тобой познакомиться, они решили перенести дату.

— Хочешь сказать, это не имеет никакого отношения к тому, что половина девушек были убиты во время своего бала? Генри просто захотел убедиться, что она его переживет, прежде чем вкладывать в нее свои надежды, — невинным голоском пропела Элла.

София сердито посмотрела на нее и повернулась ко мне.

— Считай это своим формальным дебютом перед обществом.

Я сделала глубокий вдох и попыталась забыть о словах Эллы. Генри не даст ничему плохому со мной случиться, ведь я его последний шанс.

— Мне не нужно дебютировать. Мы с обществом уже в течение многих лет отлично справлялись друг без друга.

— На этот раз будет весь совет? — нервно спросила Каллиопа.

— Это конец для Генри, — скривилась Элла. — Ты серьезно сомневалась, что они захотят с ней познакомиться?

— А кто в совете? Почему все их так боятся? — поинтересовалась я.

— Да никто их не боится, — Элла села в кресло, стараясь увеличить расстояние между нами. — Они семья Генри. Братья, сестры, племянники и племянницы, хоть и все не кровные. Скорее, приемные, поскольку у них всех один создатель, и они являются первыми шестью богами. По крайней мере, так они себя называют, но это достаточно точно их описывает.

— Типа Зевса и компании? — спросила Ава, сидя на моей кровати. — Того мужика с молнией?

У Эллы чуть пар из ушей не пошел.

— Ты ненормальная или просто невероятно глупая?!

— Не угадала, — шмыгнула Ава. — Каллиопа? Это мужик с молнией?

— Да, он, — девушка рухнула в кресло от новости. — Он брат Генри.

Я прикусила губу, не зная, что сказать. Мне было трудно поверить во все это. Стоило упомянуть короля богов, как любой существующий шанс, что я восприму информацию всерьез, вылетел из окна. Кроме того, если бы я действительно поверила во все, что они говорили, то тут же потеряла бы сознание, а этого мне хотелось меньше всего. Пока для меня совет был просто семьей Генри. Очень странной, пугающей, огромной, но, тем не менее, семьей. А часть про молнии можно было и опустить.

— Новое правило, — я сглотнула комок в горле. — Никто не должен о них говорить, если я не спрошу. Вы меня пугаете, и я не могу справиться с этим потоком информации, так что... давайте просто не будем. Хотя бы до конца бала. Согласны?

Все явно были недовольны, но кивнули, даже Ава.

— Нам все равно запрещено тебе рассказывать слишком много, — призналась Калли. Я нахмурилась, но промолчала. Если Генри мне не расскажет, я все узнаю сама.

— Еще один момент, — сказала Элла. — Больше я не заикнусь об этом, но, поверь, ты хочешь это знать. Совет будет решать, прошла или не прошла ты свои испытания. Если нет, они же и решат, что с тобой делать.

У меня закружилась голова, и я пропищала:

— Что они со мной могут сделать? Генри сказал, что я просто все забуду.

— Ой, не волнуйся! — Каллиопа испепеляла взглядом вторую девушку. — Так и будет. Они не причинят тебе вреда. По крайней мере, я так думаю, — она замешкала. — До этого момента еще ни одна девушка не доходила.

Судя по взгляду Эллы, это не вся правда. У меня скрутило живот, и на мгновение я подумала, что меня стошнит. Если я им не понравлюсь, мне крышка, и никто меня не спасет.

ГЛАВА 9

БАЛ

— Бал? — мамин звонкий смех заглушил голос людей, собравшихся на нью-йоркских улицах и спешивших домой, на работу или в другие важные места. — Они вообще тебя не знают.

— Не смешно, — я засунула руки в карманы, глядя на Централ-парк. — Что, если я не понравлюсь семье Генри?

— Такая возможность есть, — она взяла меня под руку и потянула к себе. — Но я сильно в этом сомневаюсь. Как ты можешь кому-то не понравиться?

Я закатила глаза, не упоминая ту часть, в которой один из жителей поместья хотел меня убить.

— Ты моя мама, ты должна так говорить.

— Тоже правда, — она улыбнулась. — Но это не значит, что я так не думаю.

Неподалеку нетерпеливо загудела машина, стоящая в пробке. Нас с мамой постоянно пихали, пока мы неспешно пробирались к тротуару, не то что остальные пешеходы, несущиеся куда-то рысью. Я закрыла глаза и подняла голову, делая глубокий вдох. Пахло присутствием лишь этому городу запахом, напоминавшем, как сильно я по нему скучаю, как скучаю по прогулкам с мамой.

— Он считает себя богом.

— Правда? — мама подняла бровь. — Но он ведь вернул Аву, не так ли?

Не успела я ответить, как мы заметили киоск с хот-догами. Я пыталась сказать, что не голодна, но мама не слушала. Двумя минутами позже мы вернулись в парк с едой. Ее булочка была покрыта всеми доступными соусами, я же выбрала кетчуп.

— Он сказал, что был женат на Персефоне, — неохотно признала я. Даже для меня это звучало безумно.

— Значит, он Аид, — ответила она как бы между делом, и я недоуменно на нее посмотрела. К сожалению, она заметила. — Что?

— Ты вправду ему веришь?

— А ты нет? Как еще он должен тебе это доказать, милая? — она наклонилась и смачно чмокнула меня в лоб. — Ты всегда была слишком практичной.

— Но... — я вздохнула, пытаюсь сформулировать мысль. — Почему? Почему ты ему веришь?

Она махнула рукой на парк.

— А как еще ты это объяснишь?

Ее правда. Даже если я со скептицизмом относилась к словам Генри и его возвращению Авы, это — время с мамой, наши разговоры, шанс побыть с ней дольше — было слишком реалистичным для сна и моей фантазии.

— Он подарил мне больше времени с тобой, — сказала мама, обнимая меня. — Как я могу не верить ему после такого?

Мы гуляли в тишине, доедая хот-доги и выкидывая обертки в урну по пути в центр парка. Мама закинула руку мне на плечо, и я взяла ее за запястье, не желая отпустить.

— Мам? Я боюсь.

— Чего?

— Испытаний, — я устала в землю. — Я должна пройти их все... но что, если у меня не выйдет? Что произойдет?

— А если выйдет? — она успокаивающе погладила меня по спине. — Может, именно тебя Генри и ждал все это время.

Мысль казалась абсурдной, но то, как он говорил о своей умершей жене... Ава была права. Возможно, он и был всемогущим богом с силой воскрешать мертвых, но он также был очень одиноким. Я знала, каково испытать такую потерю, и если была возможность облегчить его страдания, я это сделаю.

Может, то, что выбор пал на меня, не было такой уж и случайностью.

* * *

Мое бальное платье было не только уродливым, но и жутко неудобным. К моему ужасу, Элла добилась своего и впихнула меня в корсет, а потом провела около получаса, завязывая его максимально туго. Я тоже делу не помогала, выдыхая, когда должна была вдыхать, но девушка быстро раскусила мой план.

— Я могу и подождать, пока ты сделаешь вдох. Когда-нибудь да придется.

— Зачем мне корсет? — спросила я. — Ты что, умерла в восемнадцатом столетии?

Элла фыркнула.

— Едва ли. Мне они нравятся, как и твои страдания. А теперь хватит ныть!

Единственная, кого Элла не заставила надеть корсет, была Ава, выглядевшая прекрасно в голубом платье под цвет глаз. Она помогла мне пройти по коридорам, пока я пыталась плавно дышать, хоть корсет этого не позволял. Я справлюсь. Через пару часов все будет кончено.

— Готова? — спросила Ава, пританцовывая на носочках. Мы стояли за дверьми в бальный зал, ожидая, когда нас объявят. Элла и Каллиопа потратили весь день, лепеча инструкции о том, как я должна себя вести. Стой прямо, всем улыбайся, будь вежливой, не говори лишнего, не упоминай о мире вне поместья, не говори, что думаешь обо всем этом и ни при каких условиях не будь собой. Проще пареной репы.

— Не думаю, что у меня есть выбор, — пробормотала я. Мне велели зайти в зал сразу же, как меня объявят. Каллиопа просила делать небольшие шаги с прямым носком. Когда я упомянула, что мои ноги все равно никто не увидит под сатином и кружевами, она меня проигнорировала. — Что, если меня тоже попытаются убить?

— Я все время буду рядом, — сказала Ава. — Как и Генри с советом. Если кто-то попытается тебя убить, им придется сделать это через наши трупы. Кстати, не забывай дышать.

Потеря сознания была бы отличным выходом из ситуации, но, с моей удачей, они просто перенесут бал.

Двое мужчин по бокам от двери открыли ее перед нами, и мое сердце забило так громко, что, наверное, его было слышно в конце зала. С мгновение я ничего не могла разглядеть в тусклом свете комнаты, но это быстро прошло. Зал был гигантский, больше, чем кафетерий и спортзал Эдемской школы вместе взятые, и единственным источником света были богато украшенные люстры. Все были одеты так же нарядно, как я, и у меня появилось впечатление, что это было самое важное событие столетия.

На меня были направлены десятки глаз.

— Кейт? — позвала Ава. Должно быть, я покачнулась, так как она неожиданно крепко взяла меня за локоть. — Кейт, дыши.

Вдох, выдох, вдох, выдох — почему это было так сложно?

— Кейт, сделай что-то! — прошипела девушка. — Все на тебя смотрят!

В том-то и проблема.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я никогда не любила находиться в центре внимания. Однажды в младшей школе, задолго до маминой болезни, мои так называемые друзья уговорили меня станцевать на школьном шоу талантов. Я не смогла даже подняться на сцену, так сильно нервничала, и когда они выпихнули меня перед зрителями, меня тут же вырвало посреди театра. Не мой момент славы.

На этот раз моим единственным спасением был тот факт, что я ничего не ела перед балом. Я справлюсь. Одна нога перед другой — вот и все, что требуется.

— Ладно, — сказала я, делая шаг вперед. Тишина в зале перешла на нервный шепот, и с каждым шагом я чувствовала все более обжигающие взгляды на себе.

— Дамы и господа, — торжественно начал герольд. — Представляю вашему вниманию мисс Кетрин Винтерс!

Послышался гром аплодисментов, и если раньше я не чувствовала такого смущения, то теперь мне просто хотелось умереть. Ну хоть Ава была рядом, все еще цепляясь за мой локоть. Все плохие мысли о ней испарились.

— Кейт, посмотри на стражу! — радостно зашебетала она. — Разве не красавцы?

Уголкем глаза я заметила двух мужчин, которых видела за завтраком. Элла говорила, что они будут ходить за мной повсюду, но с тех пор я их не наблюдала. Темноволосый мужчина одарил меня — нет, Аву — скромной улыбкой. Блондин был таким же неподвижным, как и прежде, внимательно наблюдая за толпой.

К моему облегчению, на вершине платформы в конце комнаты я заметила Генри. В свете люстр он выглядел очень величественно, но мое внимание приковал не он. За ним стояли четырнадцать тронов — самых что ни на есть настоящих. Все были свободны, но так и было задумано. Я тут же поняла, что весь совет здесь.

Если Генри был прав, и невозможное возможно, тогда эти люди были героями мифов, и я должна... что? Подойти к ним, пожать руки и представиться?

Не знаю как, но я продолжала идти. Не успела я обдумать, что происходит вокруг меня, как мы дошли до платформы, и Каллиопа помогла мне подняться по лестнице под видом борьбы с длинным подолом моего платья. Как только я оказалась на вершине ступенек, ко мне подошел Генри и склонил голову в приветствии.

— Кейт, — его миролюбивый тон ничуть меня не успокоил. — Прекрасно выглядишь.

— С-спасибо, — запнулась я, пытаюсь сделать реверанс. Вышло ужасно. — Вижу, тебя-то не заставили натянуть платье.

— В любом случае, я бы выглядел далеко не так шикарно, как ты, — улыбнулся он.

Парень протянул мне руку, и я вцепилась за нее, пытаюсь не ударить в грязь лицом. Генри повел меня к центру платформы, повернувшись спиной к зрителям.

— Моя семья, — сказал он, кивнув в сторону тронов.

— Они что, невидимые? — прошептала я.

Он криво улыбнулся.

— Нет, они среди нас. Пожелали остаться инкогнито.

Я кивнула и выдавила гримасу, которая должна была сойти за улыбку. Значит, я все же не встречу с ними лицом к лицу. Это было куда более пугающим; каждый человек в зале может являться моим потенциальным испытателем. Может, упасть в обморок не такая уж и плохая идея.

Большую часть вечера я просидела с Генри на платформе поменьше, наблюдая за весельем гостей. Я боялась, что кто-то выпрыгнет из толпы и попытается меня задушить, и не осмеливалась пробовать еду и напитки, но пока Генри был рядом — я в безопасности. По крайней мере, насколько это возможно. Я сидела молча, не оглядываясь на пустые троны. Я справлюсь, и не важно, нравлюсь я им или нет. Я должна.

Я наблюдала, как Ава танцует с темноволосым стражем, явно наслаждавшимся вечером больше, чем должно на посту. Он был симпатичным, но у меня закралось подозрение, что единственный мужчина, с которым мне можно было встречаться, сидел рядом со мной в полнейшей тишине. Я отмахнулась от этой мысли. В нашем соглашении речь шла только о том, что я должна жить здесь, а не делать нечто столь глупое, как выходить за него замуж, королева я или нет. Но чем дольше я об этом думала, тем больше гадала, не шел ли титул в подарок вместе с обручальным кольцом?

— Кто эти люди? — спросила я наконец. К нам никто не подходил, но иногда кто-то останавливался перед платформой и кланялся. Меня проинструктировали кивать в ответ, быстро и по возможности величественно. На все остальное мне просто не хватало духу.

— Мои подданные, — ответил Генри. — Некоторые попросили прийти, чтобы познакомиться с тобой, другие верно служили мне в прошлом.

— О, так они мертвы?

— Да, хотя, очевидно, не в том смысле, в котором ты думаешь.

Я с восхищением наблюдала за ними, пытаясь заметить хоть намек на то, что они были не совсем живыми. Некоторые танцевали архаично, но, кроме этого, я не увидела никаких различий. Оглянувшись, я остановила взгляд на Аве. Хоть кто-то был счастлив находиться здесь.

— И один из них хочет моей смерти, — сказала я. Генри напрягся, и это послужило мне ответом.

— Не волнуйся, со мной ты в безопасности.

— Ты знаешь, кто из них? — спросила я, и он покачал головой. — Как насчет человека, который должен занять твое место в случае моего провала? Может, он? Или она?

Парень скривился.

— Не думаю, — и больше он никак это не прокомментировал.

Была почти полночь, когда Генри встал, и в зале наступила полная тишина. У меня жутко болел позвоночник, и хоть я не сделала ни шагу за прошедшие часы, от каблуков Каллиопы у меня ныли ноги. Я была более чем готова к закрытию бала, но вместо того чтобы повести меня к двери, Генри направил нас к сцене. У меня тряслись ноги, и мне лишь чудом удалось устоять на них.

— Ничего сложного не будет, — тихо прошептал он. — Ты должна просто сказать «да» и принять зерна.

Я недовольно последовала за ним по лестнице, чуть не споткнувшись у ее конца. К счастью, Генри меня поймал, и я вернула равновесие.

— Кетрин Винтерс, — сказал он громоподобным голосом, от которого я невольно

дернулась. — Согласна ли ты остаться в поместье Эдем на осень и зиму, пройти испытания совета и, если у тебя получится, стать королевой Подземного царства?

Все в зале затихли. Ага, никакого давления.

— Да.

В его руке возникла небольшая тарелка с шестью зернами в центре. Я взяла одно и посмотрела на Генри за подтверждением. Он поощрительно кивнул, и я положила зерно в рот, пытаюсь не скривиться. Ненавидела их — даже отказывалась от арбуза из-за этого. К сожалению, эти мифические семена были ничуть не лучше на вкус.

Я быстро проглотила их, пытаюсь игнорировать неприятные ощущения, когда они скользнули по моему горлу. Мне хотелось откашляться, но я сдержалась. Когда я закончила, толпа вновь заплодировала, но ее нельзя было сравнить с непривычно ласковым взглядом Генри. Что бы это ни было, для него оно значило гораздо больше, чем я думала.

Тут-то меня, наконец, и избавили от этих мук. Ко мне подошли Элла с Каллиопой и помогли спуститься вниз прежде, чем я успела понять, что вообще происходит. Люди расступились перед нами, и ко мне потянулись руки: меня хватали за волосы, за платье, даже к лицу умудрились прикоснуться. В конце концов, к нам присоединилась стража, защищая меня от толпы. Это было унижительно.

— Ох, Кейт, он такой милый! — восторженно запищала Ава, когда мы направились в мою спальню. — Его зовут Ксандер, и он красивый, умный, забавный, милый...

— Ты уже говорила, — вставила я, но девушка продолжила, будто я ничего и не сказала.

— ...и он пообещал мне показать волшебные фокусы! То есть, я знаю, что магия всего лишь трюк, но все равно круто, правда?

Она так много болтала, что к моменту, когда мы дошли до комнаты, даже у Каллиопы поубавилось энтузиазму. К счастью, Элла, которая начинала мне нравиться, пришла на мое спасение.

— Кейт нужно поспать, — сказала она, перекрывая проход в мою комнату. — Встретишься с ней завтра.

Ава прищурилась, и я почувствовала надвигающуюся бурю.

— Кто сказал?

— Я, — Элла выпрямилась и оказалась на добрых шесть дюймов выше Авы. — У нее есть дела поважнее, чем выслушивать твой треп о Ксандере. И у него, кстати, тоже.

Последнее девушка сказала чуть громче, чем было нужно, и ее голос эхом разнесся по коридору. Я услышала смущенное кашлянье вдалеке и еле сдержала улыбку.

— Прости, Ава, — сказала я, разрываясь между ролью хорошей подруги и желанием посидеть в тишине. — Мы обсудим это завтра, ладно? Я очень устала.

— Как скажешь, — она окинула Эллу ледяным взглядом.

Когда Ава кинулась прочь из комнаты, девушки в ожидании повернулись ко мне. Я вздохнула.

— Вас это тоже касается. Клянусь, я могу сама раздеться. Научилась этому много лет назад.

Элла фыркнула.

— Удачи с корсетом, — на этом она ушла. Каллиопа предложила помочь, но ее я тоже прогнала. В худшем случае я просто разрежу его ножницами. Может, это остановит Эллу на некоторое время.

Испытав облегчение от того, что я наконец одна, я заперла дверь и скинула обувь в угол.

Затем развязала шнуровку на платье, радуясь возможности снова нормально дышать. Чувствуя, что сейчас просто рухну на пол, я отодвинула шторы на кровати и подавила вскрик.

Кто-то уже лежал в ней.

ГЛАВА 10

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Я ахнула. На краю моей огромной кровати лежал Генри с толстой книгой в руке, одетый в шелковый халат и пижамные штаны. Вместо того чтобы поздороваться или извиниться, он посмотрел на меня так, будто я прервала его на самом интересном месте.

— Что... Это моя кровать! — поскольку на мне все еще был корсет, у меня были проблемы с отдышкой. — Что ты здесь делаешь?!

— Читаю, — он присел. — Хочешь, чтобы я помог тебе с этим?

Тут я поняла, что практически рву на себе платье в попытке освободить легкие из их клетки. Он не дал мне времени ответить. Мгновенно оказавшись рядом, его ловкие руки развязали шнуровку быстрее, чем я успела глазом моргнуть.

— Вот так, — сказал он, когда закончил, и я наконец-то смогла сделать глубокий вдох. — Готово.

— Мне нужно... переодеться, — глуповато выпалила я, прижимая к себе наряд.

— Обещаю не подглядывать.

Он снова устроился на кровати и открыл книгу, ясно давая понять, что в ближайшее время никуда не уйдет. Я поплелась в противоположную часть комнаты, где стояла ширма. Выбрав самую темную пижаму из своего арсенала, я быстро переделалась, игнорируя звук рвущихся швов, когда сдергивала платье с бедер.

Минутой позже я вышла, закутавшись в плотный халат. Безумие... он что, собирался ночевать здесь? Такого уговора мы не подписывали. Если он займет эту кровать, я найду себе другую. Буду спать на полу, если придется. В любом случае, оставаться здесь с ним я не собиралась.

— Что ты здесь делаешь? Серьезно, — сказала я, осторожно приближаясь к постели. — То, что ты читаешь, я и так заметила. В смысле, я вижу, и... — я умолкла. — Почему ты здесь?

Генри положил закладку и перевел на меня все свое внимание. Меня это смущало так же сильно, как тогда в саду, но на этот раз я была слишком расстроенной и усталой, чтобы меня это заботило.

— Я здесь, потому что совет решил, что я должен проводить с тобой каждый вечер — столько, сколько ты позволишь. Если хочешь, чтобы я ушел, я уйду. В ином случае, если не попросишь, я останусь.

Я уставилась на него, мой желудок скрутило в узел.

— Останешься на ночь? На всю ночь?!

Он поднял бровь.

— Я практически уверен, что сегодня ты попросишь меня уйти гораздо раньше, чем это станет возможным.

— А в последующие ночи? — пропищала я. — Ты... я должна... делать *это*?

Я никогда не занималась этим прежде. У меня даже не было времени на свидания, пока мама болела, не то что серьезно с кем-то встречаться, и я не планировала начинать сейчас. Если он думал, что может скормить мне пару дурацких зернышек и возыметь надо мной контроль, его ждал сюрприз.

Парень хихикнул, а я покраснела. Мог хотя бы не обращаться со мной, как с идиоткой.

— Нет, *это* от тебя не требуется, ни сейчас, ни когда-либо.

Я сдержала вздох облегчения. Генри был заоблачно красив, но даже неземная внешность не заставит меня согласиться на такое.

— Тогда почему ты здесь?

— Хочу узнать тебя получше, — он посмотрел на меня. — Ты интригуешь меня, и если тебе удастся пройти испытания совета, однажды ты станешь моей женой.

Я открыла и закрыла рот, пытаюсь придумать, что ответить.

— Но... ты сказал, что я не обязана выходить за тебя.

— Нет, — терпеливо сказал он. — Я говорил, что не предлагаю тебе замужество. Пока нет нужды, ты же еще не прошла тесты. Вот когда пройдешь, тогда да, ты станешь моей женой на шесть месяцев каждого года.

Я заерзала.

— Что, если я не хочу?

Генри замер, улыбка исчезла с его лица.

— Тогда тебе всего-то нужно намеренно провалить испытание.

Пустота его голоса вызвала у меня чувство вины.

— Прости. Я не хотела...

— Не извиняйся, — его тон все еще был лишен эмоций, от чего мне стало только хуже. — Это твой выбор. Если я буду просить от тебя слишком многого, ты можешь уйти.

И мама умрет.

Я так крепко сжала кулаки, что впиалась ногтями в ладонь. Прошло пару секунд, пока я нашлась, что ответить — пойти на мирное соглашение, если можно так сказать. Может, если я притворюсь, что брак с ним возможен, он перестанет выглядеть таким расстроенным.

— А что потом? Если мы... *поженимся*... обязана ли я... ну, знаешь...

— Нет, — Генри слегка расслабился и вновь сосредоточился на мне. Я была уверена, что он видит меня насквозь. — Ты будешь моей женой только на словах. Я бы и об этом не просил, не будь это обязательным условием для Подземного мира, чтобы тот признал тебя своей правительницей, как признавал Персефону. Я не жду, что ты меня полюбишь, Кейт. Не смею надеяться, что ты будешь считать меня кем-то большим, чем другом, и этот статус мне еще нужно заслужить. Понимаю, не так ты представляла свою идеальную жизнь, и я не хочу усложнять ее еще больше. Мое единственное желание: помочь тебе справиться с испытаниями.

И остановить кого бы там ни было от попыток убить меня. Я осторожно присела на край кровати. Между нами было достаточно места, чтобы я чувствовала себя в безопасности, но, казалось, даже воздух вокруг нас наэлектризован.

— А как же любовь? Разве ты... ну, знаешь, не хочешь кого-нибудь? Не хочешь семьи и тому подобное?

— У меня есть семья, — сказал он, но прежде чем я успела объяснить, он продолжил: — Если ты подразумеваешь детей, то нет, я никогда не видел их в своем будущем.

— Но ты этого хочешь?

Он слабо улыбнулся.

— Я был один очень долгое время. Ожидать чего-либо еще было бы глупо.

Несмотря на факт, что он выглядел всего на пару лет старше меня, я могла представить, насколько на самом деле стар Генри — но не была уверена, что хочу это знать. Как мог человек прожить столько лет в одиночестве? Я едва могла выдержать пару ночей дома без

мамы. Умножить это на вечность... такое в голове не укладывалось!

— Генри?

— Да?

— Что с тобой будет, если я не справлюсь?

Он долго молчал, его пальцы лениво бегали по шелковой кайме халата.

— Я исчезну, — тихо ответил он. — Кто-то другой станет править моим царством и, следовательно, пропадет цель моего существования.

— Значит, ты умрешь, — на меня накатило понимание серьезности всей ситуации, и я отвела взгляд, не находя сил посмотреть на него. Теперь не только мамина жизнь зависела от моего успеха.

— Я исчезну, — исправил он. — Умирают живые, а их души вечно покоятся в Подземном царстве. Тем не менее, такие как я не имеют души. Мы просто перестаем существовать, без малейшего намека на свое прошлое. Нельзя умереть, если ты никогда и не жил.

Я сжала кулаки вокруг одеяла. Тогда это было хуже смерти.

— Кто?

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Что «кто»?

— Кто займет твое место?

— А, — он грустно улыбнулся. — Мой племянник.

— Кто он? Как его зовут? Он в совете?

— Да, он в совете, — сказал Генри. — Но, боюсь, я не могу назвать тебе его имени.

— Почему? — казалось, никто здесь не хотел мне доверять, и если я еще понимала, почему Каллиопа не рассказала мне всю историю, то Генри знал. Он должен был рассказать мне.

Парень прочистил горло, и ему хватило приличия смотреть мне в глаза при следующих словах:

— Потому что я боюсь, что это тебя расстроит, а ты и так довольно несчастна. Я не хочу это усугублять.

Я умолкла, пытаюсь не думать, кто же в теории мог меня расстроить. На ум ничего не приходило.

— Не понимаю.

— Это пока.

На это мне было нечего ответить, и он, должно быть, это понимал, потому не стал смотреть на меня с ожиданием, а вернулся к чтению. Я наблюдала за ним, пытаюсь найти хоть какой-то признак того, что он не человек. Черты его лица были слишком симметричными, чтобы сойти за нормальные, его гладкая кожа была лишена даже намека на щетину, густые угольно-черные волосы были на дюйм выше плеч, а поражающий цвет глаз — все дело было в глазах, затягивающих, непрерывнодвигающихся воронках серебра. В тусклом свете они почти сверкали.

Когда он прочистил горло, я поняла, что пялюсь. Хотя меня все еще раздражало, что он не доверяет мне, я хотела разрядить обстановку и сказала первое, что пришло на ум:

— Что ты делаешь днем? В смысле, когда ты не здесь. Или ты всегда здесь?

— Не всегда, — он снова вложил закладку между страниц и отложил книгу в сторону. — У нас с братьями и сестрами есть свои обязанности. Я правлю мертвыми, потому

большую часть времени провожу в Подземном мире, принимаю решения и контролирую, чтобы там царил порядок. На самом деле все куда сложнее, но если ты пройдешь, то узнаешь все подробности того, чем я занимаюсь.

— Ох, — я прикусила губу. — И какой он, Подземный мир?

— Всему свое время, — сказал он, быстро коснувшись моей руки. Его ладонь была теплой, и я поборола трепет от прикосновения. — Что насчет тебя? Чем ты занимаешься в свободное время?

Я пожала плечами.

— Мне нравится читать. И рисовать, хоть и не очень получается. Мы с мамой занимались садоводством, и она научила меня играть в карты. — Я посмотрела на Генри. — Ты умеешь?

— Я могу составить конкуренцию в парочке игр, но не знаю, популярны ли они еще.

— Может, сыграем как-то? — предложила я. — Если ты собираешься проводить здесь каждую ночь.

Он кивнул.

— Было бы неплохо.

Мы снова замолчали. Ему, казалось, было комфортно валяться на чужой постели, словно он делал это прежде сотни раз. Кто его знает, может, и делал, но я не хотела об этом думать. Не я первая, но я последняя. Отказ ему никому не принесет добра — при этой мысли мое сердце громко застучало в знак протеста — и поскольку я застряла здесь на полгода, у меня не было в планах записываться к нему в недруги. Тем не менее, я очень устала.

Я боролась с собой с пару секунд, мешкая между правильным решением и тем, чего я хотела. Стоило поговорить с ним, задать больше вопросов, узнать его, но я думала лишь о крепком сне, — который мне не светит, если Генри останется, даже если он не произнесет ни звука. Что бы он ни говорил об обязанностях и ожиданиях, такая нервозность за одну ночь никуда не денется.

— Генри, — тихо позвала я. Он вернулся к чтению, но его взгляд мгновенно оказался на мне. — Пожалуйста, не пойми превратно, но я очень устала.

Он встал, забирая книгу с собой. Вместо того чтобы сделаться сердитым и обиженным, его выражение сохранило привычный нейтралитет.

— Этот день был долгим для нас обоих.

— Спасибо, — я благодарно улыбнулась, надеясь, что смогу этим замять любые неловкости.

— Конечно, — он прошел к двери. — Спокойной ночи, Кейт.

Такая мелочь, но даже намек на сердечность в его голосе заставила мои щеки порозоветь.

— Спокойной, — сказала я, надеясь, что он не мог увидеть мой румянец с другого конца комнаты.

* * *

— Так он тебе нравится, — это был не вопрос, и я злобно посмотрела на свою ухмыляющуюся мать. Мы сидели на лавочке, наблюдая за бегунами и людьми с собаками.

— Я этого не говорила, — ссутулилась я. Мама села прямее, будто обедала на

королевском приеме, а не проводила утро в Централ-парке. — Просто... не хочу, чтобы он умер, вот и все. Больше никто не должен умереть из-за меня.

— Никто из-за тебя и не умер, — сказала она, проводя рукой по моим волосам и убирая их с глаз. — Даже если ты не пройдешь испытания, это не твоя вина. Пока ты стараешься изо всех сил, все должно быть нормально.

— Но как я могу стараться, когда даже не знаю суть тестов? — я засунула руки между колен. — Как мне это сделать?

Она приобняла меня за плечи.

— Все верят в тебя, кроме тебя самой, Кейт, — ласково сказала мама. — Может, стоит призадуматься?

Даже если все в меня верили, это не значило, что они правы, или что я преуспею. Это означало лишь то, что, ко всему прочему, мне еще и придется беспокоиться, что я их разочарую. Или, в случае с Генри, отправлю на досрочную пенсию в небытие.

— Но он тебе нравится, не так ли? — спросила мама через пару минут. Я вытянула шею и посмотрела на нее, удивившись, увидев искреннее беспокойство на ее лице.

— Он милый, — насторожено ответила я, гадая, к чему она вела. — Думаю, мы сможем быть друзьями.

— Ты считаешь его симпатичным?

Я закатила глаза.

— Он бог, мам. Естественно он симпатичный.

На ее лице расплылась кривоватая улыбка.

— Наконец пришло время признать, что он бог.

Я пожалала плечами и отвернулась.

— Было бы глупо это отрицать сейчас. Но он милый, так что, пока он не станет пытаться превратить меня в кучку пепла, я могу с этим смириться.

— Хорошо, — она обняла меня и поцеловала в висок. — Я рада, что он тебе нравится. Он может составить тебе хорошую компанию, и ты не должна быть одна.

Я мысленно вздохнула, даже не пытаясь ее исправить. Если мысль о моей симпатии к Генри так ее радовала, значит, так тому и быть. Она заслуживала небольшого счастья перед тем, как я стану огромным разочарованием.

* * *

Я ожидала, что дни в поместье Эдем будут тянуться медленно, но, как ни странно, благодаря их одинаковости они проходили быстро. Утром Каллиопа и Элла помогали мне привести себя в порядок; Ава всегда сидела на краю кровати и оживленно обсуждала свою последнюю жертву. После нескольких коротких недель отношений со стражем Ксандером, ей захотелось чего-то нового.

— Его зовут Тео, — она так радовалась, что едва могла усидеть на месте. — Он симпатичный, высокий, умный, и говорит, что у меня самые красивые глаза, которые он когда-либо видел.

Я заметила в зеркале, как ожесточилось лицо Эллы.

— Держись подальше от него, — рявкнула девушка. Я попыталась повернуться, чтобы посмотреть на них обеих, но Каллиопа держала меня за плечи, так как не закончила еще

колдовать над моей прической.

— Почему? — высокомерно спросила Ава. — Он твой парень?

— Он мой брат-близнец, — Элла прищурилась.

Я вздохнула. Если мне придется с этим мириться на протяжении следующих пяти месяцев, я могу сорваться.

— И что? — Ава скрестила руки. — Я ему нравлюсь, он мне нравится. Не вижу проблемы.

Как она могла смотреть Элле в лицо и не трусить — понятия не имею. Но Ава оставалась собой, как бы девушка ни пожирала ее взглядом.

— Если ты обидишь его, я отправлюсь за тобой и убью снова, но на этот раз проверю, что ты не сможешь вернуться из своей миленькой загробной жизни, — прорычала Элла.

Я открыла рот, чтобы в точности описать ей, что произойдет, если она хотя бы попытается, но Ава перебила меня:

— А что, если он обидит меня?

— Тогда, уверена, ты будешь этого заслуживать.

С этого момента Ава и Элла едва могли находиться в одном и том же помещении. Я их не винила.

Я медленно привыкала к своей новой реальности; Генри был прав. Стоило понять, что все это не одна безумная шутка, как жить стало легче, и я перестала истощать себя попытками рационализировать невозможное.

Хоть мне все еще не нравилась мысль, что стража или Каллиопа тестируют мою еду — Элла постоянно подначивала Аву заняться этой работой — когда я притворялась, что застряла в восемнадцатом столетии, это помогало мне смириться со всем происходящим, не считая странных отношений с Генри. С прохождением недели, вечер быстро стал моей любимой частью дня, подкрепленный тем, что в это время мне не приходилось слушать обмен любезностями девушек. Мы обсуждали, чем я занималась, и даже когда он пытался меня отвлечь, я всегда замечала, что Генри не обсуждал, чем занимался *он*. Я научила его играть в свою любимую карточную игру, и он, похоже, этим наслаждался, задавая мне вежливые вопросы и не прерывая мои бессвязные ответы. Иногда я набиралась храбрости и тоже заваливала его вопросами, на которые он отвечал либо расплывчато, либо никак. Он все еще отказывался рассказывать мне о сути заданий, но, к его чести, парень стремился к тому, чтобы я чувствовала себя максимально комфортно.

Мой день был распланирован поминутно. Полчаса на завтрак, всегда состоявший из моей любимой еды. Я не полнела, что давало мне повод есть столько, сколько влезет. После завтрака шли пять часов уроков, на которых я изучала мифологию, искусство, теологию, астрономию — все, что я должна была знать по мнению Ирен. Витать в облаках не было времени, учитывая, что я ее единственная ученица. Женщину явно не интересовало, что мне хотелось и не хотелось учить. В этом всем был единственный плюс: в моем расписании не было математики.

Мы потратили немало часов на изучение олимпийцев — греческих богов, правящих вселенной и решающих мою судьбу.

— Большинство людей думают, что их было двенадцать, — сказала Ирен. — Но если ты внимательно считаешь историю, то увидишь — их четырнадцать.

От меня не ускользнуло значение этого числа. Четырнадцать олимпийцев и четырнадцать тронов. Они определяют мою долю, и из-за этого урокам о них я уделяла

чрезмерное внимание. Будто эти знания дадут мне преимущество.

Я прочитала о Зевсе, Гере и их детях; о детях, которых он зачал с другими женщинами, например, Афиной, порожденной из его головы; о Деметре и ее дочери Персефоне; о роли Аида. Это Генри, как сказала моя мать, и было странно изучать мифологию и думать, что для этих людей — это история. Что Генри действительно делал все эти вещи. Но чем больше я читала, тем легче было смириться с реальностью, и когда Ирен убедилась, что я знаю все возможное о членах совета, мы перешли к следующим мифам. Но в этих историях всегда присутствовали олимпийцы, и это никак не успокаивало мои нервы.

Днем мне разрешали делать все, что в голову взбредет. Иногда я оставалась внутри и читала, или проводила время с Авой. Иногда выходила наружу и ходила по территории поместья. На краю изысканного сада рос дикий лес, простирающийся до конца участка, пряча позади реку. Я оставалась поблизости от особняка, не желая подходить к воде. Мне надолго хватило предыдущего эксперимента.

В конце октября я наткнулась на Филиппа — руководящего конюшней. Резкий мужчина, который мало говорил; его волосы были спутанными, что делало его пугающим на вид, но он питал особую страсть к лошадям.

— Лошади такие же личности, как и люди, — хрипло сказал он, показав мне пятнадцать лошадей в конюшне. — Если ты с ними неладишь, не пытайся сделать это силой. Это все равно, что навязывать дружбу — неловко и бесполезно, и обоих делает несчастными. Пока ты это помнишь, все должно быть нормально.

Его жеребцы были сильными и быстрыми. С моей удачей, я бы обязательно с них рухнула и что-нибудь бы сломала, так что, как бы мне ни нравилось проводить время за их уходом, я никогда не просила покататься. Сперва Филипп отказывался подпускать меня к ним со щеткой, но я не принимала это на личный счет. Он никого к ним не пускал; даже разрешение зайти в конюшню было широким жестом. Аве так не повезло. Тем не менее, на мою третью попытку он недовольно разрешил мне поухаживать за ними, но только под его чутким контролем. У меня было подозрение, что с изменением его решения был связан Генри, но я не задавала лишних вопросов. Остаток осени именно так я и проводила дни, и хоть погода становилась холоднее, в конюшне было по-прежнему тепло.

С прохождением недель мне становилось все более комфортно в моем новом доме. Слуги перестали пялиться на меня, и мы начали постепенно привыкать друг к другу. Я чувствовала покой, проводя дни с Ирен, Филиппом и Авой, а вечера с Генри. Ночи — я жила ради них, рассказывая маме обо всем происходящем, и она всегда внимательно слушала. В реальном мире она умирала, но в моих снах в ней пылала жизнь, и я хотела, чтобы так оставалось как можно дольше. Знала, что не смогу избежать жестокой реальности, поджидающей за углом, но пока я могла притворяться, что жизнь в Эдеме означала мою неприкосновенность относительно реального мира.

Была середина ноября, когда Ирен объявила, что мое первое испытание начнется в следующий понедельник. К тому времени, как я покинула комнату, меня уже тошнило от волнения, и, наверное, мое лицо это выдавало.

— Кейт? — позвала Каллиопа обеспокоенным голосом, когда я закрыла за собой дверь.

— В понедельник меня ждет тест, — ответила я с дрожью.

Тут она расслабилась.

— Ты никогда раньше не проходила тесты?

Я покачала головой. Она не понимала.

— *Тест*, — повторила я. — На кону вся моя жизнь. Если я не справлюсь...

Глаза девушки расширились.

— А-а... этот тест.

— Да, — я начала идти в направлении своей спальни, потеряв интерес к ланчу. Аппетит пропал.

— Э-э, Кейт? Обеденная в той стороне. Для тебя приготовили жареного цыпленка.

Я слышала ее спешные шаги за собой, но не замедлилась.

— Мне нужно учиться.

Если я провалюсь, все мои поступки были напрасными. Мама умрет, Генри потеряет должность правителя, чем бы он там ни занимался, а смерть Авы потеряет смысл. Я не дам этому случиться.

* * *

На следующие два дня я уткнулась носом в книгу по греческой мифологии — или «истории», как все ее называли. Ирен убедилась, что я могу различить миф от были. Даже Генри оставил меня в покое на ту ночь. Вместо того чтобы отправиться в обеденный зал, я попросила приносить еду прямо мне в комнату, но ела так быстро, что не чувствовала вкуса. Спала ровно восемь часов и ни минутой больше, но даже во сне мама проверяла мои знания по выученному материалу. Я запомнила двенадцать подвигов Геракла, имена девяти муз и названия грехов из шкатулки Пандоры, но оставалась еще сотня других историй. Король Мидас, чье касание превращало все, даже его дочь, в золото. Прометей, укравший у богов огонь и отдавший его людям, за что был наказан. Икар, сбежавший из тюрьмы, но взлетевший так высоко, что воск, крепивший его крылья, расплавился. Ревность Геры, красота Афродиты, ярость Ареса — они были бесконечны, и я настолько в них погрузилась, что истории начали смешиваться между собой, но я обязана была пройти испытание.

— Ты сама себе вредишь.

Я подпрыгнула, услышав за собой голос Генри. Был вечер воскресения, оставалось меньше двенадцати часов до экзамена, а мне все еще требовалось просмотреть несколько замысловатых глав. Если не буду использовать каждую минуту — и не пропущу завтрак — то провалюсь.

— Я в норме, — буркнула я, уделяя ему лишь быстрый взгляд, прежде чем вернуться к толстой книге Ирен. Я пыталась почитать о Минотавре, но слова плыли перед глазами, и пришлось щуриться, чтобы сосредоточиться. Голова гудела, живот крутило, но я должна была это сделать.

— Не знай я лучше, то принял бы тебя за одного из мертвецов, — сказал Генри мне на ухо. Я закрыла глаза, не смея шевельнуться, когда он был так близко. Я чувствовала жар его тела, оно было куда теплее температуры в моей комнате, и меня накрыло желание пересечь расстояние между нами. Я вздрогнула. Обычно, когда я не была такой усталой, то могла игнорировать подобные ощущения. Я была здесь ради матери, а не ради Генри.

Я не дождалась прикосновений парня, но услышала, как зашелестели страницы. Когда открыла глаза, книга оказалась закрыта и отставлена в сторонку, а Генри сидел напротив меня.

— Если ты до сих пор ее не изучила, то не сможешь это сделать за время, оставшееся до

теста, — его голос был ласковым. — Тебе нужно поспать.

— Не могу, — жалобно сказала я. — Мне нужно его пройти.

— Пройдешь, обещаю.

Я рухнула в кресло.

— Да ты теперь и будущее предсказываешь? Ты не можешь этого обещать. С моим талантом, я умудрюсь так грандиозно провалиться, что они выгонят меня на половине теста. Возможно, ты никогда меня больше не увидишь.

Парень хихикнул, и я недовольно фыркнула.

— Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так рьяно готовился к тесту, как ты за выходные. Если ты не пройдешь, для нас нет надежды.

Прежде чем я успела рассказать ему про свою «удачу», дверь в мою комнату распахнулась. Ава прошла внутрь, а за ней проследовали Каллиопа и незнакомый мужчина.

— Кейт! — прыгнула она ко мне. Я виновато посмотрела на Генри, но он, похоже, был не против. Он наблюдал за женщиной, одетым в черную униформу и потупившим взгляд, будто хотел находиться где угодно, только не здесь.

— Ава, я должна учиться, — сказала я, но это ее ничуть не смутило.

— Да ладно, ты готовилась все выходные. Надо же когда-нибудь развлекаться! — она надула губки. — Все в саду отлично проводят время. Танцуют, плавают и тому подобное. Кстати, мне все еще нужно научить тебя этому.

Перспективы вновь окунуться в реку оказалось достаточно, чтобы я отказалась от этой идеи, да и сил у меня не было спускаться вниз, не то что развлекаться. Сам факт того, что это была вечеринка, гарантировал, что мне не удастся развлечься.

— Я очень устала, — сказала я, переводя взгляд с Авы на Каллиопу, замершую в дверном проеме и разглядывающую Генри.

— И что? Позже отоспишься, — сказала Ава. — Ты умная, у тебя все получится. Кроме того, ты должна познакомиться с Тео...

— Вы еще не знакомы? — встрял удивленный Генри. Он встал и подозвал мужчину вперед. Тео нерешительно подошел, и вид у него был такой, будто всю эту ситуацию он воспринимал очень серьезно. — Кейт, это Тео, глава стражи. В его работу входит следить за всем, что происходит в поместье. Тео, это Кейт Винтерс.

— Приятно, — сказал он, поклонившись. Я устало улыбнулась и протянула руку. Он осторожно пожал ее, будто боялся, что я сломаюсь. Его ладонь была более гладкой, чем моя.

— И мне. Ава много о вас говорила.

— Вовсе нет, — воспротивилась она, хмуро посмотрев на мужчину.

— А вот и да, — сказала я, и Тео улыбнулся. Насколько я видела, у него не было ничего общего с Эллой.

— Ладно, пошли, — спешно сказала Ава, потянув его за руку.

Чувствуя, что я задела ее гордость, судя по взгляду девушки при уходе, я жалобно пожалала плечами.

— Обещаю, я пойду с тобой в следующий раз.

— Как хочешь, — ответила она, таща Тео за собой. Ему удалось быстро поклониться Генри перед выходом, оставляя нас наедине с Каллиопой, все еще торчащей у двери.

— Ну, увидимся завтра, — сказала она с красными щеками.

— Завтра, — я выдавила улыбку. Никого мне не обмануть. Даже я слышала нервозность в своем голосе.

Как только Каллиопа ушла, и дверь закрылась, Генри встал и пересек комнату к огромному окну. Он посмотрел на чернильную ночь и подозвал меня присоединиться.

— Генри, я не могу, — вздохнула я. — Мне нужно учиться.

— Я попрошу Ирен не спрашивать тебя по последней сотне страниц, — ответил он. — А теперь подойди и посиди со мной. Пожалуйста.

— Не думаю, что она согласится, — буркнула я, но выполнила просьбу. Мои ноги потащились по ковру, голова казалась слишком тяжелой для тела, но мне как-то удалось пройти в другую часть комнаты и не рухнуть.

Генри надежно приобнял меня рукой, и по моему позвоночнику пробежали приятные мурашки. Это был наш первый физический контакт с момента, как я сюда пришла, и я прислонилось к нему, возлагая на парня свой вес.

— Посмотри, — сказал он, крепче обнимая мои плечи. Я подняла голову к потолку, но свет от канделябра был слишком тусклым, чтобы что-либо увидеть. Генри рассмеялся. — Нет, на небо. Посмотри на звезды.

Мое лицо покраснело от стыда, и я сосредоточилась на черном небе в окне, силясь рассмотреть едва заметные точки света.

— Красиво.

— Это так. Ты знала, что они двигаются?

— Звезды? Конечно, — это тоже было частью урока? — В разное время года можно увидеть разные звезды.

Мы опустились на скамейку и сели так близко, что я практически оказалась у него на коленях, но эта близость была куда приятней, чем я готова была признать. Я не хотела сдаваться.

— Не в разное время года, — сказал он. — В разные тысячелетия. Видишь ту звезду?

Он указал вверх, но я едва видела, куда он указывал, не то что звезду, о которой он говорил.

— Ага.

Если он и понял, что я вру, то не подал виду.

— Когда я встретил Персефону, эта звезда не была частью созвездия.

— Правда? — мой перенасыщенный информацией разум едва воспринимал новую, не говоря уже о ее значении. — Не думала, что так возможно.

— Все меняется со временем, — сказал Генри, его дыхание грело мне кожу. — Нужно только проявить терпение.

Да, подумала я, все меняется со временем. В этом и проблема, не так ли?

Что бы Генри ни пытался сделать, чтобы отвлечь меня от теста, это сработало. В ту ночь, вместо того чтобы беспокоиться о нимфах и героях, мы с мамой бродили по Централ-парку, посетили зоопарк и катались на карусели, пока голова не закружилась от смеха. Я спала крепче, чем когда-либо, и проснулась с улыбкой на лице.

* * *

На следующее утро я слишком нервничала, чтобы завтракать, но Каллиопа все равно заставила меня проглотить кусочек тоста с клубничным джемом. Даже это грозило ползть обратно, когда я зашла в кабинет, и только благодаря волевой силе мне удалось сдержать еду

в себе.

Я могу это сделать. От меня зависела судьба Генри, и он никогда не позволит им намеренно завалить меня, не дав шанса на успех. Я много училась, да и это не наука по ракетостроению. Это мифология. Что тут сложного?

— Готова? — спросила Ирен, когда я села.

— Нет, — безучастно ответила я. К такому невозможно быть готовым. Вместо того чтобы проявить сочувствие, она рассмеялась и положила передо мной тест. В горле появился комок ужаса, когда я пролистала до последнего вопроса. Двадцать страниц.

— Двести вопросов, — сказала она, словно прочитав мои мысли. — Ты можешь сделать лишь двадцать ошибок.

— Сколько у меня времени? — выдавила я.

— Столько, сколько понадобится.

Ее добрая улыбка ничуть меня не обнадежила. Призвав всю свою решительность, я взяла карандаш и принялась за дело.

* * *

Тремя часами позже я беспокойно сидела в углу, пока Ирен проверяла мой экзамен. Я снова и снова повторяла про себя вопросы, постоянно сомневаясь в ответах. Что, если я спутала Афины и Артемиду? Геру и Гестию? Что, если я переучилась и случайно перепутала места и истории, а также время?

Что, если я завалила тест?

Ирен отложила ручку с пассивным лицом, пересекла комнату и молча вручила мне бумаги. Мои руки так дрожали, что я боялась уронить их, а ее выражение ничем не выдавало мой результат. Я заставила себя опустить взгляд. Долгое мгновение мои глаза не могли сфокусироваться на цифре в верхнем углу.

173.

— Мне жаль, — сказала она, но я не услышала. Я поплелась к двери, прочь из комнаты, перед глазами все было размыто, я не видела, куда шла. Пролетела мимо Каллиопы и Эллы, едва их заметив, и ворвалась в первые же попавшиеся двери, ведущие в сад. Игнорируя их оклики, я сбросила обувь и побежала к лесу; холодный воздух жалил кожу.

Я провалила испытание.

ГЛАВА 11

ПРОВАЛ

Я не могла дышать.

Легкие горели, тело болело от бега. Я находилась в сердце леса, но все еще была на территории поместья. Стены из изгороди исчезли, но я их и не искала. Мне хотелось найти реку.

На семь баллов ниже, чем требовалось — разница в семь вопросов между успехом и провалом, пребыванием здесь и уходом, жизнью и смертью мамы. Жизнь и смертью Генри. Неважно, как уютно мне здесь было, как нравилось проводить с ним время. Если ему нужно было только это, он мог бы выбрать любую девушку, но Генри выбрал меня — зависел от меня — и я его подвела. Единственная причина, по которой я была здесь, это прохождение испытаний, но я и с этим не справилась.

Не знаю, как долго я бежала по лесу. Ноги кровоточили и покрылись синяками; падала я не раз, отбивая лодыжки, локти и колени, но все равно продолжала двигаться вперед.

Я провалилась. Все кончено, мне не дадут второго шанса.

Нужно увидеть маму перед ее смертью. Попрощаться, даже если она больше не могла меня услышать. Я нарушила свою часть сделки, и у Генри больше не было повода придерживаться своей. Не было гарантии, что я увижу ее снова, если засну, а я хотела сказать «прощай», пока еще не слишком поздно.

Наконец я нашла реку, с которой все началось. Хромая на вывихнутой лодыжке, я последовала вслед за течением, пока в изгороди не появился проход. Он казался меньше, чем я помнила, и я понятия не имела, как перебраться на другой берег, но это не обсуждалось. Извинюсь перед Генри позже.

Вытерев свои грязные и мокрые щеки тыльной стороной ладони, я стала босыми ногами в воду и ахнула. Ледяная. Течение было быстрым, и я понимала — если поскользнусь, то уже не выплыву. Не в этот раз. Но попытаться стоило. Одна нога впереди другой, вот и все.

— Кейт.

Я чуть не нырнула головой вниз от голоса Генри. Была в паре шагов от берега, балансируя на том сомнительном скользком камне, который убил Аву, и едва сумела восстановить равновесие.

— Оставь меня в покое, — мой тон вышел далеко не таким злобным, как было задумано.

— Боюсь, я не могу этого сделать.

— Я провалила тест, — я не осмеливалась посмотреть на него.

— Да, Ирен рассказала мне. Это не объясняет, почему ты рискуешь жизнью и здоровьем, чтобы пройти через дыру в изгороди. Если хочешь уйти, ворота лучше подойдут.

Мои ноги онемели, из-за чего я стала еще более неловкой, чем раньше.

— Мне нужно увидеть маму.

Генри без всякого предупреждения схватил меня за талию и прижал к себе. Прежде чем я могла воспротивиться, мои ноги коснулись земли.

— Отпусти!

Парень держал меня достаточно долго, чтобы я смогла восстановить равновесие. Я отошла от него, дрожа то ли от холода, то ли от ярости.

— Если уйдешь, — терпеливо сказал он, — твоя мама умрет. Не думаю, что ты этого хочешь.

Я открыла и закрыла рот.

— Но... я провалила испытание.

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Я не настолько строгий, чтобы наказывать тебя смертью.

— Но, наша сделка... ты сказал, что будешь поддерживать жизнь в моей матери, пока я буду здесь. Завалив тест, я больше не могу здесь оставаться.

Генри замер, а затем его выражение смягчилось, словно он наконец-то понял.

— Кейт... все дело в этом?

— Ты сам сказал, что я не могу провалить испытания, — неуверенно начала я.

— Ты не можешь провалить испытания, которые дает тебе совет. Экзамен Ирен не один из них, — он сухо улыбнулся. — Пока ты отлично справляешься.

Во рту пересохло.

— Пока?

— Да, — развеселился он, и я уже не знала, чувствовать ли облегчение или стереть самодовольную ухмылку с его лица. — Пока ты начала три испытания. Лишь одно полностью пройдено, но ты была безупречна.

Как они могли тестировать меня без моего ведома? Когда я открыла рот, чтобы спросить, он тут же меня перебил:

— Ты, должно быть, замерзла... вот, — парень накинул пальто мне на плечи, и я вцепилась в него, наслаждаясь теплом. — Ну что, давай вернемся?

Я кивнула, моя истерика пришла к концу. Генри аккуратно приобнял меня, будто боялся сломать.

— Закрой глаза, — пробормотал он; так я и поступила.

На этот раз, когда я их открыла, то практически не удивилась, обнаружив себя в спальне. Генри стоял рядом.

— Вижу, ты привыкаешь к моему способу передвижения.

— Ага, — сглотнула я. Этот способ сбивал с толку. — Мне стоит... э-э... — я указала на свое платье. Оно было порвано и испачкано грязью.

— Похоже, оно испорчено. Нужно найти ему замену.

— У меня их куча, — я оглянулась на свой гардероб и побледнела. — Элла наверняка даже не заметит.

— Не спорь, — сказал Генри. — Переоденься и приложи лед к лодыжке на пару минут. Я скоро вернусь за тобой.

Мысленно вздохнув, я решила, что это бесполезно. Он, как и Элла, был решительно настроен одевать меня в платья, вызывающие чесотку. Я не могла дождаться лета, чтобы наконец надеть джинсы.

Прежде чем выйти, Генри повернулся:

— Кейт?

Я нахмурилась, глядя на лабиринт пуговиц, идущих в ряд по моему испорченному наряду, и на дрожащие пальцы, которыми я пыталась их расстегнуть.

— Да?

— Я набрал лишь 164.

В итоге мне понадобилась помощь Эллы, чтобы снять с себя этот ужас, который она напялила на меня утром. И хоть девушке было грустно из-за платья, я была вне себя от счастья — пока не увидела, чем она собиралась его заменить.

Хромая по коридору незнакомой мне части поместья, я оперлась на Генри для поддержки и изо всех сил пыталась не чесаться от грубой ткани. Какая несправедливость! Генри позволялось носить штаны — даже Ава имела право выбора — но с Эллой во главе моего гардероба, я застряла с нарядами давних времен. Может, она и считала их красивыми, но я бы предпочла тогу этим инструментам пытки. Сколько бы я ни одевалась под них, мне никогда не стать «своей» среди этих людей. Никогда. И Элла это знала. Уверена, именно поэтому она так меня и наряжала.

Пока я гадала, поставят ли на мне крест, если я буду бегать по территории в нижнем белье, Генри открыл дверь в комнату, в которой я никогда не бывала прежде. Поначалу я мало что могла рассмотреть из-за его спины, но когда он отошел, у меня отпала челюсть, и облако несчастья, чумой преследующее меня с момента, как я увидела свой результат, испарилось.

Комната была обставлена стойками с одеждой, развешенной по размеру, цвету и бог знает чему еще. Столько разнообразных эпох... она больше походила на костюмированный магазин с платьями, туфлями, шальями и...

У меня подогнулись колени.

Свитерами и *джинсами*.

— Элла упоминала, что ты не чувствуешь себя комфортно в нарядах, которые она тебе подбирает, — сказал Генри. — В награду за провал теста с результатом выше, чем мой, я считаю, новый гардероб просто обязателен.

Я уставилась на него, затем на Эллу, одарившую меня редкой улыбкой. Они серьезно?

— О, Боже!

Не я это сказала. Позади меня раздался визг, и, повернувшись, я обнаружила Аву с открытым ртом. Рядом стояла Каллиопа, выглядевшая столь же радостно, сколь я себя чувствовала.

— Это все тебе? — выпалила Ава, проносясь мимо Эллы ко мне.

— Думаю, да, — улыбнулась я. — Хочешь что-нибудь примерить?

Она уставилась на меня, будто у меня выросла вторая голова.

— *Хочу ли?*

Я засмеялась и посмотрела на Генри.

— Можно?

— Конечно.

Это все, что она хотела услышать. В мгновение ока девушка исчезла, перебирая архаичные платья, к которым я даже прикасаться не желала. Вместо того чтобы присоединиться к ней, я повернулась к Каллиопе и Элле.

— Вы тоже можете брать все, что вам приглянется, — сказала я, оглядываясь на Генри. — Если ты не против, конечно.

Он кивнул. Как и Ава, девушки кинулись в комнату, оставляя нас позади. Парень указал на мою лодыжку.

— Сможешь ходить без моей помощи?

— Да, я буду в порядке, — сказала я, разглядывая стопку свитеров. Они манили меня даже издали. Как бы мне ни нравилась компания Генри, я все еще смущалась из-за своей истерики и не хотела, чтобы он думал, что я не способна прожить день без него, хотя, похоже, он в точности знал, как сделать его лучше.

Я прохромала полпути, прежде чем поняла, что он шагает позади меня. Оглянувшись через плечо, я нахмурилась.

— Генри, серьезно. Я в порядке. Она даже не болит.

— Я и не собирался помогать тебе ходить, — сказал он невинным голосом, на который я не повелась. — Я просто хотел предложить отнести твои вещи.

— Ну, как знаешь, — я подняла бровь, но была благодарна, хоть и не хотела, чтобы он это знал.

В ту ночь, после ухода Генри, я уже чуть было не заснула, как кто-то тихо постучался в дверь. Я застонала, протерла глаза, скатилась с кровати и проковыляла к двери. Я весь вечер ждала встречи с мамой, чтобы рассказать ей о тесте и что я не разочаровала Генри, потому, кто бы там ни находился по ту сторону двери, ему лучше придумать чертовски хорошую причину для моего пробуждения.

— Что? — спросила я, приоткрывая дверь и щурясь от света в коридоре.

Это была Ава.

— Ты не спишь? — прошептала она, и я окинула ее сердитым взглядом.

— Нет, хожу во сне.

— А, — она посмотрела на меня, словно пыталась разобраться, шутка это или правда. — Ну, пока ты на ногах, меня это устраивает, пошли... хочу показать тебе кое-что.

Она потянулась за моей рукой, но я осталась на месте.

— Я никуда не хочу, кроме как обратно в постель.

— Очень жаль, — Ава так крепко схватила меня за руку, что обязательно бы сломала пальцы, если бы потянула за нее, а мне было достаточно проблем с лодыжкой. — Я верну тебя в кровать до восхода, клянусь.

Не самое обнадеживающее заверение, но выбора не было. Наконец, громко фыркая, чтобы она обязательно услышала, я последовала за девушкой, ежась от грубого ковра под босыми ногами.

— Куда мы идем? — спросила я, но Ава цыкнула, и мы завернули за угол. Вдоль коридора, ведущего в мою комнату, стояла стража, и как минимум трое из них уже нас видели, поэтому я не видела смысла прятаться по закоулкам.

Слабая боль в лодыжке переросла в острую, и я едва поспевала за Авой, но она не замедлялась. В конце концов мы вышли в темный коридор, и она остановилась, указав на дверь в десяти шагах от нас.

Она отличалась от других, сделанная из темного дерева с резными картинками, создающими сцену, которую я не могла разобрать. С другой стороны лился свет, Ава подкралась к ней и подозвала меня за собой.

На этот раз я не задавала вопросов. Неловко пошла за ней, прижимая руку к стене, чтобы не споткнуться и не объявить о своем присутствии, кто бы там ни находился за дверью. Чем ближе мы подходили, тем яснее становилась сцена на двери, и вскоре я ее узнала. На верхней части была вырезана прекрасная поляна с небольшими цветами и деревьями по бокам. Каким-то образом художнику удалось придать сцене солнечный вид, и

она так сильно напомнила мне Централ-парк, что в горле появился комок.

Но под ней картина менялась. Слой земли отделял поляну от темной реки, бегущей под ней, а рядом был изысканный сад. Вместо того чтобы расти из почвы, он рос из острых камней. Деревья отличались от тех, что показывались наверху; они были сделаны из чего-то твердого, и хоть это всего лишь картина, я видела — они намеренно были показаны неживыми. А в центре были столбы из драгоценных камней, формирующие арку над единственным цветком, крошечным и слабым на фоне своего окружения.

Как бы меня ни зачаровывала эта прекрасная резьба, я слышала голоса, просачивающиеся через щель в двери. Поначалу мне не удавалось их разобрать, но Ава подтолкнула меня поближе и, собрав всю волю в кулак, я заглянула в комнату.

Генри стоял ко мне спиной, его плечи были ссутулены, и он смотрел на что-то, чего я не видела. Когда он повернулся в профиль, все во мне ухнуло — его глаза были покрасневшими.

Но говорил не он. Второй голос был повыше, но все равно мужским и знакомым; кто бы это ни был, его шепот был полон раздражения и настойчивости.

— Ты не можешь держать ее здесь, — я не видела, кто говорил, но была уверена, что узнала голос. — Это часть сделки. Ты не можешь заставлять ее оставаться, если она этого не хочет.

Я приблизилась. Подо мной скрипнула половица, и мне было страшно пошевелиться. С моего места было видно замершего Генри, сердце билось так громко, что он наверняка его услышал. Но после нескольких напряженных секунд он вновь заговорил, а я выдохнула.

— Она не хотела уходить, — устало сказал он. — Она думала, что наша сделка разорвана, потому что она завалила экзамен.

— Но ты все равно ее остановил, — сказал второй голос. До боли знакомый, но такой тихий, что я не могла его сличить. — Она дважды сказала тебе оставить ее в покое, и ты ее проигнорировал.

— Потому что она не понимала, — Генри сердито посмотрел на точку над дверью, где стоял второй человек.

— Это не важно, — с яростью сказал тот, и я оглянулась на Аву, замершую в углу. — Ты предотвратил ее уход!

— Мы можем всю ночь спорить о семантике, но факт остается фактом, она не покинула поместье, — сказал Генри. — У тебя нет права просить других членов совета разрушить сделку.

— Есть, и я это сделаю, — на меня упала тень, и я отпрянула. — Я не позволю тебе держать ее силой, как было с Персефоной. Она не твоя пленница, а ты не ее надзиратель. Нельзя манипулировать ею и подстраивать ситуацию, а потом удивляться, что она тебя ненавидит и хочет уйти.

Его слова сочлились злобой, а голос был пропитан ядом. Генри напрягся, но не ответил. Желание вступить за него накрыло меня с головой, и я очень хотела сказать его собеседнику, что он идиот, я осталась потому, что хотела помочь Генри, а не потому, что он меня заставлял, но слова так и не сорвались с губ. Я месяцами не требовала ответов. Нельзя лишать себя шанса наконец получить их.

— Отпусти ее, — сказал голос, на этот раз еще тише. — Персефона не любила тебя, и ты не можешь ее заменить, как бы ни старался. А даже если бы мог, Кейт не подходящий для этого человек.

— Может, это не так, — сдавленно выдавил Генри. — Моя сестра считает иначе.

— Тетя ослепла от вины и решимости исправить ситуацию. Пожалуйста, Генри. —

Половица снова скрипнула, и он шагнул к парню. Я уже могла разглядеть его руки, на нем была черная куртка, выглядевшая слишком тонкой для ноября. — Отпусти ее, пока и она не умерла. Мы оба знаем, что это вопрос времени, и если она тебе не безразлична, ты отпустишь ее прежде, чем она станет очередной жертвой, — он сделал паузу, и я задержала из-за собственного эгоизма.

В дюймах от меня раздался звук разбившегося стекла. Я ахнула и попятилась, и моя лодыжка подогнулась. Я вскрикнула и рухнула на землю. Дверь открылась, и кровь отлила от моего лица, когда я увидела человека по другую сторону.

Джеймс.

ГЛАВА 12

ДЖЕЙМС

— Ты тоже в этом замешан? — спросила я охрипшим голосом, пораженно уставившись на Джеймса. Выглядел он точно таким, каким я его помнила — лопухий, с взъерошенными светлыми волосами и огромными наушниками на шее.

— Кейт... — начал он, но тут в проходе появился Генри и отпихнул парня в сторону. Я благодарно взялась за протянутую им руку, метая в Джеймса разъяренные взгляды.

— Что здесь происходит? — еле выдавила я, ничего не видя перед собой. На сей раз им обоим придется объясниться. — Расскажите же! Сначала София, затем Ирен, теперь ты...

— Наверное, будет лучше, если мы продолжим эту беседу внутри, — скривился Генри. Я стиснула зубы и кивнула, опираясь на него по пути в комнату.

Уже по прибытии до меня дошло, что это спальня. И хотя в ней явно регулярно убирались, меня преследовало стойкое ощущение, что здесь никто не живет. Генри помог мне обойти разбитое стекло на полу. Я увидела сломанную рамку и мятую, порванную фотографию. На ней была изображена улыбающаяся девушка не многим старше меня, с веснушчатыми щеками и рыжевато-светлыми волосами. Рядом с ней стоял Генри, выглядевший совершенно спокойным и гораздо более счастливым, чем мне когда-либо доводилось его видеть.

— Кто это? — поинтересовалась я, несмотря на то, что у меня были догадки.

Генри оглянулся на фотографию, и на его лице отразилась боль. Прежде чем ответить, он провел меня к кровати, а затем отвернулся, словно не мог смотреть мне в глаза.

— Персефона, — в его голосе слышались такие хрупкие нотки, будто он вот-вот сломается. — Это очень-очень старый снимок.

— Не такой уж и старый, — сказала я, рассматривая портрет. — Разве что у вас камеры появились раньше, чем у нас.

— На самом деле это не фотография, — парень наклонился и достал ее. — Это отражение. Взгляни сама.

Его руки дрожали, когда он передавал мне снимок. Я осмотрела его и заметила, что в нем присутствовал объем, которого не хватало настоящим фотографиям. Казалось, что он мерцает, как водная поверхность, а Персефона и Генри — двигались. Не так, как на видео, но она моргала, а руки Генри сжимались крепче вокруг ее талии.

— Красавица, — тихо произнесла я. Часть меня ревновала, прекрасно понимая, что мне никогда не занять ее место, но я также сочувствовала Генри, пережившему столь тяжкую утрату. Пришлось избавиться от этих мыслей. — Мне жаль.

Тот лишь отмахнулся, словно это пустяк, но портрет забрал с излишней предосторожностью. Затем провел по нему пальцем: картинка разгладилась, как если бы ее никогда и не мяли.

— Как я и сказал, это было очень давно.

Меня отвлек чей-то кашель, и я прищурилась на Джеймса, околачивающегося у двери.

— Чего тебе?

— Ты спросила, почему я здесь, — он скрестил руки и прислонился к раме, полностью перекрывая проход. За ним послышался скрип. Снаружи все еще пряталась Ава, но мне не хотелось, чтобы она слышала этот разговор.

— А ты так и не ответил, — я скривилась, когда Генри нежно коснулся моей лодыжки.

— Он мой преемник, — сказал он и недовольно покосился на Джеймса. — Если я умру, он займет мое место.

Меня накрыла волна ужаса, и я с отвращением посмотрела на бывшего друга.

— Поэтому ты пытался остановить меня, когда я хотела сюда прийти? Ты знал, что я его последняя надежда, и хотел избавиться от помехи в круге победителей?

— Нет никакого круга победителей, — нахмурился Джеймс. — Это не соревнование, ясно? Нам всем тяжело. Мы уже столетие пытаемся найти кого-то на место Персефоны, и если нам это не...

— Если тебе это не удастся, ты займешь место Генри, — рывкнула я. — И вот он ты, во всей красе, пытаешься все испортить.

— Я думал, что ты хочешь на свободу! — у него так крепко сжало челюсть, что дернулся мускул. — Ты *сказала*...

— Генри был прав. Я многого не понимала, и не собираюсь уходить, тем самым обрекая его на смерть.

Парень неловко переминался с ноги на ногу.

— Я и не думал, что ты это сделаешь. Но условия соглашения довольно ясны: если ты хочешь уйти — мы никак не можем тебе препятствовать. Если Генри держит тебя против воли, мы имеем право вмешаться.

— погоди, — до меня плавно доходило, о чем он толковал. — В смысле «мы»?

Генри так сильно нахмурился, что перестал быть похожим на себя.

— Джеймс, — в его голосе слышалось предупреждение.

Тот выпрямился и опустил руки по швам.

— Мне плевать, если она узнает.

— А другим нет, — ответил Генри, но не попытался его остановить.

Джеймс нерешительно шагнул ко мне, словно хотел прикоснуться, но я окинула его ледяным взглядом, и тот тут же замер.

— Я член совета.

Мое сердце едва не остановилось.

— Ты в совете? — пролепетала я. — Да не может быть! Ты же... *ты!*

— Очень проницательно с твоей стороны, — буркнул он себе под нос. — Послушай, Кейт... можешь мне не верить. Ну, как, я бы хотел, чтобы ты поверила, но это необязательно. Можешь ненавидеть меня за то, что я попытался забрать тебя у Генри, но я всего лишь желаю тебе лучшего.

— И, по-твоему, лучше всего для меня будет прожить остаток жизни с мыслью, что я убила Генри? — в моих глазах зародились жгучие слезы, но я сморгнула их и постаралась продолжить твердым голосом: — Я уж не говорю о том, что случится с моей мамой.

— Если решишь уйти, то забудешь обо всем произошедшем. Это тоже часть сделки.

— *Хватит* об этой глупой сделке! — мои щеки запылали. — Это мне решать, а не тебе. Ты не можешь действовать за моей спиной, якобы из лучших побуждений. Я скажу, когда это все закончится, не ты!

Я перевела взгляд с одного парня на другого, убеждаясь, что оба внимательно слушают, но Генри сосредоточился на моей лодыжке и сидел с закрытыми глазами. По ноге прошло приятное тепло. Парень сомкнул пальцы вокруг сустава и начал медленно водить по нему круги.

— Больно?

Я покачала головой. Он отпустил меня, и я быстро подобрала ноги, шевеля пальцами. Больше не болело.

— Как ты... — начала я, моментально позабыв о собственной ярости, но Генри лишь пожал плечами.

— Тебе запрещено ее исцелять, — отозвался Джеймс из другой части комнаты. Генри выпрямился, в его глазах появился омертвевший взгляд.

— Сегодня мы нарушаем все правила, — встал. — Прошу меня извинить.

Не успела я возразить, как он исчез, оставляя меня с Джеймсом наедине. Я тоже встала, проверяя на прочность свою лодыжку. Все цело.

— Знаешь, это был не мой выбор... занять его место, если ты провалишь испытание, — тихо произнес парень. — Я единственный член совета, который знает Преисподнюю не хуже него.

— Но ты все равно этого хотел.

Он отвернулся к темному окну, выходящему в сад. Луна была почти полной, и я видела верхушки голых деревьев, покачивающихся на ноябрьском ветру.

— Мы живем столько же, сколько то, что мы представляем. Младшие боги постоянно предаются забвению, но не совет. Пока существует человеческий род, в мире будет царить любовь и война. Всегда будет музыка и искусство, литература и мир, браки и дети, а также путешественники. Но человечество не сможет жить вечно, и когда оно сотрется с лица планеты — за ним пропадем и мы. Останется только смерть.

— То есть, если ты будешь править Преисподней, то выживешь, когда все другое исчезнет? — прозвучало как вопрос, но я уже знала ответ, и в моем горле зародился комок. — В этом все дело?

— Нет. Сейчас самое главное, чтобы выжила *ты*. Я не желаю тебе смерти, Кейт... прошу тебя! Генри уже давно сдался. Может, он и пытается ради твоего же блага, но не потому, что хочет продолжить свое царствование — он просто боится, что ты погибнешь, вот и все.

Я замолчала.

— А на то есть веские причины?

Джеймс посмотрел на меня, и я увидела искренний страх в его глазах.

— Пока никому не удавалось пережить Рождество. Кейт, я молю тебя! Генри этого не хочет. Он всегда будет любить Персефону. Оглянись... посмотри, где ты. Это была ее спальня.

В комнате не было ничего необычного, кроме фотографии, которую Генри метнул в Джеймса. Но чем больше я всматривалась в свое окружение, тем больше замечала. Многие родители не осмеливаются трогать комнату своего чада после его трагической смерти — тут похожая ситуация. На комод в углу лежали старомодные шпильки для волос, шторы были раскрыты, чтобы пропускать свет в помещение, а на шкафу даже висело платье, ожидая, когда же его наденут. Казалось, время здесь замерло на столетия, дожидаясь возвращения хозяйки.

— Это отражение... — Джеймс указал на картинку со счастливыми Генри и Персефой. — Оно ненастоящее. Это желание, мечта, надежда, но не воспоминание. Он так сильно ее любил, что разрушил бы мир на части, стоило ей слово сказать, но она терпеть его не могла. С тех пор, как Персефона умерла, он молил совет, чтобы мы отпустили его и

позволили кануть в небытие. Ты действительно думаешь, что сможешь соперничать с такой любовью?

— Это не соревнование, — грубо ответила я, вторя его же словам. Тем не менее, я сама понимала, насколько они лживы. Если я не заставлю Генри проникнуться к себе чувствами, у него не будет смысла править дальше. Сердцем он всегда будет принадлежать Персефоне. Но это не повод перестать бороться. Он заслуживал счастье, как и любой из нас, а я была не готова попроситься навеки с еще одним человеком, занявшим место в моей жизни.

Лицо Джеймса смягчилось.

— Он никогда не полюбит тебя, Кейт, по крайней мере не так, как ты того заслуживаешь. Генри давно сдался, а ты лишь продлеваешь его муки. Было бы куда милосерднее оставить его в покое.

Я сделала шаг в его сторону, разрываясь между злостью и желанием прикоснуться к нему, убедиться, что мой Джеймс все еще где-то там, под этой маской хитрого божка, твердящего нужные слова, чтобы убедить меня уйти. Чтобы украсть бессмертие Генри и присвоить его себе.

— Ты считаешь, я должна это сделать? — теперь между нами оставалось расстояние в шаг. — Сдаться и бросить его, как Персефону?

— У нее были свои причины. Он забрал у нее все, что она любила, и заставил жить здесь против воли. Ты бы поступила так же.

Я замолкла. Разница между мной и Персефоновой заключалась в том, что ей было, что терять. Джеймс робко подался вперед и обнял меня, закапываясь лицом в волосах. Я услышала, как он сделал глубокий вдох, и задумалась, чувствовал ли он запах моего лавандового шампуня или страх, вину и решимость. Через пару секунд я тоже его обняла.

— Пожалуйста, не мучай себя, Кейт, — пробормотал он мне на ухо. Я закрыла глаза и притворилась, что это все еще Джеймс. Не соперник Генри, не бог, наживающийся на моих неудачах, а мой старый добрый друг.

— Можешь сделать кое-что для меня? — спросила я, уткнувшись ему в грудь.

— Конечно. Что угодно.

Я отпустила его.

— Тогда катись отсюда и не возвращайся до весны.

Его глаза округлились.

— Кейт...

— Я серьезно, — мой голос дрожал, но я стояла на своем. — Уходи.

Он ошеломленно посмотрел на меня, засунул руки в карманы и отошел на пару шагов. На мгновение мне показалось, что он собирается что-то сказать, но затем парень быстро развернулся и ушел, оставляя меня одну в спальне Персефоны.

Я четыре года не давала маме сдаться и не дам сделать то же Генри. Если он не хочет жить для себя, значит, я найду способ заставить его жить ради меня.

* * *

Многими часами позже, когда луна поднялась в небо так высоко, что ее уже не было видно из окна, я лежала в кровати и смотрела в потолок. Хотелось заснуть и поделиться всем произошедшим с мамой; спросить совета, как мне убедить Генри бороться дальше. Но я

знала, что она не скажет ничего нового — не ей решать эту проблему. Я пошла на сделку и не собираюсь сдаваться без боя.

Утро только наступило, а кто-то уже стучался ко мне в дверь. Я закопалась лицом в подушку. Ава уже ушла, когда я выскользнула из комнаты Персефоны, и у меня не было настроения рассказывать ей о последних событиях. Мне нужно пару дней, чтобы самой во всем разобраться, прежде чем об этом узнает все поместье, если уже не знало.

Хотя я не издала ни звука, дверь все равно отворилась, а затем послышались бесшумные шаги по ковру. Я старалась не шевелиться, чтобы неожиданный гость решил, что я сплю, и ушел.

— Кейт?

Мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать голос Генри. Что-то забренчало внутри меня, какая-то знакомая нота, пославшая волну уюта по моему напряженному телу. Но я все равно не повернулась.

Он передвигался так тихо, что я не могла понять, насколько он близко, пока не почувствовала, как просел матрас. Прошла не одна минута, прежде чем он сказал:

— Прости, — его голос ничего не выражал. — Тебе не стоило это видеть.

— Я рада, что увидела.

— И почему же?

Не хотела отвечать. Как ему объяснить, что он не должен сдаваться? Я рисковала всем ради него и с радостью сделала бы это снова, главное — чтобы не впустую. Мне не удастся заставить его бороться, но я найду ему повод не исчезать.

Генри вздохнул. Затянувшаяся тишина только ухудшала ситуацию, потому я наконец пробурчала в подушку:

— Почему ты раньше не сказал о Джеймсе?

— Догадывался, какой будет твоя реакция, и хотел максимально уберечь тебя от боли.

— Мне больно не от того, что теперь я знаю, кто он на самом деле. Гораздо хуже, что никто здесь мне не доверяет.

На мгновение я почувствовала его ладонь у себя на руке.

— Значит, я постараюсь больше тебе доверять. Прости меня.

Его извинение, каким бы искренним оно ни было, пролетело мимо моих ушей.

— Если я пройду испытания, между нами многое изменится, правда? Жизнь перестанет быть игрой, цель которой скрыть от Кейт побольше тайн? Потому что, если ответ на это не утвердительное «да», то я вряд ли смогу это сделать.

Он провел тыльной стороной ладони по моей щеке, но это тоже продлилось не дольше секунды.

— Да. Утвердительное да. Дело не в том, что я тебе не доверяю... Просто есть вещи которые тебе пока знать не дано. Как бы это ни раздражало, я клянусь — это ради твоего же блага.

Ради моего же блага. Судя по всему, это самое популярное оправдание, когда они делают что-то, что мне не нравится.

— И насчет Персефоны, — добавила я, радуясь, что лежу к Генри спиной, и он не видит боль в моих глазах, когда я произношу ее имя. — Я не она, Генри. И никогда ей не стану. Я не могу провести вечность, пытаюсь занять ее место. Понимаю, сейчас я для тебя никто...

— Ты не никто, — сказал он с удивительной твердостью. — Даже не смей так думать.

— Дай мне закончить, — я крепче обхватила подушку. — Я знаю, что мне никогда не

стать ею. Да я и не хочу, учитывая, какую боль она тебе причинила. Но если это сработает... если я пройду испытание, мне нужно знать, что когда ты смотришь на меня, то видишь *меня*, а не просто ее замену. Что в будущем меня ждет что-то большее, нежели место в ее тени, пока ты будешь упиваться горем всю свою оставшуюся жизнь. Если Джеймс прав, и я могу уйти в любой момент, а ты уже понимаешь, что вечность со мной принесет тебе несчастье, тогда сделай нам обоим одолжение и скажи об этом сейчас.

Шли секунды, а Генри молчал. Было несправедливо, что он так пренебрежительно относился к своему бессмертию, когда там, снаружи, были другие — включая мою маму — кто хотел жить, но не мог. Я решительно посмотрела в окно, чувствуя зарождающийся гнев и желание накричать на него, пока он не успел ответить.

— Я принес тебе подарок.

Я начала было поворачивать голову, но вовремя остановилась.

— Это не ответ.

— Не согласен, — парень скромно улыбнулся. — Я бы не стал дарить тебе нечто подобное, если бы не хотел, чтобы ты осталась.

Я нахмурилась.

— И что это за подарок?

— Повернись и сама увидишь.

Не успела я это сделать, как что-то ткнулось мне в плечо. Что-то холодное, влажное и *очень* живое.

Резко перевернувшись, я уставилась на черно-белый пушистый комочек, сидящий на моей кровати. Он взглянул на меня своими глазами-бусинками и завилял хвостиком. Мое сердце тут же растаяло, позабыв все печали и обиды.

— Не верь я, что ты действительно можешь что-то изменить, я бы ни за что не стал рисковать твоей жизнью, — сказал Генри. — Мне жаль, что ты не понимаешь, как важна для меня, Кейт, поскольку это в корне противоположно правде. Я никогда не хотел, чтобы ты стала Персефой, — добавил он с печалью в голосе. — Ты та, кто ты есть, и как только появится возможность, я все тебе расскажу. Обещаю.

Я взглянула на щенка, боясь ляпнуть что-то невпопад, из-за чего Генри передумает. Вдруг он как Джеймс, и говорит то, что я хочу услышать? А если он всерьез?

— Сегодня из-за меня ты потеряла друга, а я не хочу, чтобы тебе было одиноко, — Генри погладил щенка, и тот застучал хвостом по матрасу. — В моем понимании, люди не дарят друг другу питомцев, если не ждут... — он замешкал. — Если не надеются провести вместе много времени в будущем.

Ожидание. Надежда. Что из этого он хотел сказать на самом деле?

Мне хотелось пояснить ему, куда именно Джеймс может запихнуть себе нашу так называемую дружбу, но у меня пропал дар речи. Все детство я молила маму завести щенка, но она всегда была против. Узнав о ее болезни, я сдалась — у меня не было времени ухаживать и за ней, и за собакой.

Как Генри узнал об этом? Или это случайность?

— Это... мальчик или девочка?

— Мальчик, — уголки его губ поднялись вверх. — Не хочу, чтобы у Цербера появились дурные мысли.

Я замешкала.

— Так он мой?

— Целиком и полностью. Можешь даже забирать его с собой весной, если захочешь.

Я подняла на руки щенка и прижала его к груди. Уперевшись лапками мне в предплечье, он еле дотянулся язычком до моего подбородка.

— Спасибо, — ласково сказала я. — Это очень мило с твоей стороны.

— Не за что, — Генри встал. — Пожалуй, я вас оставлю и позволю познакомиться поближе друг с другом. Он довольно дружелюбен и очень подвижен. Ему еще предстоит выучить правила этикета, но он хороший ученик.

Щенок подпрыгнул выше, дотягиваясь до моей щеки. Я улыбнулась, и когда Генри схватился за дверную ручку, вскрикнула:

— Генри?

— Да?

Я поджала губы, пытаясь подобрать нужные слова, чтобы он остался. Чтобы старался не только ради моего блага. Но безрезультатно. Время шло, растягиваясь до неприличия и, в конце концов, я пропищала:

— Пожалуйста, не сдавайся.

Он ответил так тихо, что я еле расслышала:

— Постараюсь.

— Пожалуйста, — повторила я, на сей раз более настойчиво. — После всего произошедшего... ты не можешь. Понимаю, ты тоскуешь по ней, но...

Наступила неловкая тишина.

— Но что?

— Прошу, просто... дай мне шанс.

Он отвернулся, и в тусклом утреннем свете я увидела, как опустились его плечи, будто он пытался сделаться максимально незаметным.

— Конечно, — Генри открыл дверь. — Спокойной ночи.

Я уткнулась носом в макушку щенка. Не хотелось, чтобы он уходил. Можно сыграть в карты, поболтать, почитать — да чем угодно заняться, лишь бы это не напоминало ему о Персефоне. Он заслуживал отдых после сегодняшней ночи. Мы оба.

— Пожалуйста, останься, — выпалила я.

Но когда подняла взгляд, его уже не было.

ГЛАВА 13

РОЖДЕСТВО

Следующие пару недель встречи с Генри были просто невыносимыми. Мы продолжали проводить вместе вечера, но они утратили свою непринужденность. Каждая беседа и случайное касание вызывали дискомфорт. Он ни разу не посмотрел мне в глаза, и чем ближе было Рождество, тем больше он отдалялся. Тем больше мне хотелось вырвать себе волосы и поставить ему условие: либо ты возьмешь себя в руки, либо я уйду. Проблема в том, что эта угроза пустая, и он с легкостью это поймет. Более того, я боялась, что он ей воспользуется.

— Не понимаю, — сказала я, шагая взад-вперед по тротуару. — Он ведет себя так, словно не хочет иметь со мной дела.

Мы с мамой устроились возле детской площадки в Централ-парке. Несмотря на глубокие сугробы, окружавшие поместье с наступления зимнего солнцестояния и окончания первой половины моего пребывания там, в моем сне царила середина лета. Вдалеке слышались детские крики, но я была слишком сосредоточена на поведении Генри, чтобы наслаждаться обстановкой.

— С чего ты взяла? — спросила мама. Она сидела на лавочке и наблюдала за мной с совершенно спокойным выражением.

— Не знаю! — раздраженно огрызнулась я. — Что, если он действительно сдался? Что тогда делать?

— Продолжай бороться за него, пока не исчерпаешь все возможности, — в ее голосе слышались стальные нотки, заставившие меня задуматься, так ли ей все равно, как кажется. — И даже после.

Я засунула руки в карманы. Она прекрасно понимала, что не все так просто, как на словах.

— Джеймс сказал, что другим девушкам не удалось пережить Рождество... как думаешь, может, поэтому он меня избегает? Думает, что я могу в любой момент откинуть коньки?

— Возможно, — кивнула она. — Или он понял, что любит тебя, и боится потерять.

Я фыркнула.

— Слишком толсто, мама. Он даже не смотрит на меня.

Та вздохнула.

— Кейт, это ты проводишь с ним время, тебе виднее. Я сужу лишь по твоим рассказам. Если Генри действительно так несчастен, то я сомневаюсь, что кто-то другой сможет вытащить его из этого состояния.

— И как, по-твоему, я должна это сделать? — не хотела грубить, но вышло довольно резко. Тут же почувствовала себя виноватой и поплелась к маме. Она подвинулась, и я устроилась рядом.

— Как бы там ни было, ты на это способна, — она убрала выбившуюся прядь с моих глаз. — Если ты готова сделать это ради него, дать ему повод жить, то учти — легко не будет. Как и пройти оставшиеся испытания.

Я нахмурилась, в сотый раз за неделю копаясь в собственном разуме и пытаюсь что-нибудь придумать — безнадежно. Мой единственный проблеск гениальности касался рождественского подарка — и тот был под риском провала.

— Но ты ведь осторожна, дорогая? — спросила мама с обеспокоенным выражением. — Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Если то, что он говорит, правда, и тебе действительно грозит опасность...

— Все нормально. Клянусь, пока что никто не пытался от меня избавиться. А если мне не удастся убедить Генри, что моя компания не так уж плоха для вечности, то лучше пусть меня убьют.

— Не говори так! Мне плевать, что произойдет в последующие три месяца, но ты не должна сдаваться, поняла?

Ее пыл удивил меня до такой степени, что я выпрямилась.

— Да я и не собиралась. Но если Генри не приложит усилий, то умрет, а ты... — мама тоже умрет. Ясное дело, что это неминуемо, но я еще не готова сказать «прощай». До весеннего равноденствия оставалось аж три месяца, и я намеревалась насладиться каждым мгновением нашего совместного времени. Даже Генри не стать преградой на пути к этому.

— Что бы ни произошло со мной или Генри, ты просто обязана двигаться дальше, — сказала мама ласковым тоном. — Ни один из нас не достоин, чтобы вот так сдаваться, и если ты это сделаешь, то окажешься не лучше него. Но я знаю, что ты не такая, ведь правда?

Я молча кивнула. Будь у меня мамина сила и уверенность, мне наверняка не было бы так сложно убедить в том же правителя Преисподней.

— Может, ты с ним поговоришь? Могу поспорить, он к тебе прислушается.

— Скорее всего, — что-то мелькнуло в ее глазах, но я не поняла, что это было. — Но это твоя задача, милая, и я знаю, что ты справишься.

Либо так, либо все умрут.

— Надеюсь, ты права.

Она смачно чмокнула меня в щеку.

— Я всегда права.

Не успели мы и слова сказать, как небо потемнело. Я недоуменно подняла голову, а когда повернулась к маме спросить, что происходит, она исчезла, сменившись последним человеком, которого я хотела сейчас видеть.

Джеймсом.

— Какого черта ты тут делаешь? — вскочила я на ноги. — Что ты сделал с моей мамой?!

— Все хорошо, — он встал за мной. Я спешно выбежала на тропинку, пытаясь найти маму, но он быстро нагнал меня. — Кейт... послушай. Твоя мама в безопасности. Я хочу поговорить с тобой.

— И ты решил лишить меня единственного момента, который я могу с ней провести? — я повернулась, и он резко остановился в паре сантиметров от меня. — Ты не можешь так поступать просто потому, что являешься каким-то там божком! Я предупреждала, чтобы ты держался подальше от меня!

— Знаю, — Джеймс засунул руки в карманы и сделал такое жалостливое лицо, что я умудрилась забыть, что это он здесь плохой парень. — Клянусь, мне нужно всего пару минут, а затем все вернется в норму. Только выслушай меня.

Я раздраженно вздохнула.

— Ладно. У тебя пять минут.

— Их вполне достаточно, — он было улыбнулся, но опомнился, встретившись с моим ледяным взглядом. — Это не я пытался убить тебя.

Я удивленно заморгала. Никак не ожидала, что разговор будет об этом.

— Ты — самый очевидный подозреваемый, — протянула я. — Отнекивайся сколько хочешь, но с моей стороны было бы глупо верить тебе без всякого доказательства.

Он как-то странно, чуть ли не архаично кивнул головой. Довольно грубое напоминание о том, кто и что он такое.

— Я бы и не стал просить об этом. Если хочешь — спроси у Генри. По ясным причинам я никогда не принимал участия в испытательном процессе. Ты моя подруга, и я никогда бы не причинил тебе вред.

— Поэтому я так долго продержалась? — язвительно поинтересовалась я. — Потому что мы друзья?

Его лицо помрачнело.

— Я уже сказал, я не убийца. Ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы это понимать.

— В последнее время я сомневаюсь, что вообще тебя знаю, — рывкнула я. По крайней мере, ему хватило приличия сделать робкий вид.

— Ты продержалась так долго, потому что мы приняли чрезвычайные меры, дабы обеспечить твою безопасность. Стража, эскорт, пищевой дегустатор — ты понятия не имеешь, как пристально за тобой следили.

По спине прошла дрожь.

— Прошел целый век, а вы так и не знаете, кто это делает? А я-то думала, что боги всезнайки.

Он сухо рассмеялся.

— Было бы неплохо. Я бы решил кучу проблем. Но нет, мы не все знаем. Мы искали улики, сменили персонал, допросили всех, кто был замешан, но безрезультатно. Генри даже спустился в Подземный мир, чтобы поговорить с умершими девушками, но они ни разу не видели убийцу.

Я нахмурилась. Как бы трудно ни было Генри из-за того, что я нахожусь в зоне опасности, даже представить не могу, как тяжело было общаться с девушками, которые умерли из-за него. По крайней мере, так он, без сомнений, считал.

— И что? — за раздражением я пыталась скрыть страх. — Если уж вам не удалось разобраться, то мне и подавно. Зачем ты это рассказываешь?

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности. Тебе не обязательно доверять мне, чтобы хотя бы прислушаться к моим словам и сделать все нужное ради собственной защиты. Генри позаботился о том, чтобы убийца уже не смог воспользоваться старыми методами атак. Но это только значит, что он придумает что-то новое. Генри это понимает, мы это понимаем, и ты тоже должна это понимать.

— Отлично, — я закатила глаза. — Так теперь мне остерегаться не отравленной еды, а роя смертоносных пчел? Наковальни, что вот-вот упадет мне на голову? Чего именно?

— Всего необычного. Если у тебя появятся хоть малейшие подозрения, что что-то не так, сразу беги. Мне плевать, как сильно ты им нравишься. Кто-то в этом доме хочет твоей гибели, и если ты надеешься пережить испытания, то никогда не должна забывать об этом.

Я не ответила. Жить в Эдеме стало для меня привычным делом, и хоть он был не идеален, я, по крайней мере, перестала чувствовать себя несчастной. Мысль о том, что моим убийцей может быть кто-то из знакомых — друзей — потрясла мою уверенность больше, чем хотелось бы признавать. Я впервые задумалась, что на кону стоит не только жизнь Генри и мамы. Моя тоже.

— Зачем ты мне это говоришь? — тихо спросила я, когда воздух сотряс гром. — Если я умру, то Генри канет в забвение, и ты добьешься всего, чего так хотел.

— Не всего, — он потупил взгляд.

Не успела я обдумать, имел ли он в виду потерю Генри или меня, как небо разверзлось. Впервые в моем сне шел дождь.

— Пообещай, что будешь осторожна, — прокричал он сквозь ливень. — Обещай, что не станешь делать ничего безрассудного!

Я кивнула. Как бы отчаянно мне ни хотелось обрести хоть маленький кусочек счастья в оставшихся клочьях моего существования, я не собиралась отдавать за него жизнь. Ради мамы — несомненно; но не ради себя.

— Спасибо, — его плечи опустились от облегчения. — Увидимся весной. И еще, Кейт?

Я молча взглянула на него, парк потихоньку начинал растворяться.

— Мне жаль, — это последнее, что я услышала, прежде чем вокруг меня сомкнулась тьма.

Очнулась я одна в своей кровати. Хотя злость на Джеймса никуда не делась, меня не покидала одна мысль: что пока я изо всех сил боролась за жизнь мамы и Генри, возможно, он столь же отчаянно боролся за спасение моей.

* * *

Рождество было единственным праздником, отмечаемым в нашей семье. Наша крошечная нью-йоркская квартира едва вмещала в себя елку, но мы все равно умудрились впихнуть ее в угол гостиной, после чего часами облагораживали комнату. «Маленький кусочек природы в каменных джунглях», — так говорила мама, когда мы заканчивали и оценивали свои старания.

Елка в Эдеме, возвышающаяся до потолка и занимающая половину зала, приуменьшает нашу домашнюю елку до размера веточки. Не прошло и ночи, как их расставили по всему поместью, и всю неделю в коридорах витали ароматы рождественского печенья. Персонал сиял от радости в преддверии праздника, а воздух накалялся от общего счастливого настроения, от которого я не могла избавиться даже в неудачные дни. Я ожидала, что они будут праздновать зимнее солнцестояние, но Элла уточнила, что ради меня они отпразднуют и Рождество.

Я не забывала, что всем предыдущим девушкам не удалось его пережить, и делала все, чтобы не оставаться одной, как и советовал Джеймс. Но чем ближе был праздник, тем больше отдалялся от меня Генри, и это все портило. Если осенью он периодически присоединялся к моим прогулкам по поместью, то теперь я его видела только лишь за ужином. Наши отношения ухудшались, и, несмотря на мамин совет, я под страхом смерти не могла придумать ему достойную цель. Меня грела надежда, что если переживу Рождество — это поможет, но не было никаких гарантий. О возможности, что этого может и не случиться, я предпочитала не думать.

Но мне определенно хотелось, чтобы у него вышло счастливое Рождество. Нам предстоял большой пир в компании всей прислуги, и хоть это хорошее начало, я также хотела показать ему, как праздновали мы с семьей. Может, если я приоткрою ему завесу на свою частную жизнь, он ответит тем же — ну или, хотя бы, перестанет постоянно

хмуриться. К тому же, как бы эгоистично это ни звучало, я не хотела проводить праздник в одиночку.

В канун Рождества в моей комнате поставили гигантскую елку, пока я завтракала, а также две коробки с декоративными игрушками. Занятия отменили, и я потащила Аву к себе в спальню, чтобы она помогла мне перед ужином. Когда Генри не было рядом, она была единственной, кому я достаточно доверяла, чтобы проводить время вместе. В конце концов, ее не было здесь, когда убивали других девочек, и я уверена, что она не станет меня губить за то, что я не приму предложение Генри в день осеннего равноденствия.

Однако вскоре я пожалела о своем приглашении.

— Я опаздываю на свидание с Ксандером и виню в этом тебя! — ворчливо сказала Ава, потянув за запутанный провод с фонариками. Рядом сидел мой щенок, которого я назвала Пого, и с любопытством наблюдал за нами.

— Не тяни так сильно, — крикнула я, спотыкаясь о грудку мишуры, спеша спасти гирлянды от девушки. — Они очень хрупкие. И ты не опоздаешь... разве ты не встречаешься с Тео?

— Уже нет, — пропела она. — Мы снова сошлись с Ксандером, и он пригласил меня к себе в спальню на приватную вечеринку взамен банкета.

Я не стала задавать вопросов.

— Помоги мне с этим, — я протянула ей конец гирлянды и ловко развязала узел. — Теперь обойди сзади... не наступи на украшения! Да, вот так.

Ава не шевелилась, пока я вешала провод, но мне пришлось воспользоваться крючком, чтобы затащить его на ветки у потолка.

— А вы чем планируете заняться с Генри?

— Это секрет, — обойдя и увидев выражение ее лица, я закатила глаза. — Не *этим*. А вы что с Ксандером будете делать?

— *Это*, — она окинула меня озорным взглядом, и я нахмурилась. — Что? Я мертва. Теперь это не имеет значения.

— Не играй с ними, Ава, — я наклонилась, чтобы взять хрустальные шарики, и проигнорировала образ Генри и Персефоны, вдруг всплывший в моей голове. Мне нужно верить, что Ава не станет так поступать с кем-то, кого она любит. — Серьезно. Это не баловство. Генри не жалуется людей с таким поведением, и тебе не стоит его сердить. Пожалуйста. Ради меня. — Я и так была на грани провала. — Вот, возьми их.

Ава взяла шарики и начала вешать их в хаотичном порядке, то собирая их в кучку, то выбирая слабые ветки, с которых они грозились слететь. Я скривилась и начала исправлять ее работу. Так длилось с несколько минут, пока Ава резко не повернулась ко мне. Я вздрогнула от неожиданности и уронила шарик. Тот приземлился на ковер, который я подложила именно для таких случаев.

— Ты считаешь меня шлюхой, не так ли?

— Что?! — я взглянула на ее розовые щеки и покрасневшие глаза. Она вот-вот заплачет. — С чего ты взяла?

— Потому что, — она снова начала вешать шарики, при этом качая елку из стороны в сторону. Когда один из них упал, девушка тяжело осела на пол. — Мне кажется, я нравлюсь Ксандеру только потому, что сплю с ним.

— Откуда такие выводы? — осторожно поинтересовалась я, присаживаясь рядом. Скорее всего, Ава права, но, возможно, это не единственная причина. Все парни, кроме

Генри, постоянно пялились ей вслед, поэтому не понимаю, чего еще она ожидала.

— Не знаю... Он никогда со мной не говорил. Он делает мне комплименты, дарит подарки, целует, но стоит мне перестать с ним спать, как у него внезапно находятся дела поважнее. Например, попытаться заставить меня ревновать, общаясь с другими девушками.

— Значит он козел, — сухо ответила я. — И тебе будет лучше без него.

Она шмыгнула.

— Думаешь?

— Определенно. А как же Тео? Он милый, правда?

Ава закатила глаза.

— И чрезмерно заботливый, он не давал мне дышать! Но да, — тихо добавила она, — он милый. Чувствительный, но милый.

— Так почему бы тебе не расстаться с Ксандером? Учитывая, что без него ты счастливей.

— Это не так, — она посмотрела на меня полными слез глазами. — Здесь одиноко, Кейт, тебе ли не знать. Ты постоянно занята, Элле я не нравлюсь, а Каллиопа не нравится мне... Кто еще у меня есть, кроме Ксандера?

Я пыталась подобрать правильные слова, но они не приходили в голову. Ава была так же одинока, как и я, и хоть мы были друг у друга, она тоже испытала много горя после своей смерти. Девушка потеряла родителей, и хоть она хорошо это скрывала, именно в такие моменты я вспоминала, что не одной мне тяжело.

— Прости, — обняла ее. — Даже если я занята, я всегда готова тебя выслушать, а ты меня. Просто будь осторожна, хорошо?

Она никак не реагировала с пару секунд, а потом положила голову мне на плечо и обняла. Ее тело содрогалось от рыданий, а вместо вздохов доносились всхлипы. Я ласково погладила ее по спине, жалея, что у меня так мало навыков поведения в таких ситуациях. Мои знакомые в Нью-Йорке никогда не плакались мне о своих бедах. Но, похоже, мои действия помогли, потому я замерла, ожидая, когда Ава выплачется.

Наконец она ослабила хватку и отодвинулась, чтобы взглянуть на меня. Увидев ее надутые губки, я поняла, что худшее позади.

— Как мы можем быть друзьями, если ты не даешь мне научить тебя плавать? — она осторожно вытерла слезы.

— Со мной этот номер не пройдет, Ава, — предупредила я. — Мне плевать, как часто ты тренировалась на своих парнях.

Ее плечи вновь ссутулились, и я вздохнула.

— Я не хочу учиться плавать... не потому, что ты мне не по душе или я не хочу проводить с тобой время — я боюсь воды. Я не могу просто окунуться в нее и научиться плавать, понимаешь?

Ее глаза округлились.

— Ты боишься воды? Правда что ли?

Да уж, она явно намеревалась сделать этот разговор максимально постыдным.

— Буквально прихожу в ужас. Когда мне было пять лет, мне показалось забавным искупаться в озере в Централ-парке. Я прыгнула и топором пошла на дно. Маме пришлось спасти меня. С тех пор я боюсь пробовать.

От упоминания о маме у меня появился комок в горле, но, к счастью, Ава ничего не заметила. Вместо этого она окинула меня расчетливым взглядом, грозившим мне бедой.

— Вот, что я тебе скажу, — выпрямилась она. — Когда на улице потеплеет, я научу тебя плавать, а ты можешь... даже не знаю. Договоримся на том, что я буду твоей должницей, лады?

— Даже не представляю, что ты можешь мне предложить, чтобы я добровольно залезла в воду, — я встала и снова взялась за украшение елки. Осталось всего пару шариков, и под ними лежала маленькая коробка в форме сердца, обернутая в тонкую розовую бумагу. К ней была прикреплена открытка с моим именем. Я нахмурилась и подняла ее.

— Это от тебя?

— Нет, — Ава рассмотрела ее. — Откуда она взялась?

— Нашла под коробкой с шариками, — я развязала ленточку, но Ава выхватила ее у меня из рук. — Эй...!

— Не трогай, — она осторожно положила ее на кровать, будто держала в руках бомбу. — Ты не знаешь, откуда она.

Я раздраженно повернулась к шарикам.

— Ава, это рождественский подарок! Никогда о них не слышала? — в голове зазвучало предупреждение Джеймса, но я лишь отмахнулась от него. Мне хватало ума не есть и не надевать вещи, взявшиеся неизвестно откуда. Кроме того, может, внутри лежала подписанная открытка!

— Твой, кстати, лежит под кроватью, если тебе интересно.

Она тут же кинулась на пол и подняла коробку из-под украшения, обернутую в голубую бумагу с ее именем. Я наблюдала, как она открывает ее и достает круглые золотые сережки, но хоть она и постаралась изобразить радость, ее взгляд неумолимо притягивал мой неожиданный подарок.

— Спасибо, — сказала она, надевая их. — Очень красивые.

— Пожалуйста, — я подошла к кровати. — Seriously, Ава, это просто подарок. Уверена, он не попытается меня укусить или...

— Стой.

В комнате прогремел голос Генри, и моя рука замерла в миллиметрах от розовой обертки. Он стоял в проходе с десятком стражей позади, у каждого было в руке по оружию. От него волнами исходила власть, и температура понизилась до такой степени, что я увидела пар от собственного дыхания. Впервые я начала понимать, почему все держались в почтительном расстоянии от него, особенно когда он злился.

Я смущенно сглотнула.

— Это подарок...

— Кейт, — сухо сказал Генри. — Отойди.

Я повиновалась, но с выраженным недовольством. Сложив руки на груди, я наблюдала, как он поднимает коробку. Ее полностью поглотил мерцающий шар, и у меня чуть не отпала челюсть от удивления.

— Как ты...?

— Нужно открыть ее. Это самый безопасный вариант.

Внезапно крышка коробки поднялась без всякой помощи. Внутри лежал набор шоколадных конфет разных цветов и форм. В воздух поднялась конфета с фиолетовой розой и сломалась на две половинки.

Вместо нуги или клубничной начинки внутри оказалась зеленая жижа, которая начала капать на розовую салфетку. Даже с моего места было слышно, как она зашипела.

— Отмените ужин, — приказал Генри страже. — Все должны разойтись по своим комнатам. Я хочу полностью обыскать поместье.

Ушла минута, прежде чем я вновь обрела дар речи и сказала охрипшим голосом:

— Ты не можешь отменить рождественский ужин.

— Могу и именно это и сделаю. Сегодняшний вечер ты проведешь в своей комнате, ясно?

Ясно? Он совсем свихнулся?

— Я останусь здесь при двух условиях, — резко ответила я. — Во-первых, после обыска ты разрешишь всем прийти на банкет. Времени должно хватить с головой.

Его губы раздраженно дернулись, но парень кивнул.

— Ладно. А во-вторых?

Я замешкала. На кону было больше, чем счастливый праздник, и если он откажет... но попытаться стоит.

— Во-вторых, ты проведешь вечер со мной. И будешь максимально наслаждаться им. А еще... перестань быть таким недовольным. Это действует мне на нервы.

Он молчал с пару секунд, а затем просто кивнул. Но мне показалось, что на мгновение я заметила легчайшую улыбку на его губах.

— Я приду после осмотра Эдема. А ты пока не открывай странные коробки.

При выходе он подозвал Аву. Виновато пожав плечами, она коснулась новых сережек и подмигнула, прежде чем последовать за ним, оставляя меня одну в спальне. Я вздохнула и рухнула на кровать, пытаясь не думать, как долго займет обыск поместья... или откуда Ава могла знать, что подарок отравлен.

* * *

Остатки дня я украшала комнату, дабы хоть как-то отвлечься от произошедшего. С выключенным светом елка выглядела просто превосходно, и мне даже удалось повесить звездочку на верхушку. Но лучше всего смотрелись гирлянды, которыми я украсила всю спальню; в их свете моя кожа переливалась различными цветами. Они даже пахли как коричное печенье — не хватало только музыки.

К тому времени, как я закончила, мне уже удалось убедить себя, что Генри не придет. На улице стемнело, и было так поздно, что мой живот начал урчать. Я сто раз спрашивала у стражи, когда же он явится, но ни один не решился мне ответить.

Смирившись, что Рождество мне придется провести в одиночку, я переоделась в пижаму и сделала себе гнездо из подушек и одеяла посреди пола. Стоило мне устроиться поудобнее, как дверь отворилась. Вошел Генри с серебряным подносом в руках, нагруженным солеными блюдами. По пятам за ним следовали Цербер и Пого. Парень молча протянул мне чашку горячего шоколада.

Я сделала глоток, заметив что-то похожее на пахлаву на тарелке. Пахло точно как у мамы, и у меня тот час потекли слюни.

— Я подумал, что ты проголодалась, учитывая, что тебе не довелось поужинать, — его тон был до боли нейтрален, будто ему приходилось прилагать усилия, чтобы говорить вежливо. Генри сомнительно посмотрел на мою грудку подушек и одеял. — Есть местечко для меня?

— Полно, — попыталась я проявить гостеприимство. — Если тебе не по душе сидеть на полу, можешь притащить стул. Разницы почти нет.

После короткой паузы он все же сел рядом, и я подвинулась, чтобы освободить ему место. Парень неловко заерзал, но, в конце концов, устроился.

— Вы с мамой делали это каждый год? Собирали подушки и смотрели на гирлянды?

— Обычно да, — я сделала глоток какао. — Последние три года она проводила Рождество в больнице, но мы всегда что-нибудь придумывали. Вы что-нибудь нашли, пока обыскивали поместье?

— Нет. Но прислугу позвали на банкет, как и было обещано.

Я кивнула, а Генри напрягся и замолчал. По крайней мере, он пришел! Я уставилась на елку, пока от огоньков не заслезилась глаза. Даже когда отвернулась, на моих веках все еще мелькали разноцветные шарики.

— Каково это, быть мертвым?

Я покраснела, осознав, что только что ляпнула, а от того, что он не ответил сразу, стало только хуже.

— Не имею представления. Но я также не знаю, каково быть живым.

Я поджала губы. Точно. Постоянно забываю об этом.

— Если хочешь, я могу рассказать тебе о смерти.

Я подняла взгляд.

— А в чем разница?

— Смерть — это процесс умирания. Мертвым ты становишься уже после наступления смерти.

— О, — я намеренно проигнорировала мысли о маминой смерти... будет ли ей больно, появится ли свет в конце туннеля, поймет ли она, что происходит? Но Генри не станет спекулировать на эту тему. — Ну, давай.

Он осторожно вытянул руку и, к моему удивлению, положил ее мне на плечи. Напряжение никуда не ушло, но и на том спасибо — он не касался меня неделями.

— Все не так плохо, как думают смертные. Очень похоже на сон, как мне говорили. Даже когда рана вызывает боль, она быстро проходит.

— Что... — сглотнула. — Что происходит после того, как они засыпают? Появляется... яркий свет?

Генри хватило тактичности не рассмеяться.

— Нет. Появляются ворота, — многозначительный взгляд. Что бы он ни пытался мне донести, я ничего не поняла. Генри сдался и сказал: — Ворота у входа в частную собственность.

— О, — я часто заморгала и задумалась. — О. Ты имеешь в виду эти...

— Иногда они очень кстати. Но большую часть времени они находятся в заповедье.

— Это что?

— Преисподняя, где души коротают вечность.

— Значит, Рай тоже существует?

Его пальцы плавно обхватили мою голую руку, и я автоматически прижалась к нему. Может, мама была права — может, он так отдалился от меня, потому что боялся, что я не переживу Рождество? Или просто пытался утешить меня. В любом случае, я жаждала его теплых прикосновений.

— Изначально существовало много разных убеждений, из-за которых царство

оставалось без определения, — сказал он серьезным тоном. — Когда появились более существенные религии, с ними сформировался и Тартар, и Елисейские поля, и другие. С тех пор религии расширялись... — он замолчал, осторожно подбирая слова. — Загробная жизнь зависит от пожеланий или верований души.

В моем разуме пронеслось бесконечное число возможностей, от которых кружилась голова.

— Разве это не усложняет дело?

— Еще как, — на сей раз он улыбнулся. — Поэтому я и не могу править в одиночку. Джеймс служил мне временным помощником.

Мое настроение мгновенно ухудшилось.

— Если ты не можешь править один, то почему он сможет, если ты исчезнешь?

Генри заерзал, и на мгновение я испугалась, что он уйдет. Положила руку поверх его, и он замер.

— Не знаю. Если до этого дойдет, данная проблема перестанет быть моей заботой. Учитывая, как он вел себя по отношению к тебе, я подозреваю, что он планирует предложить тебе ту же должность, но окончательное решение принимает совет. Если ты не пройдешь испытания для меня, то тебе не станут давать второй шанс с ним.

Мне никогда не приходила в голову возможность, что я настолько нравлюсь Джеймсу, что он захочет провести со мной вечность. Я вздохнула, пытаюсь не ерзать. Сомневаюсь, что Генри прав — мы с Джеймсом просто друзья, если теперь нас можно так назвать. Он это знал. Они оба знали.

— Что я буду делать? В смысле, если пройду их... каков план?

— Это тяжелая работа, — ответил парень, и я увидела отражение гирлянд в его глазах. — По большей части мы наводим порядок или помогаем не определившейся душе прийти к пониманию. Нам запрещено вмешиваться, если душа не считает, что ее должны судить.

— А что происходит с ними? — я пыталась вспомнить, кем была моя мама. Методисткой? Лютеранкой? Пресвитерианкой? Это вообще важно?

— Это полностью зависит от их убеждений. Если они верят, что будут жить в человеческой форме, то так и происходит. Если верят, что превратятся в яркий светящийся шар, так тому и быть.

— А что, если то, во что они верят, и то, чего хотят — две разные вещи?

— Тогда в дело вступаем мы.

Я замолчала. Перспектива провести остаток вечности за правлением мертвыми казалась невероятной, как что-то далекое и неосязаемое. Не уверена, что хочу этим заниматься. Я стремилась не к данной позиции и даже не к бессмертию. Познакомившись с Генри, я уже боялась представить, какой одинокой может быть вечность, и не жаждала это испытать на своей шкуре.

— А если я не справлюсь с работой? Вдруг я окажусь ужасной неудачницей, и тебе придется искать кого-то другого?

Он долго не отвечал.

— Для этого и существуют испытания. Свою часть я выполнил, выбрав тебя — я верю, что ты справишься. Братья и сестры тестируют тебя, потому что с таким заданием приходит и большая ответственность, здесь нет места для ошибки. Если ты не сможешь этим заниматься, то не будешь. Все просто.

В этом не было ничего простого, но я не могла сосредоточиться на том, что произойдет после, пока передо мной стояла задача хотя бы дожить до весны. Даже если я пройду все испытания, все это потеряет смысл, если я не понравлюсь совету. Голос Джеймса уже был против меня. Если их решение должно быть единогласным, то моя песенка спета.

— Генри? — тихо отозвалась я. Он смотрел на елку. — Ты же понимаешь, что я хочу справиться, верно?

— Догадываюсь, раз ты все еще здесь.

Я проигнорировала сарказм и сжала его теплую руку.

— Не только из-за мамы. Из-за тебя тоже. Я знаю, что ты очень давно пытаешься найти себе партнера, и я просто очередная глупая девчонка, желающая помочь, и ты думаешь, что я с треском провалюсь, но... ты мне нравишься, и я сделаю это ради тебя. Не хочу, чтобы ты исчез.

Хоть он и не смотрел на меня, я все равно видела, как его губы изогнулись в безрадостной ухмылке.

— Ты определенно не просто очередная глупая девчонка. Я не хочу вмешиваться или еще больше затруднять тебе жизнь, но не думай, что мне плевать, что с тобой случится, Кейт. Занять место Персефоны вряд ли возможно, и если это действительно так — не воспринимай это личным провалом. Но если кто и способен на это, то только ты.

— Пожалуйста, не сдавайся. Я никогда не буду ей, знаю, но... мы могли бы стать друзьями. Ты бы перестал быть один.

Генри отвернулся, полностью скрывая свое лицо из моего вида. Когда он заговорил, его голос был очень напряжен, словно он сдерживался изо всех сил:

— Мне бы это очень понравилось.

Я испустила сдерживаемый вдох и вытащила руку из его хватки. Он не повернулся ко мне, но убрал руку к себе на колено.

— Можно мне теперь вручить свой подарок? — спросила я. — Клянусь, он не отравлен.

Моя безвкусная шутка была награждена сухой улыбкой. Я вылезла из-под одеяла, нырнула под кровать и достала большую коробку в золотой обертке. Когда принесла ее, то с удивлением обнаружила подарок на месте, где я сидела минуту назад.

— Твой подарок. Тоже не отравлен.

— Спасибо, — я села и вручила ему коробку, но он отставил ее и стал наблюдать, как я раскрываю свою. Я сорвала серебряную обертку, под которой обнаружился обычный коробок. Щурясь в тусклом свете, я сняла крышку и убрала салфетки, под которыми лежала черно-белая фотография в рамке.

Я боялась шевельнуться. Это был мой любимый портрет нас с мамой, на котором мне было семь лет. Мы сидели в Централ-парке на мой день рождения, в том же месте, где встречались в каждом из снов. Мы разложили подстилку и устроили пикник, но все испортила собака, вырвавшаяся из рук хозяина. Уцелели лишь кексы, которые я помогала готовить.

На картинке мы сидели посреди беспорядка, некогда бывшего нашим обедом, и держали в руках по кексу. «Шоколадный, с фиолетовой глазурью», — вспомнила я, расплываясь в улыбке. Она обнимала меня, и мы обе смеялись, не глядя в камеру. Хозяин собаки сделал множество фотографий, пытаясь заглядеть свою вину за испорченный пикник, и, в итоге, именно эта заняла место на моей прикроватной тумбочке.

Но, присмотревшись, я поняла, что это не она. В ней тоже присутствовал объем, как на

картинке в спальне Персефоны. Отражение, как назвал ее Генри, но в отличие от той из комнаты, эта не была надеждой или желанием. Она отражала реальность.

Я вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Генри, я не...

Он поднял руку, заставив меня замолчать.

— Подожди, пока я открою твой.

Я послушалась. Перед глазами все размывалось, пока он снимал обертку. У меня ушло четыре попытки, прежде чем я смогла правильно завернуть коробку. Подняв крышку, Генри спросил:

— Что это? — он недоуменно рассматривал тщательно украшенное мной одеяло. Я полностью отказалась от чужой помощи, хоть и знала, что так бы у меня ушли на это дни, а не недели.

— Это ночное небо, — я прижала картинку к груди. — Видишь точки? Это звезды. Я запомнила, что ты говорил об их движении. Они были другими, когда ты познакомился с Персефой... здесь они такие же, как сейчас. Когда ты встретил меня.

Генри изучил созвездия, вышитые потом и кровью, и нежно провел пальцами по одному из них: Дева. Вирго. Кора.

— Спасибо, — он посмотрел на меня глазами, отражающими лунное сияние, и что-то изменилось. Вставший между нами барьер вдруг исчез, и на секунду Генри показался мне другим человеком. — За все. Я никогда не получал столь замечательного подарка.

Я подняла брови.

— Сомневаюсь.

— А зря, — он продолжал водить рукой по ткани. — Прошло очень много времени с тех пор, как я получал столь замечательный подарок, как ты.

Не в силах отвернуться, я уставилась на него, разглядывая каждую деталь его лица. Без этого барьера я почти могла увидеть, каким человеком он был внутри — кем-то добрым, одиноким и напуганным, кем-то, кто очень хотел быть любимым.

— Можно мне кое-что попробовать? — спросила я. — Если тебе не понравится, я остановлюсь.

Парень кивнул, и я сделала глубокий вдох, пытаюсь уgomонить бабочек в животе. Набравшись храбрости, я наклонилась и скромно прижалась к его губам. Мне доводилось целовать всего пару мальчиков, и само действие казалось мне необычным, но не неловким. Даже приятным. Очень.

Генри, казалось, удивился, но не сопротивлялся. Прошло несколько мучительных секунд, но, в конце концов, он расслабился и ответил на поцелуй, кладя ладонь мне на шею. Жар от его кожи был практически невыносим.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я заставила себя отодвинуться. Я переводила дыхание и насторожено наблюдала за Генри, боясь, что он может сбежать. Он сидел неподвижно, без всякого выражения. В итоге я не выдержала.

— Это... — замешкалась и слабо улыбнулась. — Мне это очень понравилось. Очень.

Казалось, прошла вечность, но он все же ответил мне улыбкой.

— Как и мне.

Я нервно протянула руку и переплелась с ним пальцами, глядя на наши ладони вместо его лица. Моя казалась такой маленькой, что терялась под его.

— Генри? Не пойми превратно...

Я почувствовала, как он напрягся, и тут же пожалела о сказанном, хоть и попыталась замять ситуацию игривым взглядом.

— Дай мне закончить. Не пойми превратно, но, сегодня Рождество и все такое... можешь провести со мной ночь?

Его глаза округлились, и я быстро покачала головой, покрываясь румянцем от смущения.

— Не в *том* смысле! Это еще надо заслужить, и не просто фотографией, знаешь ли, — моя слабая попытка пошутить все-таки смогла облегчить ситуацию и вызвать у Генри улыбку. — Но, ты не мог бы... просто остаться?

Прошло пару секунд, и я мысленно отругала себя за столь прямой вопрос — будто я какой-то подросток с бушующими гормонами, которому нужно только *это*. Но мне совсем *это* не нужно! Я жаждала лишь его компании. Он делал меня счастливой, особенно сегодня, и мне не хотелось оставаться одной. И уж тем более, чтобы он оставался один.

— Да, — ответил Генри. — Я останусь.

* * *

Ничего не было.

Остаток вечера мы болтали и смотрели на елочные гирлянды. Когда пришло время сна, я свернулась рядом с Генри и бесстыдно воспользовалась его грудью как подушкой — все!

Больше мы не целовались — я слишком боялась все испортить. Он не заслуживал, чтобы на него давили, и хоть следующий шаг предоставлял предо мной новые открытия, пока что я вполне готова довольствоваться его компанией. Мы оба заслуживали счастливое Рождество, а не сборник неловких моментов.

Мы с мамой бродили по Централ-парку, окунаясь в летний городской туман. Она с довольным лицом выслушала мой рассказ о произошедшем между мной и Генри и обняла меня при упоминании поцелуя.

— Вот это моя девочка! — давно я не видела ее такой счастливой.

Свое последнее Рождество мы провели за поеданием мороженого и прогулками по саду, нежась в лучах жаркого солнца. Мама указывала на виды диких цветов и постоянно приобнимала меня за плечи. Когда я почувствовала, что просыпаюсь, то пожелала ей счастливого Рождества в последний раз.

Тем не менее, мой покой долго не продлился. Проснувшись, первым делом я услышала стук в дверь. Затем присела и попыталась пригладить торчащие во все стороны волосы, а Генри пошел открывать.

В этот момент я его ненавидела. Такой безупречный, ни один волосок не выбился! И эта походка от бедра... А вот я лично готова была заплатить, чтобы проспять на полу остаток дня.

— Да? — отозвался он. К моему удивлению, в комнату ворвались Элла и Каллиопа. Первая плакала с покрасневшим, как у рака, лицом, а вторая была как никогда подавлена, с сутулыми плечами и грустным выражением.

— Я хочу, чтобы она убралась отсюда! — яростно прокричала Элла, переводя взгляд с Генри на меня.

— Это просьба, — начал он, возвращаясь к гнезду из подушек и одеяла, — или

требование?

— Она обидела его! — ответила девушка, сосредоточившись на парне. — Она разбила ему сердце, и когда он попытался найти ее, то...

— Подожди, кто? — я еле встала на ноги. — Что происходит?

Элла разразилась рыданиями. Генри стал рядом со мной и выжидающе посмотрел на Каллиопу. Она уставилась в пол, отказываясь встречаться с ним взглядом.

— Ава... Она провела ночь с Ксандером, и утром их нашел Тео. Мальчики подрались и...

Генри напрягся, а у меня кровь заледенела в жилах.

— И?

— Ксандер отошел в заповедье.

Ава забилась в угол комнаты. На ее теле не было ни единой царапины, зато на постели остались кровавые останки Ксандера. В воздухе так сильно смердело гнилью, что я зажала нос пальцами, но Генри ничего не замечал и молча изучал труп.

Элла и Каллиопа не пошли с нами, предпочтя остаться в дальнем крыле вместе с Тео. Он был ранен, но не фатально, если верить словам последней. Его осмотрят позже.

Судя по всему, для жильцов Эдема отойти в заповедье было равносильно смерти в реальном мире. Для них это такой же конец, как для простых смертных — потеря близких. Ксандер затерялся в Преисподней, и единственный, кто может его отыскать, это Генри. Я боролась с мыслью, что это не было настоящей кончиной. Мне страшно, что я могу снова потерять Аву, при том вместе со всеми, с кем мне довелось сдружиться с сентября, и на сей раз они уже не вернуться. Данная смерть была финальным этапом для жителей Эдема; Ксандера уже не спасти. Несмотря на грустное настроение, царящее в поместье после смерти парня, меня немного утешало, что это место все еще принадлежало к миру, который я понимала. Нож в спину вызовет обильное кровотечение, а оно непременно приведет к смерти — все так же, как у людей.

— Ава? — позвала я. Она походила на запуганное животное, готовое сорваться с места при любом шорохе.

— Я не хотела, — прошептала девушка со слезами на глазах. Под ними виднелись мазки крови — должно быть, она вытирала щеки грязными пальцами. — Я... я думала, что он больше не хочет меня видеть, а Ксандер был рядом, и я...

— Все хорошо, — соврала я. Меня тошнило, и я едва сдержала позыв при виде резни. Пришлось отвернуться и сосредоточиться на подруге. — Давай-ка тебя помоем.

Я помогла ей дойти до ванной, пока Генри продолжал осмотр. Убедившись, что Ава не потеряет сознание, я нашла ей халат и занялась оттиранием крови с кожи и волос. Мы обе молчали. Я не хотела вдаваться в детали, а она была слишком напугана, чтобы говорить. Когда Ава высохла, я снова сунулась в спальню, отводя взгляд от ужасающей картины на кровати.

— Что мне с ней делать?

Генри не двинулся с места с того момента, как я ушла.

— Стражи проводят ее в другую комнату, где она будет ждать нашего решения о ее дальнейшей судьбе.

Я побледнела.

— Это... это очередное испытание?

Он тут же оказался рядом со мной, двигаясь быстрее, чем мог обычный человек.

— Нет. Ксандер умер. Пойдем... Об Аве позаботятся.

Генри повел меня к двери, прикрывая собой тело умершего. При нашем уходе в спальню зашла женщина в униформе, но я едва обратила на нее внимание.

— Куда мы? — выйдя в коридор, я наконец вдохнула свежий воздух.

— Повидаться с Тео, — он завел меня за угол, и я поплелась без всяких возражений. Живот скрутило при мысли, в каком состоянии может быть Тео, но я отказывалась долго думать об этом. Насколько нам известно, он в порядке.

Как только мы зашли в его покои, стало ясно, что это неправда. Элла стояла рядом с братом, у нее было печальное лицо и дрожали руки. При нашем появлении она окинула меня злобным взглядом, и я замерла в проходе.

— Как он? — спросил Генри, встав у кровати Тео. Тот был без сознания.

— Меня беспокоит его рана в груди, все остальное — не смертельно. Правда, он потерял много крови, — ответила Элла охрипшим голосом.

— Он скоро проснется? — в голосе же Генри не слышалось ни беспокойства, ни сострадания. Его равнодушие пугало меня больше всего случившегося за сегодняшнее утро.

Элла покачала головой.

— Не знаю.

— Если я разбужу его, он сможет справиться с болью?

Мы обе уставились на него. Я искала в нем хоть намек на того Генри, которого я целовала вчера, но он исчез без следа. Часть меня почувствовала облегчение — мне не хотелось влюбляться в этого хладнокровного человека. Но другая часть гадала, какой же он настоящий.

— Д-да, — запнулась Элла, отводя взгляд. — Справится.

Даже я слышала сомнение в ее тоне, но, судя по всему, Генри это не волновало — он получил свой ответ. Парень отпустил мою руку и шагнул к кровати.

Минутой позже, без всякого предлога или намека на изменение, Тео застонал. Его глаза так опухли, что он едва мог их приоткрыть. Парень закашлялся, и в его груди что-то загремело. Я невольно скривилась.

— Что произошло? — сурово поинтересовался Генри.

Тео попытался ответить, пару раз открыв и закрыв рот.

— Ава?

— Ее нет, — сказала Элла удивительно нежным тоном. — Тебе больше никогда не придется ее видеть.

Тео этим несколько не утешился. Его глаза округлились, и он попытался присесть.

— Нет, — ахнул парень с искаженным от боли лицом. — Я не... Я не хотел...

— Она все еще здесь, — сказал Генри, и Элла повернулась к нему с затравленным видом. — А вот Ксандер — нет.

Тео снова рухнул на кровать и закрыл глаза.

— Он напал на меня. Я пришел поздравить Аву с Рождеством и обнаружил их вместе. Ксандер... должно быть, он забыл правила. Думал, что я стану с ним драться. Он достал меч и замахнулся на меня, а я... мне пришлось защищаться.

Он хрипел. Зачем Генри мучил его, хотя мог спокойно отложить допрос до лучших времен? Более того, почему он не мог исцелить парня, как меня? Почему-то я сомневалась, что его способности ограничивались лечением одних лодыжек.

— Успокойся, — Генри кивнул Элле, и та поднесла чашку к губам Тео. Он сделал глоток, но большая часть воды пролилась на грудь. Элла тщательно промокнула ее полотенцем, словно ей это было не в новинку, но ее брови угрюмо сдвинулись к переносице. Несмотря на то малое количество, которое парню удалось выпить, лекарство сработало. Парой секунду позже Тео снова расслабился.

— Значит, такая твоя версия? У тебя не было дурных намерений к Ксандеру, и это он агрессор? А ты просто защищал себя?

— И Аву, — глаза Тео затрепетали и закрылись. — Я думал, что он навредит ей.

Генри подождал, пока страж снова уснет. Как только его дыхание выровнялось, парень подошел ко мне и положил руку на поясницу, выводя из комнаты.

— Он говорит правду? — спросила я.

Генри посмотрел на меня с лицом, лишенным всякого выражения, и без намека на человечность во взгляде.

— А ты как думаешь?

Я сглотнула, внезапно почувствовав, будто нырнула щучкой в середину глубокого озера и не могу найти поверхность.

— Думаю, мне нужно поговорить с Авой.

* * *

Генри позволил мне зайти в комнату в одиночку, но остался с двумя стражами за дверью, через которую было отлично слышно весь разговор. Плевать — главное выведать у Авы правду, а не обеспечить ей уединенную обстановку. Если Тео был честен, то она не сделала ничего плохого. Не так ли? Но Ксандер мертв, и это нельзя игнорировать.

Девушка лежала посередине огромной кровати, ее колени были прижаты к груди. Я осторожно присела на край матраса и коснулась руки подруги.

— Ты в порядке? — ответ был очевиден, но ничего более подходящего я придумать не смогла.

— Нет, — выдавила она. — Ксандер мертв.

— Он уже был мертв, — тихо произнесла я. — Теперь он просто перешел на новый уровень существования, вот и все.

Ава молчала. Я провела пальцами по ее пшеничным волосам, еще влажным после душа.

— Они тебе не навредили? Может, вызвать врача?

— Нет, — пробормотала она. — Я в норме.

Ясно, что это не так, но боль от потери Ксандера не отрицала возможности, что Ава была к этому причастна.

— Что произошло?

Она замешкала на секунду, и я уж засомневалась, последует ли за этим ответ. Но тут девушка заговорила, да так тихо, что пришлось напрягаться, чтобы что-либо расслышать, хотя в комнате царила полнейшая тишина.

— Не знаю. Я просто... проснулась и обнаружила Тео. Он смотрел на меня и Ксандера, будто... не знаю.

Я закусила губу.

— Кто напал первым? Тео на Ксандера или Ксандер на Тео?

— Не знаю! Я проснулась, увидела меч, закричала и убежала в угол. Я не смотрела. Просто... — она перекатилась на спину и уставилась на меня покрасневшими глазами, полными слез. — Там было много крови, я кричала, они ругались... Я не знаю, что произошло, ясно?!

Я кивнула. Мои кулаки были сжаты, а ногти больно впивались в кожу.

— Что-нибудь еще? Может, ты что-то видела или слышала...

— Нет, — она откатилась от меня. — Да и это все неважно, не так ли?

Я не была уверена, что в этот момент произошло, но что-то внутри меня лопнуло. Я

потратила месяца — года, пытаясь спасти близких мне людей от смерти, а Ава не могла проявить сострадание к кому-то, кого она якобы любила, и никак не помогала разобраться в случившемся.

Я резко встала, и комната внезапно показалась гораздо меньше, чем раньше.

— Разве ты не понимаешь?! Ксандер мертв. По-настоящему *мертв* и никогда уже не вернется. Сейчас все указывает на то, что Тео убил его, поскольку увидела вас в кровати вместе.

Это привлекло ее внимание. Повернувшись, девушка уставилась на меня с открытым ртом.

— Вот как обстоит ситуация, — яростно продолжала я. — Либо Тео невиновен и Ксандер напал на него, либо Тео виновен и Ксандер защищался. Тебе вообще есть до этого дело, или ты просто расстроена, что потеряла свою игрушку?

Закипев от гнева, я начала измерять шагами комнату. Не помню, чтобы когда-нибудь в жизни так злилась.

— Я понимаю, ты мертва, твоя жизнь окончена, и ты веселишься, пока можешь. Но в этом больше нет ничего веселого, по крайней мере, для всех, кроме тебя... ты играешь парнями, будто они здесь только для того, чтобы развлекать тебя. Ты ведешь себя так, будто все остальные не имеют значения, если они не могут исполнить твои желания. И теперь Ксандер мертв из-за тебя!

— Ты винишь меня?! Но я его не убивала...

— Ты не резала его на кусочки, но это случилось из-за тебя, — я остановилась перед кроватью, проводя рукой по волосам. — Элла хочет, чтобы ты исчезла. Если ты собираешься тратить время на секс с каждым парнем в поместье и вести себя так, будто мир крутится вокруг тебя, то я с ней солидарна. Ты бесполезна. Единственное, что ты сделала, это поругалась с Эллой и убила Ксандера.

Я тут же пожалела о своих словах, но их уже не вернуть. Хоть и преувеличенная, но это все же правда. Посмотрев на Аву, я увидела напуганную девочку, мою подругу, а не мерзкую, эгоистичную шлюху, какой я ее только что описала. У меня скрутило живот от чувства вины, нахлынувшего столь быстро, что стало трудно дышать.

— Генри позволил тебе остаться, потому что мы друзья, — выдавила я спокойным тоном, в котором все равно слышались обвинительные нотки. — И мы действительно друзья, Ава, по крайней мере, я так думала. Но он пошел на риск, а все, что ты сделала, это довела до смерти одного из его людей, а второго — до убийства. Ты хоть понимаешь, как ужасно я себя чувствую?

Нижняя губа Авы задрожала.

— Ты просто завидуешь, — прошептала она. — Ты застряла с Генри на всю свою жизнь, пока я могу быть с кем захочу. Признайся — единственная причина, по которой ты так себя ведешь, это потому что у меня есть выбор, а у тебя — нет.

Я злобно посмотрела на нее, пытаясь игнорировать эхо ее слов у себя в голове. Разве не о том же я думала пару месяцев назад? Но я не собиралась признавать ее правоту. То, что она говорит — неправда. Все изменилось.

— Не пытайся повернуть стрелки. У меня был выбор, и я его сделала. Что более важно, я довольна своим решением и делаю все возможное, чтобы оправдать его. Я не завидую тебе, Ава. Мне стыдно за тебя.

Боль в ее глазах ранила мне душу, но я заставила себя продолжить. Она должна понять,

что существуют определенные рамки, и пока она не перестанет наносить вред другим, я не стану держаться в стороне и молча наблюдать за ней.

— Оставайся в Эдеме сколько захочешь, но не смей приближаться ко мне, Элле, Тео и любому другому мужчине в поместье, ясно? Оставь их в покое. Оставь *меня* в покое. Дел и без того по горло, у меня нет времени следить, как бы ты никого не довела до смерти.

Я бы сломалась, взгляни она на меня в тот момент, потому я поспешила ретироваться. Генри молча последовал за мной в спальню. Хотелось хлопнуть дверью напоследок, но он помешал. Пого и Цербер свернулись вместе на полу, и их чудом не задело подушкой, которую я метнула наугад.

— Что теперь? — повернулась к Генри. — Будем сидеть и обсуждать случившееся? Мы — судьи? Жюри? Что будет дальше?

— Ничего, — ответил он, почесав Цербера за ухом. — Ты уже приняла решение.

Пауза.

— Что?

— Аве запрещено иметь романтические отношения с мужчинами, а также приближаться к тебе и к Элле, — Генри устало опустился на кровать. — Что касается Тео, я не могу просить тебя рассудить данную ситуацию. Пока слишком рано.

— Почему? — в горле пересохло, когда я внезапно поняла, что больше не увижу Аву. После всего, через что нам довелось пройти с сентября, я чувствовала, будто предала ее. Но разве она не предала саму себя? Я знала, что Ава не была напрямую виновна — она не могла предвидеть произошедшее. Но это не отменяет ее беспечности, а я просто стояла в стороне и позволяла ей делать, что вздумается. Это и моя вина. Как бы там ни было, конечный результат уже не изменить — Ксандер мертв.

— Потому что ты не можешь видеть ложь насквозь, — он подошел к моему шкафу и начал копаться в вещах, будто мы тут о погоде беседовали или о чем-то столь же житейском.

Я подняла брови.

— А ты можешь?

Парень меня проигнорировал.

— К тому же, у тебя не хватит сил, чтобы спуститься в Подземный мир и допросить Ксандера. К счастью, это и не нужно. Я уже знаю, что произошло.

Я прижала Пого к груди, находя утешение в этом теплом комочке шерсти. Мне не хотелось задавать вопросов, из страха узнать, что Тео тоже виновен, и я промолчала. Генри не мог копаться в моем шкафу вечно — рано или поздно он все расскажет, и неважно, хочу я этого или нет.

Прошла минута, наконец он выложил чистую пару джинсов и белый свитер на кровать.

— Тео говорит правду и посему не будет наказан. Твой приговор Аве вполне подходит, так что я не стану вмешиваться. Только проинструктирую остальных, чтобы проследили, что она следует твоим указаниям. На этом все.

Я кивнула. Опустив Пого на пол, я взяла одежду и пошла переодеваться за ширмой в углу. Больше говорить не о чем, и груз приговора упал на мои плечи. Правильно ли я поступила? Или виной всему вспышка ярости? Как Ава, такая одинокая в этом поместье, выживет без меня и Тео?

— Значит, увидимся за завтраком, — сказал Генри, хоть от мысли о еде меня тошнило.

Я услышала, как открылась дверь, и затем последовала тишина. Отвлечшись на то, как я поступила с единственной настоящей подругой в Эдеме, я застегнула джинсы и вышла из-за

ширмы. В ту же секунду обнаружилось, что Генри все еще в комнате. Его плечи поникли от невидимого груза. Он засунул руки в карманы, выглядя точно так же, как в комнате Персефоны, и во мне загорелась искра страха. К счастью, его глаза не затухли, как много недель назад — парень устал, но не сдался.

— То, что ты сделала сегодня, было нелегко, но необходимо. Даже представить не могу, как сложно тебе было, особенно если учесть, что вы с Авой подруги.

— Были подругами, — прошептала я, но Генри вряд ли услышал.

— Не вини себя. Она в ответе за свои действия — не ты. Я не жалею, что позвал ее сюда, зная, что до этого момента она составляла тебе приятную компанию. Твоя безопасность и счастье — самое главное для меня.

Я кивнула, и он ушел. Оглянувшись на подаренное им отражение, стоявшее на прикроватной тумбочке, я почувствовала себя еще более виноватой. Каким бы ни был проступок Авы, я не смогла ее уберечь. Как же мне защитить Генри?

Даже если это не было испытанием, впереди меня ждали еще парочка. Одно неправильное слово, мысль, поступок — и все кончено. Жизнь Генри была не менее хрупка, чем жизнь Ксандера или мамы. Я начинала ломаться под тяжестью борьбы за него в одиночку. Генри стоял на обочине, потому что я его туда затащила, заставляя обращать на себя внимание, но я не могу вызвать в нем жажду к жизни. Я единственная, кто борется за него, и меня начинают одолевать сомнения, что я справлюсь с этой задачей.

ГЛАВА 15

ОТРАВА

Побочным эффектом изгнания Авы стал огромный бугай-страж, который следовал за мной по пятам — на случай, если девушка попытается отомстить за свое наказание. Ростом два метра, он оказался тем самым блондином, которого я видела на балу в сентябре. Парень хромал, но это никак не отражалось на скорости его шага, а я слишком боялась спросить, что с ним стряслось. Страж оказался неразговорчивым, но Каллиопа представила его Николасом, и он был довольно мил для человека, который мог с легкостью убить меня мизинцем.

Одиночество мне только снилось. Когда Николаса не было рядом, его сменял Генри, а на время ночи к моей спальне приставляли стражей. Они были лишь для видимости; после Рождества Генри оставался со мной каждый вечер и вел себя совершенно противоположно тому, как было раньше. Словно я пробила какой-то невидимый барьер, и теперь, вместо того чтобы избегать меня и надеяться, что я выживу, он решительно настроился выполнить эту работу за меня.

Вечерами ничего из ряда вон выходящего не происходило: лишь редкие поцелуи или поглаживания по голове — на большее он не осмеливался. Я была благодарна за его компанию, и чем лучше узнавала его человеческую сторону, тем больше надеялась, что меня будет достаточно, дабы убедить его остаться в этом мире.

Это не игра. Я отвечала на его поцелуи не из жалости и не для того, чтобы создать иллюзию, что он мне безразличен. С каждым днем я влюблялась в него все больше и больше, хоть в глубине души знала, что это — плохая идея. Нет никакой гарантии, что я пройду испытания; ничего, что дало бы мне повод думать, что эти отношения продолжатся после зимы. Но если мне удастся каким-то чудом преуспеть, Генри понадобится повод остаться... и этим поводом стану я. Впервые в жизни я откинула все сомнения и страхи, и позволила себе раскрепоститься. Дни стали настоящей обузой — время, которое приходилось проживать, чтобы дождаться вечера. Всякий раз, как я его видела — неважно, сколько он отсутствовал, — мое сердце билось быстрее. Пережив Рождество, я обрела надежду, а вместе с ней появились и возможности.

Проснувшись раньше Генри, я наблюдала, как он спит в лучах утреннего солнца, пробивавшегося сквозь занавески. Пыталась представить, как буду просыпаться рядом с ним остаток вечности. Странно думать, что если невозможное произойдет, и я пройду все испытания, при этом оставшись в живых, он станет моим будущим. Целым будущим, без угрозы смерти, поджидающей за углом. Моим мужем.

Слово казалось незнакомым и звучало странно — уверена, мне никогда не привыкнуть к этой мысли. Но как бы я ей ни противилась — я слишком молода, слишком одинока и ни в коем случае не готова к семейной жизни, — я начала понимать, что все не так страшно. Мы оба сломлены, и жизнь с ним не будет таким адом, каким я ее себе представляла. Может, со временем нам удастся помочь друг другу. Я могла дать ему то, в чем он нуждался — в друге, жене, королеве, — а в отместку он станет моей семьей.

Дней до наступления весны оставалось все меньше, и мои сны о маме становились более торжественными. Каждое мгновение считалось драгоценным, но в основном я не знала, что ей сказать. Мы шагали по парку, держась за руки, и болтали обо всем и ни о чем.

При каждой встрече она говорила, что гордится мной, что любит меня, и что очень хочет, чтобы я жила счастливо. Чтобы я не нуждалась в ней, как Генри во мне. Но в ответ я только коротко кивала и сжимала ее руку. Невысказанные слова собирались кучкой в горле и превращались в комок, который я никогда уже не проглочу. Шли дни, мои шансы сказать ей все как на духу сокращались, и я знала, что, в конце концов, придется выдавить из себя правду. Но не сейчас. Пока в поместье существовала надежда на завтрашний день, я могла притворяться, что она не умрет.

Чем больше я гуляла с Генри, тем сильнее отдалялась от реального мира. Хотя мне и казалось, что я уже никогда в него не вернусь, что эти полгода каким-то образом растянутся в вечность, я понимала — это не так. Всему есть конец, и мы быстро к нему приближались.

Несмотря на компанию Генри и постоянное сопровождение стражей, я чувствовала себя одинокой. Элла проводила все свое время с Тео, а Каллиопа приходила ко мне, только когда Генри не было рядом, и даже она казалась подавленной после рождественского инцидента. Джеймс превратился в моего врага, но это не мешало мне вспоминать о нем. Не могла наша дружба быть лишь притворством. Я скучала по тем временам, когда могла тосковать по нему без зазрения совести. Уже убедилась, что это не он пытался меня убить, и тот факт, что он был на моей стороне — даже притом, что я была против него — утешал меня.

Больше всего я скучала по Аве. Каждый раз, когда я натыкалась на что-то, что собиралась показать ей, или хотела чем-то поделиться, у меня уходило пару секунд, чтобы вспомнить, что мы больше никогда не увидимся. По крайней мере, не в качестве подруг. Периодически я видела, как она покидает комнату перед моим приходом, или убегает из коридора, когда я поворачиваю за угол — но это длилось лишь долю секунды.

Генри не заставлял меня говорить о боли и чувстве вины, которые преследовали меня после приговора, даже когда они мешали спать по ночам. Он позволил мне бороться с ними в одиночку, но я не знала, обижаться или благодарить его за это. Понимание, что Аве сейчас ничуть не легче, лишь ухудшало ситуацию. Может, она не была лучшей подругой на свете, и иногда становилась слишком эгоистичной, но и я не идеальна. С каждым днем я все больше жалела о своем решении. Ава тоже может совершать ошибки — как и все мы. Какое я имела права наказывать ее, когда единственное, что она пыталась сделать, это облегчить свое одиночество?

Пытаясь убить время, я все чаще заходила в конюшню к Филиппу. Там было тихо, и он не пытался меня разговорить. Казалось, мужчина понимал, через что мне доводится проходить, и разрешал играть с лошадьми столько, сколько пожелаю. Щедрое предложение, учитывая, как сильно он о них заботился, но этого было недостаточно, чтобы забыть, что я потеряла.

Одним днем в конце января Генри нашел меня в саду. Я сидела в плаще рядом с покрытым снегом кустом роз. Практически не помнила, как там оказалась; не то чтобы мне не все равно. Стоило Ирен назвать мне сегодняшнюю дату, как все стало расплывчатым, и именно голос Генри вывел меня из транса.

— Кейт? — на нем было увесистое черное пальто. Парень стоял в паре шагов от меня, сильно выделяясь на фоне белого снега. Я не поднимала взгляд.

— Сегодня мамин день рождения.

Он замер. Часть меня хотела, чтобы он оставался на расстоянии, а другая, куда более настойчивая, жаждала, чтобы он понял, как отчаянно я нуждаюсь в объятиях.

— Ей всегда не нравилось, что она родилась в январе, — продолжала я ничего не

выражающим голосом, глядя на безжизненноерастение перед собой. — Говорила, что не хочет праздновать, когда вокруг нет цветов и все деревья мертвы.

— Спят, — возразил Генри. — Деревья всего лишь спят. Они вернуться, когда настанет их время.

— А мама — нет, — я тяжело осела на снег, не заботясь о том, что джинсы намокнут. — С тех пор, как ей поставили диагноз, мы праздновали каждый день рождения. На этот раз он будет действительно последним.

— Мне жаль, — парень присел рядом и приобнял меня рукой. Тепло его тела согревало мои окоченевшие конечности. — Я могу чем-то помочь?

Я покачала головой.

— Не знаю, что буду без нее делать.

Генри долго молчал, а когда заговорил, его голос показался задумчивым:

— Можно я кое-что тебе покажу?

— Что же?

— Закрой глаза.

Будучи уверенной в том, что произойдет, я повиновалась, ожидая изменений в климате. Смены холода улицы на тепло дома. Вместо этого я почувствовала лучи солнца на лице и теплый ветерок. Мы все еще находились снаружи.

Открыв глаза, я думала, что увижу все тот же сад. Оглядевшись, мне пришлось схватиться за Генри, дабы не упасть на колени. Мы стояли посреди Централ-парка в летний день, точно как в моих снах. Только на сей раз парк оказался пустой. Мамы нигде не было.

— Генри? — позвала я с сомнением в голосе. Поблизости шумело озеро, издали доносились нотки знакомой песни, но мы были одни. — Что мы делаем в Нью-Йорке?

— Мы не в Нью-Йорке, — все так же задумчиво ответил он. Я подошла ближе к нему, одновременно боясь и восхищаясь этим местом. — Это твоя жизнь после смерти.

Я уставилась на него. Ушло пару секунд, прежде чем мой мозг обработал его слова.

— Ты хочешь сказать, это... мы...

— Это твой угол Подземного мира, — он поднял бровь, увидев мое выражение. — Не волнуйся, это временно. Я хотел, чтобы ты его увидела.

Я оглядывалась с бешеными глазами, надеясь, что сейчас здесь появится мама, но этого не случилось.

— Зачем?

— Я хотел, чтобы ты его увидела и поняла... — Генри замолчал, но ему и не нужно было продолжать, чтобы до меня дошел смысл. Он хотел показать, куда я попаду после смерти. Желудок связало в узел, и я сердито взглянула на безобидный участок травы. Значит, на самом деле он давно отчаялся...

Но Генри продолжил говорить, потупив взгляд в землю:

— Я показываю тебе это, чтобы у тебя уже имелся опыт к моменту, когда ты пройдешь испытания, — ложь, но я постаралась в нее поверить. — Как только ты станешь бессмертной и окажешься здесь, Преисподняя примет форму, какой ее видит человеческий глаз, — прошло пару секунд, и он тихо добавил, — я также хотел, чтобы ты была спокойна, если совет вынесет приговор не в твою пользу.

В мою пользу, не в его. Не в нашу.

Я развернулась к нему лицом.

— Почему ты разрешаешь им топтаться по себе? Совету, своей семье, кем бы они ни

были... если думаешь, что я подхожу на роль королевы, так почему не скажешь им прикрыть варежки и смириться с твоим выбором?

Лицо Генри ничего не выражало.

— Я не всесилен, — он осторожно шагнул ко мне. Я не отпрянула. — Совет принимает такие решения, не я.

— Но ты мог хотя бы попытаться! Лично я не заметила никаких активных действий с твоей стороны, — рывкнула я. Генри вздрогнул, но я продолжала давить: — Разве ты не член совета?

— И да, и нет, — он указал мне сесть на траву, но я осталась стоять со скрещенными руками. — Большую часть времени я провожу отдельно от них. Когда им нужно мое участие, или надо принять решение, которое напрямую касается моих обязанностей, я присоединяюсь. Но их работа связана с миром живых. Это не мое царство.

— Так чего ты не позакрываешь им рты и не покончишь с этим? Если они правят живыми, а ты не живой, почему они судят, хорошо или плохо ты справляешься со своей работой?

Генри вглядывался вдаль, на мерцающее озеро.

— Они способны наделить тебя бессмертием — это не в моей власти. Возможно, вначале они могли бы доверить мне принимать подобные решения, но ошибки, которые я совершил с Персефой, изменили мнение совета относительно моих суждений.

Я стиснула зубы при упоминании девушки, и ненависть пронзила меня изнутри. Даже если его действия вызвали в ней такую нелюбовь, это она причинила ему боль.

— Можно кое-что спросить?

Он лишь хмыкнул, и я приняла это за «да». Затем присела рядом с ним на траву.

— Зачем ты похитил Персефону?

Парень отодвинулся, чтобы посмотреть мне в глаза, и боль на его лице заставила меня тут же пожалеть о своем любопытстве.

— Прости, — быстро начала я. — Ты не обязан отвечать мне, если не хочешь.

— Нет-нет, — он покачал головой. — Я не злюсь. Просто пытаюсь понять, как случилось, что правда так искривилась со временем.

Я ждала продолжения, игнорируя влагу травы, проникающую сквозь джинсы. Генри выглядел задумчиво, будто пытался подобрать правильные слова. Видимо, не часто ему приходилось обсуждать с кем-то данную тему.

— Я не похищал ее, — наконец ответил парень. — Это был добровольный брак по соглашению, и устроили его ее родители.

Я замешкала, пытаюсь вспомнить детали мифа.

— Зевс и Деметра?

— Очень хорошо, — его улыбка не отразилась в глазах. — Наверное, ты уже поняла, что у меня очень странная семья. Мы зовем друг друга братьями и сестрами, но это неправда. Мы так долго жили вместе, что других слов, описывающих нашу связь, просто не существует. Параллель можно провести только с семьей, и то она слабая.

— Элла сказала, что на самом деле вы не родственники.

— Да? — казалось, его это развеселило. — У нас один создатель, но кровно мы не связаны. На самом деле, мой брат — естественно, не настоящий, — женат на моей сестре. А их сын женат на другой нашей сестре.

Скривившись, я попыталась переварить новую информацию.

— Но вы не связаны кровью, да?

— Даже близко нет, — Генри прижался губами к моему лбу в знак сожаления. Или так он пытался потушить мой гнев. — Мать Персефоны — моя любимая сестра, и это она предложила нам стать парой. Мы с Персефой хорошо ладили, и ее мама желала нам лишь счастья. Когда Персефона не воспротивилась, и решение было принято, она стала моей женой.

Женой. Той, кем я стану, если пройду тесты. Как бы часто я ни задумывалась о будущем с Генри, мысль, что я буду его женой — да чьей угодно — так и не стала мне привычной. Может, это потому, что мне восемнадцать, или потому, что мама никогда не выходила замуж, но брак был для меня чем-то невыносимым. С другой стороны, возможно, это и хорошо. Мне нечего ждать. И желание выйти замуж не пересиливало желание быть с Генри, как, по моим подозрениям, было в случае с Персефой.

— Она помогала мне править, — продолжал он, — делая ту же работу, которой вскоре, надеюсь, займешься ты. Но она была слишком молода и... — он отвел взгляд. — В итоге, стала видеть во мне похитителя, а не мужа. Персефона возненавидела меня, хотя поначалу у нас были теплые отношения. Не верю, что она когда-нибудь любила меня. По крайней мере, не так, как я люблю ее.

Люблю, не любил. Я вздохнула.

— Естественно, история встала на ее сторону, и у меня есть свои подозрения по этому поводу, но я никогда не заставлял ее выходить за меня. Я очень люблю ее, и мне было больно видеть ее такой несчастной. Через несколько тысячелетий она влюбилась в смертного и решила обменять свое бессмертие на него. Я отпустил ее. Было ужасно, но я знал, что будет только хуже, если заставлю ее остаться.

Я молчала с пару секунд, обдумывая его слова. Безответная любовь это одно, но жить такое количество времени с невыносимой болью... я не могла представить себя на его месте. Даже пытаться не хотела.

— Мне жаль, — сказала я, не придумав ничего лучше. Моя ярость быстро испарилась.

— Не стоит, — губы Генри изогнулись в улыбке, источающей такую ненависть к себе, что мне захотелось хорошенько его стукнуть. — Она сделала свой выбор. Ты сделала свой. Это все, что требовалось.

Я снова кивнула, потеряв дар речи. Джеймс был прав. Он всегда будет любить Персефону, что бы я ни делала; нужно просто смириться. Но душа требовала, чтобы он полюбил и меня. Если это поможет продержаться ему до лета, значит, все будет не напрасно.

— Генри? — позвала я, набираясь храбрости. — Как думаешь, ты сможешь полюбить меня когда-нибудь? Хоть чуть-чуть?

Казалось, мой вопрос поразил его до глубины души. Парень нахмурил брови, а его рот слегка приоткрылся. Но мне нужно было знать — счастливого конца не будет. С другой стороны, я никогда на него и не надеялась. В моей сказке мама и Генри были живы, а поскольку для мамы было слишком поздно, вся моя надежда легла тяжким грузом на плечи Генри.

Наконец он спешно прижался ко мне губами и тихо сказал:

— Да, насколько я вообще способен любить кого-либо.

Мое сердце ухнуло вниз — не такого ответа я ожидала. Но и так сойдет. Он взял меня за руки и посмотрел прямо в глаза. Я не отворачивалась.

— Ты боролась за меня — не думай, что я не замечал. Ты верила в меня, когда другие повернулись спиной, и я не могу выразить тебе словами свою благодарность. Твоя дружба и любовь всегда будут дороги мне.

Дружба и любовь. Слова ранили меня в самое сердце, но я пыталась вспомнить, что лучше так, чем альтернатива... гораздо лучше. Что-то внутри меня опустело, будто он украл какую-то важную часть моей души. Может, наши отношения не были такими уж романтичными и безоблачными, но я надеялась на их развитие и не знала, как еще ему дать это понять. Да так, чтобы в процессе не предложить ему себя целиком — на такой шаг я пока не готова. Ведь неизвестно, отвечает ли мне Генри взаимностью.

Когда он продолжил, мне захотелось отвернуться, но я сдержалась.

— Если тебя не сочтут подходящей правительницей, я откажусь от своих обязанностей и... если ты будешь не против, мы могли бы провести время вместе, пока я не исчезну полностью.

Меня охватило удивление, и я подавила упрямые слезы, внезапно накотившиеся на глаза.

— И как долго это продлится?

— Не знаю. Но, думаю, я продержусь до твоей смерти. Таким образом, у тебя будет моя поддержка, когда это все закончится.

Я выдавила слабую улыбку.

— Было бы неплохо. Быть... твоим другом.

— Ты уже мой друг.

Я промолчала. Друзья. Просто друзья — ничего больше. Пыталась почувствовать облегчение, напомнить себе, что вначале мне все это вообще было не нужно, но в душе воцарилась всепоглощающая обида.

Он сказал, что полюбит меня, и я ему поверила. Но наши отношения никогда не будут такими, какими я их себе представляла. Не знаю, в какой момент я решила, что хочу большего — может, когда поцеловала его на Рождество, или когда снова потеряла Аву и не могла выдержать очередного расставания. Я знала только одно: это свершилось. Это то, чего он никогда не сможет мне дать, и от этого было невыносимо больно.

* * *

Большая часть февраля прошла так же незаметно, как предыдущие месяцы. Я ела в одиночестве, затем шла на занятия с Ирен. После первого экзамена никаких тестов не последовало — либо так и было спланировано, либо Генри попросил ее об этом.

Единственным развлечением было время с Генри. Наша беседа в Подземном мире стала негласной точкой отсчета, и хоть вечера с ним были лучшей частью моих дней, это не заглушало мою неоправданную обиду. Он в открытую высказал свои желания, и я должна уважать их. Мы не могли быть вместе, но с каждой встречей я чувствовала, что влюбляюсь все больше и больше, скатываясь в место, где слово «любовь» было синонимом боли.

Каждый взгляд, каждое касание, каждое прикосновение губ, каким бы невинным оно ни было... как он мог говорить, что хочет только дружбы, и при этом относится ко мне, как к своему партнеру? Как будто хочет, чтобы я стала его женой? Я ничего не понимала и со временем запутывалась все больше. Я не знала, что значит любить, но к концу зимы почувствовала, что никогда еще не была ни с кем так близка, за исключением мамы.

Находиться на расстоянии от него было действительно больно, но иногда, когда он рассказывал о своей жизни до меня, о Персефоне, я испытывала настоящую агонию от нашей близости. Тем не менее, моя с ним дружба была настолько крепка, что казалась самым естественным явлением в мире. Он был лучшей кандидатурой, чтобы провести вместе остаток жизни, сколько бы боли это ни приносило.

Настал март — последний месяц испытаний. С одной стороны, я испытывала возбуждение при мысли, что смогу уйти и снова увидеть мир; с другой — я знала, что меня ждет по уходу. Если повезет, у меня останется один последний день, чтобы посидеть рядом с мамой и поговорить с ней, хоть и не факт, что она сможет меня услышать. Затем, когда я попрощаюсь, она умрет. Я начала подготавливать себя к суровой реальности, несмотря на то, что противилась ей, как раньше. Как я вообще могу с ней попрощаться?

В начале месяца Генри встретился с советом. Мне запретили идти — не хотела встречаться с Джеймсом, — и я решила развлечься, играя с Пого в зелено-золотой комнате. По моим подозрениям, встреча касалась моих тестов и того, что они приостановились после Рождества, но я решила не спрашивать об этом. В одном можно быть уверенной: ни одна девушка не заходила так далеко, как я, и с каждым днем опасность возрастала. Если только это не Джеймс убивал их. Но, как бы я на него ни злилась, я отказывалась верить, что он способен на подобное. Кто бы ни был убийцей, он все еще бродил на свободе, выжидая подходящего времени.

— Думаешь, он еще вырастет? — спросила Каллиопа, пока мы ждали возвращения Генри. Она почесала Пого по розовому животику, и он вывалил язык, наслаждаясь собой.

— Сомневаюсь. Он не особо вырос за последнее время.

— Ты забереешь его, когда уйдешь?

Я пожала плечами.

— Возможно. Пока не решила. Наверное, здесь ему будет лучше, не так ли?

Не успела она ответить, как дверь открылась, и в комнату ворвался холодный поток воздуха. Каллиопа встала, еле держа на руках песика, а я обернулась через плечо. В проеме стоял Генри, ярость волнами исходила от его тела.

— Мне... мне надо идти, — сказала девушка, впихивая мне Пого и спешно выбегая из помещения. Проходя мимо Генри, она одарила его странным долгим взглядом, но промолчала.

Прошло несколько напряженных секунд, прежде чем он заговорил:

— Мне нужно, чтобы ты перестала есть.

Прижав Пого к груди, я присела на один из диванов.

— Почему? Я люблю поесть. Это важный процесс выживания, знаешь ли, и в отличие от вас, мне стоит об этом беспокоиться.

— Здесь тебе не нужно есть, — Генри закрыл дверь и подошел ко мне, но не стал опускаться на диван. — Это не является необходимым, и ты должна адаптироваться.

Я медленно опустила Пого, и тот как по команде забежал за диван. Я же, по глупости, осталась на месте.

— Я люблю еду. У меня нет лишнего веса, и я не вижу здесь проблемы.

В глазах Генри бушевал серый шторм, пробиравший меня до дрожи.

— А как же Каллиопа?

— А что с ней?

— Каждый раз, когда ты садишься за еду, ты подвергаешь ее опасности.

Я устала сидеть на него.

— С твоей стороны очень грубо использовать этот аргумент против меня! Что я могу ответить?

— Это правда! — пылко продолжал парень. — И я бы предпочел, чтобы ты ответила, что это достаточно большой стимул, чтобы ты перестала есть.

Я сжала челюсть.

— С чего вдруг ты поднял эту тему?

Он закрыл глаза, между бровями пролегла глубокая складка. Никогда не видела его таким расстроенным, даже когда убили Ксандера. Но речь о еде. С чего такой переполох?

— Это испытание, — тихо сказал он, будто не хотел, чтобы кто-то услышал. — Если ты не перестанешь есть до решения совета, то провалишь его.

Отказ от еды — это испытание?!

— Какого же рода этот тест? — выпалила я. — В чем его смысл? Посмотреть, смогу ли я заморить себя голодом, пока не стану настолько тощей, что умру, как только выйду отсюда?

— Чревоугодие, — перебил меня Генри, и я закрыла рот. — Они хотят посмотреть, как быстро ты адаптируешься. Вот, на что тебя тестируют. Не кричи на меня, Кейт. Это не я решаю, какими будут испытания.

Чревоугодие. Пришлось задуматься на пару секунд, прежде чем я вспомнила, где слышала это слово прежде. Я замерла.

— Семь смертных грехов? В них суть испытаний?

Генри начал неловко выкручивать себе руки.

— Я не могу ответить. Если совет узнает, что я успел тебе рассказать, скорее всего, мы автоматически провалим испытания.

Мы. Что-то в его напряженном голосе тронуло меня за душу, и я с удивлением поняла, что мы наконец-то сработались. Я сжала ладони, боясь вновь обрести надежду.

— Тебе не все равно? Я думала...

Он начал шагать по комнате, отказываясь смотреть на меня.

— Ты была мной недовольна. Почему?

Я открыла было рот, чтобы возразить, но слова не хотели срываться с языка. Он был прав.

— Потому что... — начала я несчастным голосом, ненавидя себя в этот момент. — Я не хочу быть тебе просто другом.

Генри остановился и повернулся ко мне, но на его лице не было удивления. Парень сосредоточился, будто пытался собрать воедино кусочки пазла.

— Я думал, ты не хочешь быть мне настоящей женой.

Я скривилась.

— Знаешь ли, существует промежуток между подругой и женой. Понимаю, ты стар как мир и все такое, но должен же был ты слышать о просто романтических отношениях.

Генри не улыбнулся, но его лицо смягчилось.

— Если у тебя все получится, ты *станешь* моей женой. Теперь ты готова пойти на это?

Я кивнула, пытаясь не выдать свою взволнованность. И не думать слишком много.

— Потому что тебе на меня не наплевать?

— Да, — смущенно промямлила я. — И если ты используешь это против меня...

Закончить я не успела. В одну секунду он стоял в другой части комнаты, а в следующую

оказался подле меня и поцеловал так страстно, что к тому времени, как парень отодвинулся, у меня появилась отдышка.

— Что... — начала я, но он прижал палец к моим губам.

— Мне не плевать, — сказал он дрожащим голосом. — До такой степени, что я не знаю, как сказать тебе об этом, чтобы это не прозвучало незначительно в сравнении с тем, что я чувствую на самом деле. Даже если временами я кажусь тебе отстраненным, будто не хочу быть с тобой, это лишь потому, что мне тоже страшно.

Я молча уставилась на него. Генри наклонился и снова поцеловал меня в припухшие губы. На сей раз, я ответила на поцелуй. Казалось, время остановилось, и все, что я видела, слышала, чуяла, чувствовала — был он. По мне распространилось приятное тепло, но в этот раз парень не исцелял мне лодыжку.

Когда он снова отодвинулся, я опустила руки и стала наблюдать за ним, не зная, что теперь делать. Генри выпрямился, не сводя с меня взгляда.

— Пожалуйста, перестань есть.

Я кивнула, не в силах возразить.

— Спасибо, — он провел пальцем по моей щеке и шагнул в сторону двери. Не успела я сформировать хоть одну четкую мысль, как Генри исчез.

Я облизала губы, все еще чувствуя его вкус, и улыбнулась. Наконец, спустя почти шесть месяцев, он старался.

* * *

В ту ночь Генри как обычно скользнул в мою комнату через час после ужина. Весь день я гадала, что же произойдет: вернется ли все к обыденности или этих будоражащих душу поцелуев станет больше? К тому времени, как пришел Генри, я решила, что это все неважно. Достаточно того, что отныне я не в одиночку борюсь за его существование.

— Прости, — сказал он, замерев у двери. Я лежала на кровати и игралась с Пого, у которого появился новый ассортимент игрушек. Генри закрыл дверь, и я подняла взгляд. — Мое сегодняшнее поведение было неприемлемым.

На одно ужасное мгновение я испугалась, что он просит прощение за поцелуй. С лица сошла вся кровь, и тут меня озарило, что он извинялся за свою вспышку гнева. Я еле выдавила из себя нервный смешок.

— Ты всего лишь пытался меня предупредить. Сегодня у меня был последний ужин, и на этом все, обещаю.

Греческая паста с морепродуктами, от которой у меня обычно слюнки текли, была на вкус как опилки, и мне удалось съесть всего пару кусочков. Отныне я не буду есть вообще. Я поклялась Генри и больше не намеревалась нарушать обещания.

Он осторожно шагнул в мою сторону.

— И тем не менее, не стоило на тебя кричать. Ты этого не заслуживала.

— Ты беспокоился, — пожал плечами я. — Я хочу пройти испытания, но я бы не догадалась перестать есть, если бы ты мне не подсказал. Так что спасибо.

Он пересек комнату и присел на кровать, поднимая одну из игрушек Пого. Счастливо взвизгнув, щенок уронил косточку и побежал к Генри — тягать и беспрестанно рычать на отрезок веревки.

— Настоячивый малый, — сказал Генри с легкой улыбкой.

— Упрямый, как осел. И мечтает быть размером с него же.

Генри хихикнул, и я была так рада снова видеть его счастливым, что чуть не пропустила тихий стук в дверь.

— Кейт?

Это оказалась Каллиопа.

— Заходи!

Она внесла поднос с двумя чашками горячего шоколада, которые приносила каждый вечер. Я покосилась на Генри, дожидаясь его одобрения, и он кивнул. Поставив поднос на тумбочку, девушка уже собралась уходить, но Генри ее остановил. Каллиопа потупила взгляд в пол и замерла.

— Ты уверена, что он не опасен?

Впервые он допрашивал ее при мне. С рождественского инцидента ничего не произошло, никаких угроз и подозрительных подарков мне не подкидывали, но Каллиопа продолжала пробовать все, что я ела.

— Уверена, — она ответила так тихо, что я едва расслышала, и ее щеки залились румянцем. — Можно мне идти?

Он кивнул, и она быстро выбежала из комнаты — я даже не успела спасибо сказать. Я задумчиво разглядывала дверь, пытаюсь понять, в чем проблема, но меня отвлек восхитительный аромат какао. Вручив чашку Генри, я взяла свою и сделала глоток. Парень внимательно наблюдал за мной, и мой пульс участился: то ли из беспокойства, что что-то может произойти, то ли из-за повышенного внимания к своей персоне. Может, из-за того и другого.

Я игриво закатила глаза.

— Да не умру я сегодня, клянусь! Может, расскажешь, почему Каллиопа так тебя боится?

Он скривился и сделал глоток.

— Она ведет себя так на протяжении многих лет. Редко кто ведет себя со мной так расслабленно, как ты. Большинство меня боятся.

— Глупость какая, — но часть меня знала, что это не так. Без сомнений, находясь рядом со мной, он вел себя иначе, нежели с другими.

— Когда ты правишь мертвыми, нетрудно впасть в немилость других людей, — он отмахнулся. — Так происходит со всеми работниками поместья. Немногие осмеливаются смотреть мне в глаза, когда я говорю.

— Я тебя не боюсь.

Чтобы подтвердить свои слова, я наклонилась и аккуратно поцеловала его, чтобы не разлить напиток. Сердце выбивалось из груди, пока я ждала ответной реакции, надеясь, что он не отстранится и не скажет, что все произошедшее было ошибкой. К моему облегчению, парень поцеловал меня в ответ. Его губы нагревали мои и отдавали привкусом шоколада.

В конце концов, он отодвинулся и забрал у меня чашку, поставив ее на тумбочку вместе со своей.

— По-моему, Пого не нравится, когда его игнорируют.

Тот валялся на животике и внимательно за нами следил. Увидев, что я смотрю на него, щенок весело завил хвостом.

— Пого, фас, — сказала я, кидая его новые игрушки на подушку, служившей ему местом

для сна. Он повиновался и спрыгнул вниз, оставляя нас с Генри одних.

Я повернулась к нему, чувствуя, как впервые за день успокаиваюсь.

— Вот, — наклонилась к нему. — Так лучше.

То, как он целовал меня... я могла утонуть в нем и оказаться самой счастливой на свете. Каждое прикосновение вызывало искры, а жар его ладоней на моей шее был практически невыносим. Я залезла ему на колени, обхватив ногами за талию, и наш поцелуй стал более страстным. Хотя это я руководила процессом, пыл Генри был ничуть не меньше моего. Казалось, что все накопившиеся в нас эмоции наконец нашли отдушину. Через пару минут я отодвинулась.

— Генри? — восстановив дыхание, я провела руками по его волосам. — Я хочу тебе кое-что сказать, но пообещай, что не будешь смеяться.

— Я бы никогда не стал смеяться над тобой, — в его глазах отражалась та же жажда, что и в моих, и я знала, что могу ему довериться.

Сглотнув, я тихо сказала:

— Я не очень-то хороша в этом... в любви, в отношениях... даже целоваться толком не умею.

Он начал возражать, но я цыкнула на него. Теперь, когда мне было известно, что он тоже ко мне равнодушен, я должна была высказаться. Может, нужно было дать ему больше времени, чтобы привыкнуть, но я не могла сдерживаться, слова сами слетали с языка.

— Не умею, что бы ты ни думал. Неважно, как это все начиналось... как случайность, судьба или еще что — я рада, что ты набрел на меня той ночью. Просто потому, что теперь у меня есть шанс быть с тобой. Мне тоже страшно, но... спасибо, что открылся мне сегодня. Что доверился. Я никогда... — я поджала губы, пытаюсь подобрать нужные слова. — Я никогда не чувствовала подобного к кому-либо другому. И я не уверена, каково это — влюбляться, но мне кажется... теперь я знаю. Я влюбилась в тебя.

Не самая вдохновляющая речь в мире, но Генри было плевать. Впервые с нашей встречи он выглядел пораженным, и я испугалась, что переборщила.

— Ты знаешь, — его дыхание грело мне щеку, — что ты первая, кто сказал, что любит меня?

Удивившись, я сделала единственное, что пришло в голову — снова его поцеловала.

— Привыкай, потому что я планирую говорить тебе это много-много раз.

Он поцеловал меня в ответ, и у меня закружилась голова, а руки опустились, чтобы расстегнуть пуговицы на рубашке. На сей раз мы не останавливались.

* * *

Следующим утром я проснулась в клубке рук и ног. Голова болела, тело ныло, но мне было все равно. Тепла и сонливости, которые я чувствовала в объятиях Генри, было достаточно, чтобы сделать меня счастливой. Воспоминания о прошлой ночи поглотили меня с головой, и я отдаленно припоминала, как избегала темы Генри с мамой, стыдясь рассказать ей, что мы переспали. Но я ни о чем не жалела. Просто это не то, о чем мне хотелось бы с ней говорить. Лучше ей думать, что такие вещи происходят только после свадьбы, если вообще происходят.

— М-м, доброе утро, — сказала я, пытаюсь открыть глаза. Вместо улыбки на лице Генри

застыл такой ужас, будто у меня выросла еще одна конечность. Я недоуменно начала подниматься на локти, но даже это маленькое движение вызвало такую боль, словно мне нож вонзили в голову. Я скривилась и спешно опустилась на подушку. Посмотрев на Генри, я поняла, что только ухудшила ситуацию.

Он молниеносно сорвался с кровати, достал прямо из воздуха черный шелковый халат и обернул меня в него, не сводя глаз. Но в них не читалось нежных чувств, как прошлой ночью.

— Голова болит?

Глупый вопрос, учитывая всю ситуацию, но я кивнула... о чем тут же пожалела.

— Тело ломит?

— Немного, — признала я, закрывая глаза. — Что не так?

Парень не ответил. Приложив все усилия, чтобы снова распахнуть глаза, я увидела, как он нависает над чашками и принюхивается к остаткам горячего шоколада.

— Генри? — подняла я голос. — Что происходит?

Без всякого на то предупреждения, он развернулся и кинул чашки в стену. Те разбились вдребезги, запятнав обои коричневыми пятнами.

— Черт возьми! — проревел он и начал ругаться на двадцати неизвестных мне языках. Я снова попыталась сесть, преодолевая боль. Затем прижала одеяло к груди и пораженно уставилась на Генри, лишившись дара речи.

— Каллиопа! — крикнул он, но ответа не послышалось. Вместо нее дверь открыл Николас, намеренно не глядя в мою сторону.

— У себя, — хрипло сказал страж. — Ей нездоровится.

Генри так крепко сжал кулаки, что я побоялась, что он начнет крушить и ломать поместье.

— Присмотри за ней, — сказал он, кинувшись к двери. — Никто не входит и не выходит из этой комнаты без моего разрешения, ясно?

Николас кивнул с безразличным выражением лица. От него помощи не жди.

— Генри? — тихо окликнула я, мое сердце бешено билось в груди. — Что случилось?

— Мне жаль, — ответил он, глянув на меня так, что кровь застыла в жилах. — Мне очень-очень жаль.

И ушел, так ничего и не объяснив.

ГЛАВА 16

РЕКА СТИКС

Все утро я рыдала в подушку. Голова болела, а тело ныло так, что я не могла встать. Все мысли были заняты Генри, вернее тем, как он посмотрел на меня перед уходом. Будто в последний раз.

Это было несправедливо, и я никак не могла уразуметь, почему он так себя вел. Из-за моего признания в любви? Все произошло так быстро, что я не особо задумывалась над словами, и только потом поняла, насколько они правдивы. Я готова на все, чтобы дать ему второй шанс, даже если это значит отказаться от жизни в реальном мире. Если это не приравнивается к любви, то я вообще не понимаю этого чувства. К тому же, я и не ожидала от него ответного признания.

Чем больше я об этом думала, тем легче складывалась картинка. Признание, слетевшее с моего языка необузданным потоком слов — внезапное желание быть с ним — предупреждение не есть. Меня отравили! Только в этот раз со мной под раздачу попали Генри и Каллиопа, и все выжили.

Его цель была не убить меня. Это — афродизиак.

Стоило мне прийти к этой мысли, как все стало ясно. Единственный вопрос — кто это сделал? Попытался ли кто-то подтолкнуть нас с Генри в нужном направлении или за этим стояло нечто иное? Кто настолько меня ненавидел, чтобы пойти на такой поступок?

Единственной, кто приходил в голову, была Элла. Она презирала Аву и, возможно, считала, что я была на ее стороне... или же думала, что, избавившись от меня, она избавится и от Авы. Учитывая ее поведение в последнее время, не мне винить Эллу. Но что ей с того?

Джеймс? Я тут же отмахнулась от этого предположения. Последнее, чего ему хотелось, это свести вместе нас с Генри. Возможно, он надеялся на подобную реакцию: что Генри выбежит и будет игнорировать меня остаток вечности, но этот план слишком рискованный, чтобы делать на него ставку. Любая попытка пробудить в Генри желание ко мне и к борьбе за королевство была бы слишком опасной. Единственный верный способ прекратить все это — сделать так, чтобы я провалила испытание, и...

Моя кровь застыла в жилах. Ну конечно! Испытания! Чревоугодие, семь смертных грехов... похоть.

Меня охватило отчаяние. Моя песенка спета, не так ли? Даже если это была не моя вина, даже если это был афродизиак — все это не имело значения. Поэтому Генри так расстроился. Все остальные варианты никуда не годятся, если только он не притворился влюбленным, чтобы не обидеть меня.

Даже думать об этом не хотелось. Как и о перспективе не пройти испытания. Вместо этого я вылезла из кровати и обрадовалась, что Николаса приставили охранять меня из коридора, а не из самой спальни. Поскольку обезболивающие таблетки здесь отсутствовали, мне приходилось терпеть всю боль и мучения — побочные эффекты порошка, которым меня напоили, но его действие постепенно ослабевало.

Я оделась и, несмотря на ломку в теле, убрала одежду с вчера и перестелила кровать. Совет должен войти в наше положение, понять, что нас подставили! Если они действительно такие честные и справедливые, то не могут засудить меня из-за этого. Я цеплялась за надежду, за свой последний шанс, и заставляла себя не думать о других возможностях. Все

будет хорошо. Непременно.

Незадолго до захода солнца ко мне пришла Каллиопа. Вид у нее был такой же неважный, как и у меня: бледное лицо, дрожащие руки. Вместо того чтобы отослать ее обратно, как Николас делал со всеми остальными слугами, которые пытались меня проведать, он взял ее за руку и проводил в мои покои.

— Каллиопа? — отозвалась я со своего места у окна, свернувшись на одном из мягких кресел. — Ты в порядке?

— Да, — она устало улыбнулась, а Николас усадил ее в другое кресло. — Но главный вопрос другой, как ты?

Я дождалась, пока Николас уйдет, и только тогда ответила, хоть и не была уверена, не слышно ли ему все через дверь.

— Устала, — призналась я. — И все тело болит.

Ее реакция меня удивила. Лицо Каллиопы скривилось, и не успела я встать с кресла, как она уже захныкала.

— Ох, Кейт! Мне так жаль, я ничего не понимала, пока не принесла шоколад вам. Я пыталась послать кого-то предупредить вас, но было слишком поздно, и я растерялась...

Я присела у ее кресла и взяла девушку за руку.

— Не извиняйся. Ты ничего не могла сделать, и мне жаль, что и ты пострадала от рук этих мерзавцев.

Ее нижняя губа задрожала; Каллиопа явно прилагала все усилия, чтобы не расклеиться окончательно.

— Надо было подождать пару минут. Я сглупила, а ты ведь могла из-за этого умереть!

— Но не убило же. Мы обе в порядке. Вернее, мы *трое* в порядке.

Она уставилась на меня круглыми глазами.

— Но вы с Генри...?

Я сглотнула комок в горле.

— Все хорошо, Каллиопа, правда. Рано или поздно это должно было случиться. Как бы там ни было, если все плохо кончится, я все равно этого не zapomню.

Судя по мрачному выражению ее лица, она ни капли мне не поверила. Чего уж там, я сама не верила своим словам. Резкая реакция Генри на афродизиак отвлекла меня от мыслей о том, что прошлой ночью случилось нечто очень важное, но я не до конца это осознавала. Это должно было стать великим событием в моей жизни; я должна была чувствовать себя оскверненной, опороченной. Ну или хотя бы недоумевать из-за своих чувств по отношению ко всему случившемуся. Но о Генри я волновалась гораздо больше, чем о себе.

— С чего ты взяла, что это было неминуемо? — осторожно спросила Каллиопа. — Ходят слухи, что он никогда... что он и Персефона даже не... — девушка смущенно замолчала.

Я открыла было рот, намереваясь сказать что-нибудь разумное, но единственное, что мне удалось выпалить, было:

— Он был девственником?!

— Никто не знает наверняка, — быстро заговорила Каллиопа. — Он был тот еще собственник, но при этом искренне любил Персефону. Просто эти чувства не были взаимными. У них были разные спальни.

Я нахмурилась.

— Ну, в моем случае, он может об этом не беспокоиться.

— О чем?

— О взаимных чувствах. В смысле, встретиться мы на улице, я бы даже не подошла к нему — он же писанный красавец! — Мне вспомнились слова Джеймса, сказанные много месяцев назад, и это вызвало у меня слабую улыбку. — Он десятка. Даже двенадцатка, я и близко рядом с ним не стояла. Мне бы никогда не хватило храбрости заговорить с ним. Но, узнав его...

Мне было стыдно и трудно это признавать, но такова правда. Может, если Каллиопа поймет меня, то перестанет чувствовать себя виноватой из-за случившегося.

— Я люблю его. Не понимаю, как кто-то вообще мог знать его и не любить.

Каллиопа потупила взгляд в ковер, ее щеки залились румянцем.

— Я тоже.

Я молчала, не зная, что и ответить. Она поняла, что сказала это вслух? Девушка замолчала, и я не стала на нее давить. В конце концов я понялась на своих затекших ногах и уселась в кресле, кривясь от боли в голове. Это, конечно, не конец света, но этих ощущений хватило для радости, что мне не придется спускаться в банкетный зал на ужин.

— У меня есть идея, — радостно сказала Каллиопа. Ее внезапно поднявшееся настроение меня удивило.

— Да? — в мой голос невольно прокрались нотки подозрения.

— Завтра, как только мы придем в чувство, устроим пикник! Можем пойти к реке, взять подстилку и еду. Погода должна быть хорошей.

Увидев, как засветилось ее лицо, я просто не смогла отказать. Она и так винила себя в наших с Генри проблемах, а день вдали от драмы и трагедий поместья казался очень заманчивым. От мысли о реке по моей спине вновь пробежали мурашки, но я постаралась их игнорировать.

— Прекрасная идея, — сказала я, и Каллиопа улыбнулась. По крайней мере, это отвлечет меня на какое-то время от страхов, что я провалила испытания.

* * *

В ту ночь Генри так и не пришел. Впервые с Рождества я спала одна. Я пыталась не думать об этом слишком много, но, лежа в темноте со свернувшимся рядом Пого, было трудно не поддаться унынию. Может, он злился, что я заставила его спать со мной, и впоследствии провалила тест? Но я же его не заставляла, не так ли? Он не пытался меня остановить.

Может, он злился, потому что я призналась ему в любви, а теперь, когда действие афродизиака закончилось, он понял, насколько глупо это звучало? Или же он чувствовал себя виноватым? Мне плевать, если он все еще любит Персефону. Хоть она мне и не особо нравится, тот факт, что он так верен человеку, несмотря на его отвратительное поведение, можно считать похвальным.

Если только он не чувствовал себя виноватым *потому*, что слишком любил свою жену. Вдруг ему казалось, что он ее предал?

Это была случайность, но не ошибка — если, конечно, Генри не думал иначе. Все произошло не совсем так, как я себе представляла, но это было не так ужасно, чтобы ему захотелось держаться от меня подальше. Ведь правда?

Или же он чувствовал себя виноватым, потому что поддался мне, тем самым помогая мне провалить испытание. Даже если это правда, это не объясняло его отсутствия. Он ни в чем не виноват, и если я действительно провалилась, мне больше нет смысла оставаться в Эдеме. Но я все еще здесь, и это что-то да должно значить.

Мне плохо спалось, и даже сны о маме не принесли утешение. Я была тихой и отстраненной, а она снова и снова выпытывала, что же произошло, но я не могла ей сказать. Я буквально ненавидела себя за то, что не наслаждалась последними неделями с ней, но даже если бы мы могли поговорить о случившемся, я не знала, что конкретно сказать. Все надежды на мое светлое будущее она возлагала на Генри, а я умудрилась все испортить. Это разобьет ей сердце, а она заслуживала счастья.

Думать о Генри было больно, и следующее утро не принесло никакой отдушины. Я попыталась покинуть спальню, но указ Генри не поменялся: я застряла в своей комнате, пока его доверенное лицо — что, по сути, сводилось либо к Николасу, либо к Каллиопе — не зайдет за мной. Идти и так было некуда, но мне не нравилось ощущение жизни в клетке.

С другой стороны, разве не в ней я находилась последние шесть месяцев? Тихий голосок на задворках моего разума был на удивление суровым. Разве меня не заперли здесь, как какое-то животное, словно я принадлежу ему?

Нет. Я здесь по своей воле, и Генри четко дал понять, что меня не станут держать насильно. С моей стороны было очень невежливо так думать. Я — не Персефона.

Каллиопа зашла за мной в полдень, держа в руке корзинку для пикника. Вид у нее был до того счастливый, будто вчерашнего разговора никогда не было, а я не рискнула возвращаться к нему. Мы переплелись руками и двинулись по коридору. Я косилась по сторонам в поисках Генри. Он всегда являлся мне, когда я в этом нуждалась, но не в этот раз.

Мы вышли из поместья, в паре шагов от нас следовал Николас. Его присутствие одновременно раздражало и успокаивало; хоть он и хромотал, я не думала, что найдется такой безумец, который рискнет иметь с ним дело. Погиб он явно приглянулся — щенок бегал по саду, держась поближе к охраннику, а не ко мне.

— Кейт?

Я подняла голову при звуке своего имени. В мгновение ока Николас возник между мной и Авой, стоящей по другую сторону фонтана. Я не видела ее с Рождества.

Мне не хотелось ее игнорировать, но учитывая все, что произошло со мной и Генри, у меня не было сил с ней разбираться. Подруга вызывала у меня чувство вины, а мне и без этого нынче было тяжело.

— Кейт... — Ава попыталась обойти Николаса, но он был неподвижен как скала. — Прощу тебя... Меня не пускают к тебе в комнату, а мне нужно...

— Ты что, не поняла? — спросила Каллиопа с такой злобой, что я удивленно на нее покосилась. — Она не хочет с тобой разговаривать.

Я видела лицо Авы из-под левого локтя Николаса, вид у нее был обескураженный.

— Кейт, — вновь обратилась девушка со слезами на глазах. — Пожалуйста, всего на минутку.

Я словно приросла ногами к земле. Никогда не видела ее такой испуганной. Несмотря на доводы рассудка, я спросила:

— Что такое?

Она нервно покосилась на моих компаньонов.

— Мы не могли бы прогуляться вдвоем?

Николас нахмурился.

— Это запрещено.

— Николас, умоляю, — начала Ава, и прозвучало это столь фамильярно, что я задумалась, не обкрутила ли она и его. — Мне нужна всего минутка...

Каллиопа перебила ее:

— Мы уходим сейчас же.

Она потянула меня за локоть и повела к лесу. Я не сопротивлялась, хоть и настояла бы на разговоре с Авой еще пару дней назад. Но кто-то пытался причинить вред мне и Генри, и как бы ни претила эта мысль, у Авы были мотивы. Ей всего-то нужно было проскользнуть на кухню и подсыпать порошок в наши напитки. Может, она просто пыталась помочь, подтолкнуть нас с Генри друг к другу, не задумываясь о последствиях. Или же сделать так, чтобы я провалила испытание и стала такой же одинокой, как она. Что первое плохо, что второе.

Дойдя до края деревьев, я оглянулась через плечо и увидела, как Николас держит Аву за руку, чтобы та не последовала за нами. Она боролась, повернувшись к нему лицом и читая лекцию, которую, к счастью, я не могла слышать. По крайней мере, от нас они отстали.

— До чего унизительно, — сказала Каллиопа, переступая через плотный корень, вылезавший из земли. — Любой бы чувствовал себя ужасно на ее месте, но это не оправдывает подобное поведение.

Я осмелилась еще раз оглянуться. Николас уже спешил к нам, а Ава с поникшими плечами осталась стоять у фонтана. Девушка наблюдала за мной.

Я отвернулась и уставилась прямо, не оглядываясь всю оставшуюся дорогу. В пути я молчала, пытаюсь разобраться в собственных мыслях, что было нелегко — я все еще страдала от последствий порошка. Может, я что-то не так поняла? Может, она услышала новость об отравлении и забеспокоилась?

Но чем дальше я об этом думала, тем больше ее подозревала. После случившегося на Рождество Ава наверняка на меня злилась, ведь у меня было то, чего лишилась она. Жизнь, перспективы — а еще, как минимум один день, у меня был Генри.

Каков следующий шаг? Может ли ревность стать той мотивацией, которая подтолкнет на убийство? Или, услышав о реакции Генри, она удовлетворила свою жажду мести?

— Река в той стороне, — сказала Каллиопа, перебивая мой поток мыслей. Я опустила взгляд, не желая споткнуться об ветки и корни.

Затем попыталась придумать, что бы такого сказать, чтобы это не касалось Авы.

— Она бежит через всю территорию? — не помню, чтоб видела реку по другую сторону изгороди.

— Она уходит под землю, — ответила Каллиопа, будто это совершенно нормально. — Слышала, что как-то Ава чуть в ней не утонула. Это правда?

— Не чуть, — я скривилась от воспоминаний. — Она действительно утонула. Мне пришлось прыгнуть за ней. Так она и умерла... ударилась головой об камень.

Я сосредоточилась на лесных видах, пытаюсь не думать о той ночи.

— Как думаешь, чем бы ты сейчас занималась, если бы не была здесь? Если бы Ава не умерла?

Именно этот вопрос я избегала последние шесть месяцев.

— Не знаю. Вернулась бы в Нью-Йорк, наверное.

— Вместе с мамой?

Я вздохнула.

— Нет. Она бы уже умерла к этому времени, — сказать это далось гораздо легче, чем я думала. — Она хотела, чтобы я окончила школу в Эдеме, но вряд ли я смогла бы на этой пойти.

Каллиопа окинула меня сочувствующим взглядом, но мне не нужна была ее жалость.

— Поляна совсем близко, — сказала она, и, выглянув сквозь деревья, я увидела ее — лужайку размером с мою спальню. Поблизости журчала вода. — Что насчет твоего отца?

— В смысле? Я его никогда и не видела. Без понятия, где он сейчас. Мы отлично справлялись и без него.

— Но теперь все изменилось, — тихо заметила девушка. Я ее проигнорировала. Мама редко вспоминала о папе, но я в довольно раннем возрасте поняла, что упоминать о нем не стоит. Не то чтобы она злилась или начинала плохо о нем отзываться. Ей просто было нечего сказать. Они не были женаты, и я не спрашивала, что же произошло. Все мои детские фантазии о том, как он однажды объявится на пороге, обнимет меня и купит мне мороженое и игрушки уже давно развеялись. Мы с мамой были командой. Больше нам никто не нужен.

Мы с Каллиопой молча постелили покрывало и выложили еду. Было трудно вспомнить о своем обещании Генри, глядя на корзинку, набитую бутербродами, макаронами, жареной курицей и тем же роскошным десертом, который мне подавали каждый вечер, но мне удалось. Едва.

— Прости... еда выглядит очень вкусно, но я не могу есть. Я не особо голодна.

— Да ладно? — она разгладила уголок покрывала и устроилась посредине. На краю поляны маячил Николас с угрюмым видом. — Ты же не завтракала! Кроме того, я тоже буду есть, так что не волнуйся.

— Дело не в... — я закусила губу. Последнее чего мне хотелось, это обидеть ее, но я также не могла признаться, что это испытание. — После случившегося... я дала Генри обещание. Прости. Нужно было сказать тебе, прежде чем ты принесла все сюда.

Я ждала ответа, но выражение лица девушки было нечитабельным. Наконец она улыбнулась, но улыбка не достигла глаз.

— Нет проблем. Ты не против, если я...?

— Вовсе нет. Кушай, конечно. И не обращай внимания на бурчание в моем животе.

Она начала рыться в корзинке, а я села напротив и прижала колени к груди. Мы находились рядом с тем местом, где я впервые повстречала Генри. Думать об этом было до того больно, что я отвернулась и сосредоточилась на Пого, скачущем в траве.

— Каллиопа? Можно задать тебе личный вопрос?

Она даже не подняла взгляд.

— Конечно.

Я оглянулась на Николаса, стоящего достаточно близко, чтобы нас подслушать.

— Это связано с... э-э, тем, что было в топленом шоколаде.

— О-о, — ее щеки залились румянцем. — Может, будет лучше, если Николас...

— Да, — я прочистила горло. — Николас? Ты не мог бы оставить нас на пару минут?

Он насторожено перевел взгляд с меня на Каллиопу.

— Клянусь, никто не собирается напасть на меня посреди леса, — сухо улыбнулась я. — А даже если и рискнет, Каллиопа и Пого защитят меня. Всего на несколько минут, правда.

— Я присмотрю за ней, — отозвалась Каллиопа, и Николас растворился в деревьях.

— Как ты с этим справилась? С тем, что сделало меня и Генри... — теперь пришел мой черед краснеть. А вот в глазах Каллиопы вспыхнуло что-то непонятное.

— Я ни с кем не встречаюсь, и моей дозы было недостаточно, чтобы начать лазить по стенам, как вы. Я пошла спать, — ее голос был отнюдь не дружелюбным, и я нахмурилась. Что я такого сказала?

— Почему ты ни с кем не встречаешься? — спросила я, надеясь, что это легкий вопрос. — Ты же такая красивая, умная и забавная, и наверняка много знаешь о всех, кто здесь живет...

— Ты очень добра, — напряженно ответила она. — Но, боюсь, я никогда не буду достаточно хороша для того, кого я хочу.

Я еще больше сдвинула брови.

— Что ты такое говоришь! Знаешь, он просто сумасшедший, если не хочет тебя...

— Нет, Кейт, — ее тон стал ледяным. — Я недостаточно хороша для него, и никогда не стану. Он ясно дал понять, что единственная, кого он хочет, это ты.

Я опешила и начала путаться в словах.

— Каллиопа, я... мне жаль, я не хотела... кем бы он ни был, я уверена, мы можем поговорить и все решить...

— Ты действительно настолько тупа?

Я умолкла. Видимо, да.

— Твой *Генри*, — сплонула она. — Я наблюдала, как он сохнет по таким девчонкам, как ты, на протяжении десятилетий! Ему плевать на меня... я нужна ему только для того, чтобы приглядывать за его *гостьями*. — В ее глазах мелькнули слезы. — Знаешь, однажды я ему призналась, еще когда он пригласил сюда самую первую девушку. Сказала, что я прекрасно подойду на ее место, что я буду любить его и относиться к нему гораздо лучше Персефоны. Знаешь, что он сделал? Ушел и с тех пор не сказал мне ни единого слова, если оно не касалось одной из его тупоголовых подружек!

Я не знала, что сказать или думать... что тут поделаешь? Поэтому она на меня злилась? Потому что я переспала с ним под действием афродизиака?

— Прости, — сказала я, пытаясь отвечать твердым голосом. — Это был не мой выбор. Может, если Генри никогда тебя не замечал... значит, этому не суждено было случиться?

— Конечно *суждено*! — вспыхнула девушка. — А как же иначе? Я люблю его. Люблю дольше, чем ты живешь на этом свете.

Ее лицо лишилось всяких эмоций, и на пугающую долю секунду ее глаза были такими же мертвыми, как и она сама.

— И буду любить еще столько же после твоей кончины.

Затем она достала что-то острое и металлическое из корзинки. У меня не было времени бежать. Она двигалась так быстро, что превратилась в размытое пятно. Я пыталась пнуть ее под голень и уползти, но Каллиопа схватила меня за волосы и дернула с такой силой, что чуть не сломала мне шею.

— Николас! — позвала я, но было слишком поздно.

Сначала я почувствовала странное давление в боку. Боль не расцветала, пока она не выдернула нож, и вот тогда я закричала. Поддавшись инстинкту, я ткнула в соперницу локтем и почувствовала, как что-то хрустнуло, но тем самым я открыла себя для нового удара. Я ахнула, когда она пырнула меня в живот, рана мгновенно вызвала адскую боль в теле. Я уже чувствовала вкус крови у себя на языке.

— До чего нелепо, — сказала Каллиопа, вытирая струйку крови со своего сломанного носа. — Это все, на что ты способна?

Почувствовав приток адреналина, я бросилась на нее и сомкнула руки вокруг шеи девушки. Но кровь из раны текла так быстро, что мне не хватило сил принести ей тот ущерб, на который я рассчитывала. Я беспомощно закрыла глаза, и Каллиопа нанесла финальный удар, вонзив нож прямо мне в грудь. На сей раз она не посчитала нужным вытащить его.

Затем девушка убрала мои руки со своей шеи и с легкостью подняла меня. Я услышала приглушенный и далекий лай Пого и попыталась крикнуть о помощи, но мне удалось издать лишь тошнотворное бульканье. Боль разгоралась во мне, как пламя. Голова кружилась, словно я падала в туннель, а держаться было не за что.

Всплеск ледяной воды взбодрил меня достаточно, чтобы поднять веки. В глазах помутилось, но я все же увидела нависающую надо мной Каллиопу. Ее тело отдалялось все дальше, хотя она стояла на месте. Поскольку я едва могла трезво мыслить, ушло пару секунд, прежде чем я поняла, что плыву по реке.

Вот и конец. Так чувствуется смерть. Холодная, мокрая, отупляющая и обжигающая. Я пыталась сделать вдох, но воздух не поступал в легкие. Вместо того чтобы испугаться, я чувствовала облегчение. Мне все-таки не придется прощаться с мамой. Если Генри хватит милосердия, он отпустит ее, как только поймет, что я мертва.

Генри.

Стоило ему раскрыться, зародить надежду, как я умудрилась умереть. Если умру я, умрет и он. Он не сдался, когда я об этом попросила, так какое имею право сдаваться я?

Я слабо забила против течения, но все попытки были тщетными. Мне едва удалось пошевелиться, не говоря уж о том, чтобы выплыть на берег. Река унесет меня и, если повезет, в конце концов мое мертвое тело выбросит на какой-нибудь пляж неподалеку.

Сквозь ветви надо мной лились лучи солнца, но я позволила себе уплыть в темноту, позабыв о холоде. Мне стало так тепло, словно Генри обнял меня. Я представила, как он тянет меня к берегу. Прохладный ветерок обдувал бы мое тело, и я тут же задрожала бы. Генри исцелил бы меня и, в конце концов, все было бы хорошо.

Но уже слишком поздно для счастливой концовки. Я умерла.

ГЛАВА 17

СМЕРТЬ

Не знаю, что я ожидала увидеть, открыв глаза, но точно не маму. Она стояла прямо передо мной и выглядела целой и здоровой, как каждую ночь, когда я засыпала. Вместо того чтобы поприветствовать меня своей радушной улыбкой, ее выражение лица стало хмурым, а взгляд — далеким.

— Мама? — позвала я, и когда она посмотрела на меня, ее глаза оказались такими красными и пустыми, что просто не могли принадлежать моей маме. Даже в худшие дни своей болезни она не выглядела так плохо. Тогда внутри нее еще был маленький огонек, искра, улыбка или что-либо другое, что напоминало мне: это все еще моя мама. Но не в этот раз.

Я попыталась взять ее за руку, но не устояла на ногах и упала на скамейку. На улице было темно, в отличие от тех ярких деньков, которые мы здесь проводили, но полная луна и сияющие звезды давали достаточно света, чтобы я разобрала, где мы находимся. Мы все еще были в Централ-парке, но впервые с начала моих снов мы оказались не на Овечьей лужайке, а в лодке посреди реки.

Я замерла. Именно здесь я чуть не утонула, когда была ребенком.

— Мам... — я хрипела, и мой голос звучал очень слабо. Еще я устала и сильно хотела закрыть глаза, позабыв обо всем. Позволить прошлому раствориться с остатками моей жизни. — Мне жаль.

Она посмотрела на воду, и горе так ясно отобразилось на ее лице, что я его почувствовала.

— Это не твоя вина, — отозвалась она, нарушая пугающую тишину вокруг нас. Не было слышно ни единого звука: ни стрекота сверчков, ни шороха листьев на ветру. Я слышала лишь ее голос и шум волн, ударяющихся об бортики лодки. Казалось, мы единственные живые существа в городе.

Я слишком устала, чтобы двигаться, но мне отчаянно хотелось коснуться мамы. Показать ей, что я все еще здесь, даже если ненадолго.

— Моя. Все это время убийцей была Каллиопа, а я ничего не замечала. Мне стоило...

— Многие другие знакомы с ней гораздо дольше тебя, — сказала она. — Если кто и должен был догадаться, так это они. Нельзя винить себя в том, чего ты никак не могла знать.

— Но я должна была! — мои голосовые связки до того напряглись, что я боялась потерять голос. — Я знала, что кто-то хочет мне навредить, и должна была найти этого человека, но мои мысли были слишком заняты Генри, и я думала... думала, что никто не осмелится нападать в его присутствии. Я думала, что в безопасности.

— Так и должно было быть. — Я видела отражение света луны на ее щеках — верный признак, что мама плачет. — Мне стоило больше стараться.

Я замешкала.

— В смысле?

Вместо того чтобы ответить, мама встала и пошла вдоль лодки, от чего та закачалась. Я вцепилась в края так сильно, как только могла, но утопление меня не сильно беспокоило. Если я еще не мертва, то скоро буду. Мама села рядом и крепко меня обняла, и это единственное, что уберегло меня от истерики. Кто-то из нас должен быть сильным.

Не знаю, как долго мы так сидели, прислушиваясь к колебаниям лодки на воде. Могли пройти минуты, а могли часы — время словно остановилось, а мамины объятия служили мне защитой от прохладного ночного воздуха. Я прокрутила в голове все случившееся у реки, как в одну минуту Каллиопа была моей подругой, а в следующую — убийцей. Как я не замечала? С другой стороны, а что я должна была заметить?

— Почему, по-твоему, она это сделала? — пробормотала я маме в плечо. — Она сказала, что любит Генри, но зачем всех убивать? И рисковать своей жизнью?

Она пробежалась пальцами по моим волосам. Уверена, этим она хотела меня утешить, но в результате я только вспомнила, что теряю. Что мы обе теряем. Я подвела маму и Генри, но она, по крайней мере, простила меня. Хотела бы и я себя простить.

— А ты как думаешь? — ласково спросила она, и я пожала плечами.

— Не знаю. — Я подумала о Каллиопе, Генри и Аве, которая так отчаянно хотела обрести любовь. — Может, она была такой же одинокой, как и он. Может, она думала, что спасет его. Но... если бы она и вправду его любила, то как могла рисковать его существованием? Если бы я была ей, то предпочла бы увидеть его с другой девушкой, чем не видеть вообще.

— Любовь бывает разная, — ответила мама. — В этом и разница между тобой и Каллиопой. Наверное, поэтому выбрали тебя, а не ее.

Я закрыла глаза и попыталась это обдумать, но все, кроме качания лодки и звука маминого дыхания, потеряло смысл.

— Я не хочу умирать, — прошептала я. — Не хочу прощаться.

Она закопалась лицом мне в волосы.

— Тебе и не придется.

Не успела я понять, что она имела в виду, как лодка подплыла к берегу. Когда она остановилась, я открыла глаза и увидела силуэт на воде, искажающийся от легких волн. Хрупкая рука мамы сменилась на мускулистую, и я почувствовала, как кто-то поднимает меня. Мне хотелось воспротивиться, настоять на том, чтобы остаться с мамой, но мой язык стал тяжелее свинца, а мысли разбежались.

— Я взял ее, — сказал Генри с болью в голосе.

— Спасибо, — ответила мама, и в ее голосе тоже были нотки чего-то необъяснимого. Она погладила мою щеку и наклонилась, чтобы поцеловать Генри. — Позаботься о ней.

— Обязательно.

Мама прижалась губами к моему лбу. Я отчаянно хотела взять ее за руку, но мама сделала все сама, и, призвав последние силы, мне все же удалось слегка ее сжать.

— Мам? — даже мне мой голос показался незнакомым и слабым, словно я только училась произносить слова.

— Все хорошо, милая. — Когда она отодвинулась, я увидела слезы в ее глазах. — Я люблю тебя и очень тобой горжусь. Никогда об этом не забывай.

Во мне зародилась паника, но, не имея возможности ее выразить, я ощутила душераздирающую боль. Мама меня покидала. Это конец. Разве по нашей сделке ей не оставалось еще несколько недель?

Какая же я глупая. Как мы могли проводить время вместе, если я мертва?

— И я тебя люблю, — ответила я, хотя это больше прозвучало, как неразборчивое бульканье. Мама все равно улыбнулась.

Когда Генри развернулся и понес меня в чернильную тьму ночи, я умудрилась

повернуть голову и увидеть, как ее силуэт становится все меньше и меньше. Наконец мама окончательно растворилась во мраке. Я цеплялась за ее последние слова, служившие клеем, держащим меня в целости, и попыталась воспротивиться глубокому сну. Мы вновь увидимся, когда она умрет, и не будет конца солнечным летним дням, которые мы проведем в Централ-парке.

Но хоть я и знала это, хоть Генри нес меня на собственную смерть, я не могла не сказать одно слово, которому противилась столько лет. Слово, которое, как я надеялась, мне никогда не придется говорить.

Прощай.

* * *

Я думала, что смерть будет холодной. Вместо этого первым делом я почувствовала тепло — невероятное тепло наполнило мое тело, или то, что от него осталось, и распространилось по нему, как мед. Интересно, проходила ли через это Ава? Пробуждение в тепле? Это казалось слишком легко.

А затем началась боль. Всепоглощающая, мучительная боль в груди и боку, именно там, куда нанесла удар Каллиопа. Ахнув, я мысленно стукнула себя за то, что думала, будто все будет так легко. В конце концов, Ава не подавала никаких признаков боли в месте, где она ударилась, а мое тело должно было исцелиться, прежде чем я смогу встать и ходить.

Воздух наполнился шепотом, но я не могла его разобрать. Это другие мертвые души? Может, мама уже ждет меня? Может, я открою глаза и увижу траву, деревья, солнце, или что-то иное? Нужно было спросить об этом у Генри, пока была возможность.

Казалось, прошли годы, прежде чем я заставила себя поднять веки. Поначалу свет ослепил меня, и я быстро закрыла глаза, но они довольно быстро привыкли. На сей раз мой вздох не имел никакого отношения к боли.

Я лежала в своей спальне в поместье, окруженная знакомыми лицами. Ава, Элла, София, Николас, даже Уолтер был здесь, и все они выглядели обеспокоенно. Уголком глаза я заметила его. Генри.

Мое сердце пропустило удар, но я и без того была в полнейшем недоумении, чтобы еще задумываться, почему оно вообще бьется. Это не Централ-парк.

— Я мертва? — По крайней мере, это я пыталась спросить. Мой голос больше походил на карканье вороны, и после этого в моем горле загорелся огонь... но какая разница? Главное, что Генри здесь.

Он скривился, и меня словно окатило ледяной водой. Значит, все-таки мертва. Он едва мог на меня смотреть.

— Нет, — ответил Генри, глядя на свои руки. Одной он держал мою ладонь. — Ты жива.

Мое сердце одновременно ухнуло вниз и воспарило вверх. Значит, это еще не конец, мы могли еще все исправить, я пройду испытания...

Но затем я вспомнила последние слова своей мамы и поняла, что они значили. Это был ее час прощаться, а не мой. Меня наполнил ужас, и я не смогла подавить поток слез. Попыталась сесть, но тут же почувствовала адскую боль в груди.

— Не шевелись, — строго приказал Уолтер, поднося к моим губам чашку с теплым

напитком. Я глотнула сладкое лекарство, но из глаз все так же продолжали лить слезы.

Все наблюдали за мной, но я не сводила взгляда с Генри. Мое горе было слишком велико, чтобы задумываться о зрителях.

— Генри? — с трудом пролепетала я. Лекарство уже начало действовать. — Почему... — мне не удалось договорить вопрос. Борясь с желанием закрыть глаза, я попыталась пошевелить пальцами на ногах, но даже это приносило боль.

— Спи, — сказал он. — Я буду здесь, когда ты проснешься.

За неимением другого выбора, я позволила себе погрузиться в сон, цепляясь за его слова и надежду, что он говорит правду.

* * *

В ту ночь мне не снилась мама и я знала, что это уже никогда не произойдет. Вместо этого появились кошмары, образы воды, ножей и рек из крови, и как бы громко я ни кричала, мне все равно не удавалось проснуться. Эти кошмары отличались от тех, что преследовали меня после переезда в поместье Эдем — те были угрозой, предупреждением. Эти же — воспоминаниями.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я проснулась. Мои глаза распахнулись, все тело продолжало болеть, и напряжение в мышцах очень этому способствовало. Я ожидала увидеть свет, но в течение пары секунд меня окружала тьма. Когда глаза привыкли, я заметила Генри.

Он приставил кресло к моей кровати, и хоть три шторы были закрыты, через четвертую проникало достаточно света, чтобы я могла его рассмотреть. Парень все еще держал меня за руку.

— Доброе утро, — сказал он. Его голос был отстраненным, и я не могла понять почему.

— Утро? — буркнула я, пытаясь повернуть голову к окну, но шторы были закрыты. Генри провел рукой над свечкой на тумбочке, и та загорелась. Света от нее было мало, но мне хватило.

— Очень раннее утро. На улице еще темно. — Он замешкал. — Как себя чувствуешь?

Хороший вопрос. Я задумалась на минуту и с удивлением поняла, что боль ослабла. Но он не об этом спрашивал, и мы оба это понимали.

— Она умерла, не так ли?

— Она попросила поменяться с тобой, и я согласился, — ответил Генри, опустив взгляд на наши руки. — Это был единственный способ спасти тебя от Подземного царства. Жизнь за жизнь... даже я не могу нарушать законы мертвых.

Его слова били по больному. Я облизала пересохшие губы.

— Она отдала свою жизнь ради меня?

— Да, — он поднес ко мне чашку с водой. Я взяла ее дрожащими руками, проливая больше, чем выпила. Генри снова налил воду, и на этот раз подержал мне чашку. — Ты умерла, и я не мог тебя исцелить. Это был ее прощальный подарок.

Я всхлипнула, и меня охватила тоска. Она умерла из-за моей ошибки. Потому что я позволила Каллиоппе подобраться слишком близко. Потому что я доверилась не тому человеку. Мне казалось, словно часть меня исчезла, словно я потеряла что-то важное и уже никогда его не найду. Я одновременно ощущала себя опустошенной и полной страданий. Все

казалось неправильным.

Прошло пару минут, прежде чем я смогла вновь взглянуть на Генри и заговорить. Перед глазами все размывалось, а голос был хриплым и сдавленным:

— Что случилось после реки?

Его хватка на моей руке усилилась.

— Ава нашла твоё тело. Она долго пыталась тебя спасти, но, несмотря на все усилия, надежды уже не было.

У меня в горле встал ком. После всего, что я ей сделала, Ава все равно пыталась меня спасти.

— А Каллиопа?

Лицо Генри ожесточилось.

— Её схватил Николас. Её осудят и накажут за преступления, и, клянусь, пока я буду главой Ада, тебе никогда больше не придется её видеть.

Я вздрогнула, и Генри укрыл меня одеялом. У меня не было сил сказать, что дрожала я не от холода.

— Это она посылала тебе кошмары. И пыталась сбить тебя с дороги. Как и все остальные, она видела в тебе потенциал. Я полагаю, она боялась, что единственный способ нас остановить будет убить тебя до прихода в поместье.

Ей почти это удалось. Теперь я была уверена, причина, по которой машина тогда не врезалась в деревья, это защита Генри.

— Что с ней будет?

— Пока не знаю. Должно быть, она понимала, что ей это с рук не сойдет, потому не пыталась сбежать или отрицать свое вмешательство, но... — он заколебался. — Судя по всему, она считала себя выше наказаний. В свете произошедшего, я посчитал, что будет логично, если ты поучаствуешь в свершении её судьбы.

Я хотела было спросить, почему она думала, что наказание её не коснется, но часть меня уже знала ответ.

— Каллиопа так сильно тебя любит, что не могла вынести мысль о тебе с кем-либо другим. Она считала себя единственной, кто сможет сделать тебя счастливым.

— А вместо этого оказалась той, кто чуть не испортил мое существование. — Генри наклонился и поцеловал костяшки моих пальцев. По моему телу снова прошла дрожь, но уже по иным причинам. — Это моя вина, а не твоя, и я сделаю все возможное, чтобы возместить это тебе за то время, что у нас есть.

— Ты не виноват, — я попыталась повернуться к нему, но движение принесло слишком много боли. — Это я тебя подвела.

Он, наверное, понял, что я подразумевала испытания, но все равно покачал головой.

— Ты никак не могла меня подвести. Мне давно нужно было понять, кто стоит за убийствами, и не дать ей подобраться к тебе. За это я прошу прощения.

Я долго молчала, а затем слабо сказала:

— С нами все хорошо? Я имею в виду не это, а... шоколад и...

— Да. Прости, что я так повел себя тем утром. Я злился не на тебя, а... — Генри умолк, и его лицо на мгновение исказилось от ярости, но стоило мне моргнуть, как оно лишилось всяких эмоций. — Это была не твоя вина. Все дело в отравленном напитке, не более.

— Даже если я провалила тест, я все равно люблю тебя.

Прошло пару секунд, и когда стало ясно, что он ничего не ответит, я закрыла глаза и

вздохнула. Мое тело требовало сна, и поскольку разум был слишком поглощен горем от потери матери, я вряд ли смогла бы ему противиться.

Может, мне показалось, но когда я почти впала в дрему, до меня донесся голос Генри — тихий и ласковый, твердящий то, что я так сильно хотела услышать:

— Я тоже тебя люблю.

ГЛАВА 18

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Следующую неделю Генри все время был рядом со мной. Что бы ни было в том сладком лекарстве, которое продолжал давать мне Уолтер, оно работало, и большую часть дня я проводила в мире грез. В конце концов кошмары прекратились, но я продолжала просыпаться в холодном поту, не в силах забыть ощущения от ледяных вод реки, смыкающихся надо мной.

Боль от потери матери не ослабевала, но постепенно мне удалось смириться с фактом, что она не скоро пройдет, а убиваться горем, когда я должна идти на поправку, не вариант, так как это расстроит Генри. Было бы оскорбительно игнорировать мамин прощальный подарок и не исполнить ее предсмертное желание. Последние полгода я готовилась именно к этому. Мне дали шанс попрощаться, да еще и таким способом, который мне никогда бы не удалось осуществить без Генри. Менее больно от этого не стало, но, благодаря нашим ночным встречам, внутри меня воцарилось некое подобие спокойствия. Я цеплялась за надежду, что совет примет меня, даже несмотря на произошедшее между мной и Генри, и однажды я смогу навестить маму, поговорить с ней и снова прогуляться по парку. Смерть — это не конец, и Ава тому доказательство. Но я все равно горевала. Все равно скучала по ней.

Моим посетителям не было конца. Поначалу приходили только Генри и Уолтер, но, после моей настоятельной просьбы, Аве тоже позволили приходиться в мою комнату. Стоило ей увидеть меня, как она кинулась к боку моей кровати. Ее глаза были опухшими и покрасневшими.

— Кейт! Господи, ты в порядке... мне сказали, что с тобой все хорошо, но я боялась, что они это просто говорят, ты же знаешь, какими бывают люди, но ты действительно тут, и не спишь, и... Господи!

Она так слабо меня обняла, что я едва почувствовала ее руки, но мне было плевать, если это принесет боль. Я обняла ее так крепко, как только могла, а следующие тридцать секунд расплачивалась за свой поступок. Мое тело пронзила боль, достигая самых кончиков пальцев, но оно того стоило.

— Прости! — вскрикнула она, сильно покраснев. Генри, сидящий по другую сторону кровати, выглядел обеспокоенно, но к этому времени он уже привык к моей неосторожности. Пока мои швы не начинали расходиться, все было нормально.

— Не стоит, — сказала я, как только обрела голос. — Я хотела тебя обнять. Мне так жаль за все произошедшее! За то, что накричала на тебя из-за Тео, что наговорила тебе много глупостей... ты этого не заслуживала.

Девушка лишь отмахнулась.

— Это все не важно. Ты была права... я вела себя как идиотка. Но ты жива! Ты пройдешь испытания, и мне не придется торчать здесь без лучшей подруги. — Она окинула меня строгим взглядом, но он вызвал у меня лишь улыбку. — Знаешь, ничего из этого бы не произошло, если бы ты позволила мне научить тебя плавать.

— Да, ты была права, — сказала я, игнорируя ту часть, где меня закололи, прежде чем скинуть в реку. Сомневаюсь, что для Авы это имеет значение. — Знаешь что? Как только Генри скажет, что я здорова, мы можем найти какое-нибудь местечко на территории поместья, и ты научишь меня плавать.

Улыбка на лице Авы стояла того, чтобы снова окунуться в воду.

После ее ухода мы с Генри сыграли в карты. Хотя мое состояние и было не из лучших, мне все равно удалось победить его пару раз, но Генри был не против. Казалось, ему нравилось, что я надираю ему зад, а я была более чем рада стараться.

— Я буду скучать по тебе летом, — сказала я, выигрывая пятую партию подряд. — И по тому, как оставляла тебя в «дураках».

Генри внимательно посмотрел на меня, тасуя колоду.

— Я тоже буду по тебе скучать.

В его голосе слышались нотки завершенности, и это меня напугало. Я лелеяла надежду, что совет все поймет и увидит, что мы не виновны. Но, возможно, последнюю неделю он готовился к тому, чтобы попрощаться со мной?

— Генри? — тихо обратилась я. — Давай ненадолго притворимся, что все хорошо?

Он отвернулся.

— Хорошо.

Я глубоко вздохнула.

— Можно я иногда буду вас проведывать? В смысле, я понимаю, что должна изучать мир, получать образование, окончить школу и все такое, но, если я все же останусь в Эдеме, можно я буду периодически заглядывать к вам до начала сентября...?

Генри замешкал.

— Я думал обсудить это с тобой после встречи с советом.

— Что именно?

— Твою свободу. — Он поднял голову, и я замерла. — После всего, через что тебе пришлось пройти из-за меня, я не смею просить тебя вернуться осенью, независимо от решения совета.

Я попыталась скрыть обиду, но, судя по вспышке в его глазах, он все заметил.

— Ты не хочешь, чтобы я возвращалась?

— Будь все по-моему, ты бы никогда не уезжала. Но наша сделка заключалась не в этом... более того, из-за меня ты пережила много трудностей. Я не хочу и дальше делать тебя несчастной, заставив вернуться сюда. Посему, я предлагаю тебе свободу, вне зависимости от решения совета. Вечную свободу.

Ушло пару секунд, прежде чем я поняла, что он говорил. Он хотел, чтобы я осталась, но чувствовал себя виноватым... почему? Из-за Каллиопы?

— Но я хочу вернуться, — выпалила я. Мысль о том, что мы никогда не увидимся, заставила мое сердце биться чаще. Может, он этого не понимал, но поместье Эдем — все, что у меня осталось. — Что мне делать, если ты не позволишь мне вернуться? Ты, Ава, Элла, София и... и...

Я запнулась, будучи не в состоянии продолжить мысль, и вытерла слезы с глаз. Отбросив карты, Генри провел ладонью по моей щеке.

— Если ты хочешь вернуться, то я буду только рад. Это твой выбор, и если ты предпочтешь остаться здесь, вместо того чтобы жить своей жизнью... я не могу передать словами, как много это для меня значит.

— Но я живу своей жизнью, — горько продолжила я. — Я могу это делать и с тобой. Даже если это немного нетрадиционно еще не значит, что это хуже, чем жизнь в открытом мире. Это даже лучше! Гораздо.

Он заколебался.

— Ты очень добра, и я счастлив, что ты так думаешь. Но, позволю себе сказать и понадеяться, что тебя это не обидит... ты не жила, Кейт. Ни здесь и ни в реальном мире. Ты ждала смерти своей матери, а теперь, когда это произошло...

— Теперь единственное, что у меня есть, это поместье и ты. Понадобится нечто большее, чем орудуящий ножом убийца, чтобы я тебя бросила.

Вместо того чтобы начать со мной спорить, Генри широко улыбнулся. Такой улыбки я не видела со времен своей смерти.

— Отлично, значит, наши чувства взаимны. — Он поднял колоду карт. — Продолжим? Я слышал, что на шестой раз дуракам везет.

Я закатила глаза.

— Ты выиграешь, когда Ад заледенеет.

Он поднял бровь.

— Это легко устроить.

* * *

Когда совет созвал встречу накануне весеннего равноденствия, я так и не успела прийти в себя достаточно, чтобы ходить без чужой помощи. Ава и Элла помогли мне одеться, и когда они закончили, я до того устала, что отчаянно хотела залечь обратно в кровать.

— Может, они подождут еще один день, — сказала Ава, закусывая губу. Я сидела в кресле Генри и хваталась руками за голову.

— Нет, — скривилась я. — Все нормально. Просто дайте мне еще минутку.

Они заставили меня надеть белое платье, и я старалась не двигаться, чтобы не порвать швы. Единственный плюс моих ранений заключался в том, что корсет был под запретом, но это также значило, что между тканью и моими повязками было очень маленькое расстояние. Одно неверное движение, и я предстану перед советом с залитой кровью грудью.

— Хочешь, чтобы я позвала Генри? — спросила Элла. Она все еще вела себя отстраненно по отношению к Аве, но после инцидента у реки девушка решила проявить терпимость. Наверное, тот факт, что Тео и Ава опять сошлись, никак этому не способствовал, но Элла держалась молодцом. Надо отдать ей должное.

— Не стоит, — отозвался низкий голос. Я убрала руки от лица и увидела Генри в дверном проеме. — Девушки, вы свободны.

Те быстро ретировались, хотя Ава остановилась перед уходом, чтобы чмокнуть меня в щеку.

— Удачи! — прошептала она.

Генри подбежал к моему креслу прежде, чем я успела выпрямиться.

— Ты в порядке?

— По-моему, меня сейчас стошнит.

Уголки его губ приподнялись.

— Меня тоже.

Он подал мне руку, и я оперлась на него, вставая. Мне ни за что не пройти всю дорогу до зала, где назначили встречу.

— Мне обязательно быть в туфлях? — спросила я, глядя на каблуки, которые подобрала для меня Ава.

— Твое платье достаточно длинное, чтобы скрыть босые ноги, — ответил Генри. Затем замешкал и тихо сказал: — Кейт, ты уверена?

— Что не хочу надевать туфли? Еще как! Я едва могу в них ходить.

— Нет, я имел в виду... ты уверена, что не хочешь согласиться на мое предложение?

Никогда больше не видеть Генри и не возвращаться в Эдем. Я даже придумать не могла, чего бы мне хотелось еще меньше.

— Уверена, — сказала я, прислоняясь к нему. — Если не пойдём сейчас, то опоздаем. Я не в той форме, чтобы бежать по коридору.

— Не беспокойся об этом. — Он провел теплыми пальцами по моей щеке. — Ты понимаешь, какие будут последствия, если ты выиграешь и пройдешь или не пройдешь испытания?

— Если не пройду, то мне сотрут память и вернут в реальный мир. — А Генри канет в небытие. — Если пройду, то буду жить с тобой шесть месяцев в году.

— Целую вечность, если не пожелаешь окончить свою жизнь, — кивнул он. — Ты навсегда останешься такой, как сейчас, и совет наградит тебя бессмертием. Это нелегкая доля. Волей-неволей ты подружишься со смертными, но твоя жизнь продлится гораздо дольше их. Твое существование бесконечно, и, в конце концов, ты потеряешь связь с человечеством. Забудешь, каково это — жить.

Мысль о вечности пугала: она забирала единственное, что было в жизни неизменным — смерть. Но что хорошего от смерти? Она приносила лишь боль, а мне ее хватило сполна на тысячелетия вперед.

— Ну, наверное, хорошо, что моя лучшая подруга и так мертва.

— Да уж, — сухо сказал Генри. — Ты просто счастливица.

— А никто и не говорил, что будет легко. Я это понимаю.

— Именно, — его взгляд сосредоточился на чем-то, чего я не видела. — Я надеюсь, ты также понимаешь, что в случае успеха мы с тобой поженимся?

Не знаю, что именно вызвало дрожь по моему позвоночнику: радость или взволнованность.

— Да, догадываюсь. Ты же не против? В смысле, я понимаю, наши отношения развиваются слишком быстро и все такое...

Он сверкнул улыбкой.

— Нет, не против. А ты?

А я? Я не была готова стать чьей-то женой или королевой, но это значило, что мы будем вместе. Генри сказал, что я вольна заводить отношения на стороне и жить собственной жизнью те полгода, что не буду с ним. И хоть я не могла даже представить, как найду кого-то, кто мог бы посоперничать с ним, свобода выбора помогала мне избавиться от чувства, словно я попала в ловушку. Я покачала головой.

— Только если ты не заставишь меня надевать платье для церемонии.

Генри скептически на меня посмотрел.

— Как ты думаешь, почему ты в белом?

— О, — я скривилась. — Так не честно!

— Знаю, — он приобнял меня, принося утешение и уют. — Но пора уходить, иначе действительно опоздаем. Закрой глаза.

Я повиновалась, надеясь, что мой желудок перестанет скручиваться в узел, и что наше перемещение не закончится испорченным платьем. Когда я открыла глаза, мы оказались в

бальном зале. Он был пуст, не считая четырнадцати великолепных тронов, расставленных кругом еще с сентябрьского бала. Каждый был по-своему уникален: некоторые сделаны из дерева, другие из камня, серебра или золота. Один выглядел так, будто был сделан из веток и лоз, но я стояла слишком далеко, чтобы рассмотреть его внимательней.

В центре зала меня ждал пуфик. Мы появились всего в паре шагов от него, и Генри помог мне присесть, ни на секунду не выпуская моей руки.

— Удобно устроилась?

Я кивнула, и он поцеловал меня в лоб.

— Что бы ни произошло, я всегда буду рядом, даже если ты забудешь, кто я такой.

Когда он всмотрелся мне в глаза, я выдавила слабую улыбку. Материал, из которого был сделан пуфик, раздражал мне кожу, но я не осмелилась даже пошевелиться.

— Им ни за что не заставить меня забыть тебя. Что бы они ни делали.

В его глазах мелькнула грусть, прежде чем он отвернулся и отступил от меня.

— Вскоре увидимся, — сказал Генри. — Никуда не уходи.

Я моргнула, и он исчез. Чтобы скоротать время, я начала изучать троны, пытаюсь представить их владельцев. Прямо напротив меня стоял самый большой трон, сделанный из стекла. Находясь в центре круга, я до того разнервничалась, что мое сердце ускорило свое биение, а ладони вспотели. Стараясь взять себя в руки, я начала оглядываться и искать тот трон, который принадлежал Джеймсу. Явно не тот, что сделан из ракушек. Может, золотой или серебряный, или тот, что светился, как угольки...

Мысли о Джеймсе вызвали у меня головную боль, потому я закрыла глаза. Вот и настал момент истины. Больше не будет вторых шансов, и мне никак не изменить мнение совета. Как ни странно, это успокаивало. Всем испытаниям пришел конец. К счастью или нет, но я выжила. Еле-еле.

Но не моя мама, и ее смерть омрачала все события в моей жизни. Было странно находиться здесь, когда она там одна. Она была самой главной для меня, и радоваться победам после того, как я потеряла ее, казалось предательством. Я пока не смирилась с ее смертью, ведь прошла всего неделя, но боялась, что она могла подумать иначе.

Это глупо, я знаю... ведь она хотела для меня такой жизни. Стала бы она мной гордиться, если бы я провалила тесты? Отдала бы за меня жизнь, если бы знала, что это не принесет пользы?

Конечно да. Она любила меня так же сильно, как я ее. Смерти этого не изменить, как и моему провалу. Но я пройду испытания, если мне еще выпадет такой шанс. Ради нее и Генри.

От грустных мыслей меня отвлекли чьи-то далекие крики. Вдруг слева от меня запахнулась дверь, и внутрь вбежал разъяренный Генри.

— Нет! — гневно воскликнул он. — Я дал ей клятву и не собираюсь ее нарушать!

— Ты не имел права давать таких обещаний. — Я попыталась рассмотреть владельца второго голоса, но его прикрывал трон, выглядевший так, будто был сделан из воды. — Она — одна из нас и должна остаться.

— Ей больше нет места в моем доме, — прорычал Генри, от чего у меня волосы на затылке стали дыбом.

— Либо она остается, либо уйдем мы все.

Я наблюдала с круглыми глазами, как Генри бьет кулаком по стене. Весь зал вздрогнул. Я начала сползать с пуфика, но замерла, почувствовав укол боли. Сейчас мне не стоило

двигаться, к тому же, это только разозлит Генри.

— Ладно. Но она уйдет, как только все закончится.

— Договорились.

Источая ярость, Генри бросился ко мне. Затем чмокнул меня в щеку и прошептал:

— Кейт, мне очень жаль.

— Что бы ни произошло, все в порядке, — сказала я, пытаясь вспомнить, какую же он давал мне клятву, которую его могли заставить нарушить. В голову ничего не приходило.

Парень выпрямился и положил руки мне на плечи. Я чувствовала его напряжение, что только провоцировало мое собственное.

— Братья и сестры, племянники и племянницы, позвольте представить вам Кетрин Винтерс.

Я хотела было отчитать его за использование моего полного имени, но тут у меня перехватило дыхание. В зал вошла чередой людей. Я вцепилась в подлокотники и впала в полное ошеломление.

Первым шел Уолтер, одетый в простую белую мантию. За ним следовала София; поймав мой взгляд, она покраснела.

Далее Джеймс, его взгляд был направлен в пол. Я хотела отвернуться, но проследила за ним до самого трона. Его подлокотники выглядели так, словно были сделаны из двух змей. Я вздрогнула.

За ним вошла Ирен, Николас и Филипп — суровый работник конюшни.

Элла, держащая за руку Тео.

Дилан из школы Эдем. Его внешность успела стереться из моей памяти, потому я едва его узнала.

И к тому времени, как через дверь прошел Ксандер, живой и здоровый, я была слишком удивлена, чтобы задаться вопросом, как ему удалось вернуться из Преисподней.

Хватка Генри на моем плече усилилась, когда в круг вошел следующий человек, и я вдруг поняла, с чего он так злился.

Каллиопа.

Но она была не последней. Мой желудок сжался от увиденного.

Процессию замыкала Ава.

Все они встали перед своими тронами, давая мне несколько милосердных секунд, чтобы прийти в себя. Уголкем глаза я заметила, что два трона пустовали — и Уолтер занял самый большой трон из стекла — но тут зал так закружился, что я ни на чем уже не могла сосредоточиться.

— Кейт, — обратился Генри. — Познакомься с советом.

ГЛАВА 19

СОВЕТ

Мне понадобились все мои силы, чтобы продолжать дышать, пока я вглядывалась в лица совета. Друзья, враги, — но не незнакомцы, которых я ждала. В моей голове промелькнули десятки вопросов, но они сменяли друг друга так быстро, что я так ни одного и не задала. В целом, это, наверное, хорошо, но я не понимала... *это совет?!*

Я подняла взгляд к Генри, и он обнадеживающе улыбнулся. Мне это никак не помогло.

— Я буду рядом, — сказал он, прежде чем сесть на один из двух пустых тронов. Никогда не чувствовала себя более одинокой.

— Я... я не... — начала я, обрета голос. — Как... кто...

Ответила мне Ава:

— Прости, что врала тебе, Кейт... прости нас всех. Но иначе быть не могло.

— Нам нужно было понять, на что ты способна, и достойна ли этой должности, — сказала Элла уже без ноток злобы в голосе. — Тебе может показаться, что мы тебя предали, но на самом деле все не так. Мы знаем тебя достаточно хорошо, чтобы решить, подходишь ли ты, чтобы стать одной из нас.

Я сосредоточилась на Генри — на единственном человеке, которому я могла доверять.

— Значит, все было подстроено? Аву с рекой, Ксандера, Тео, Каллиопу...

— Нет, — его голос был таким строгим, что я тут же замолчала. — Не все. Прояви терпение, Кейт. Вскоре ты все поймешь.

Я была более чем рада заткнуться и позволить им все объяснить. Если раньше я беспокоилась, то сейчас впала в истерику. Глянув на Джеймса, я заметила, как он отводит глаза. Сквозь другие эмоции плавно начала просачиваться обида, и я сжала руки в кулаки. Что бы Генри ни говорил, это никак не могло быть совпадением. Все, кого я знала в Эдеме, находились в этом зале.

— Прежде чем мы начнем, — сказал Генри, обращаясь к совету, — я хотел бы решить один вопрос.

Каллиопа, сидевшая справа от меня, выступила вперед. Вид у нее был обозленный.

— Сестра, — громоподобно отозвался он, и его слова прокатились эхом по залу. — Ты призналась в холонокровном убийстве по крайней мере одиннадцати смертных за прошедшую сотню лет. Ты признаешь себя виновной?

Она шмыгнула носом и прищурилась.

— Да.

Генри посмотрел на меня, и мое сердце забилося чаще.

— Кейт, поскольку ты единственная выжившая жертва, ее наказание предоставляется на твое усмотрение.

Я ошеломленно переводила взгляд с Каллиопы на Генри, пытаюсь понять, не шутка ли это. Но нет.

— Я не... — запнулась я. Как мне это сделать? Глубоко вдохнув, я тихо сказала: — Э-э, какие есть варианты?

— Все, что пожелаешь, — ответил Генри, окинув Каллиопу тяжелым взглядом.

Я открыла и закрыла рот. В этом и состояла моя работа, не так ли? Та, на которую я предположительно подписывалась. Решать судьбы людей. Если я не могу с этим справиться,

будучи той, кого она пыталась убить, то как мне решать за людей, которых я никогда не встречала?

Взглянув на бледное лицо Каллиопы, я поняла, что не знакомство с ней заставило меня замешкаться. А понимание, почему она так поступила. Она любила Генри и, как и я, не хотела больше видеть его страданий. Терпеть Персефону, зная, что она его не любила, наблюдать, как он переживает ее уход... а затем носиться с девчонками, которые должны были занять место Персефоны, когда Каллиопа полюбила его первой? Никто не мог быть достаточно хорош для него, ведь она всегда была рядом и ждала, пока он ее заметит. Это не оправдание убийству, но я понимала ее желание стать той, кто осчастливит Генри.

Я осторожно подбирала слова, глядя ей прямо в глаза. Девушка стояла напротив меня и бросала такие взгляды, словно жаждала снова попытаться меня убить.

— Знаю, я тебе не нравлюсь. Ты считаешь меня недостойной Генри и хочешь, чтобы он был с тобой. Я тебя понимаю. Понимаю, что ты любишь его и желаешь ему счастья. Понимаю, что ты наверняка считала моих предшественниц слишком глупыми, жалкими или самовлюбленными, чтобы любить его, как любишь ты. И я знаю, что иногда любовь толкает людей на необдуманные и опасные поступки.

Я покосилась на Генри, но его лицо ничего не выражало.

— Я не могу наказать тебя вечной пыткой или чем бы там ни было просто за то, что ты кого-то полюбила и попыталась защитить. Хоть ты и воспользовалась неправильными методами, я понимаю, что ты пыталась сделать. И из-за этого мне очень-очень сложно.

Я снова посмотрела на Генри — на сей раз он уставился в пол.

— Я хочу, чтобы ты провела время с каждой девушкой, которую убила, — сказала я ломающимся голосом. — Чтобы ты их узнала и начала ценить за то, кем они есть. Я хочу, чтобы ты оставалась с каждой из них, пока не постигнешь их индивидуальность. Я не могу заставить тебя полюбить их, но ты должна уважать и ценить их как личностей. Никакого притворства. Твои чувства должны идти от души. Ты должна загладить свою вину перед ними.

Каллиопа посмотрела на меня с такой яростью, что я сразу оценила степень своей везучести — ведь после такого взгляда только чудом можно остаться в живых. Злить богиню — не самый лучший способ продлить свою жизнь, но я верила, что Генри не позволит ей превратить меня в кучку пепла.

— Когда все это случится — и они простят тебя за совершенные грехи, — тогда ты сможешь зажить своей жизнью. Но после сегодня ты больше никогда не увидишь ни Генри, ни меня. Не потому, что я хочу тебя обидеть, и не потому, что ненавижу тебя. Это не так. Как я сказала, в каком-то смысле я понимаю, почему ты совершила эти поступки. Но мы больше не можем тебе доверять.

Хоть я и была уверена в справедливости своего решения, оно казалось жестоким. Каллиопа любила Генри. Возможность того, что мы никогда больше с ним не увидимся, терзала мне душу, а ведь я знала его всего полгода. Как я могла быть спокойной, разделяя ее с человеком, которого она любила, до конца ее вечного существования?

— И я хотела дать тебе знать, что я тоже его люблю, — тихо добавила я. — Если... если я пройду испытания, то никогда не обижу его, как Персефона, и сделаю все возможное, чтобы он был счастлив. Обещаю.

Прошли долгие пару минут, прежде чем Каллиопа хоть как-то отреагировала. Я отчасти ожидала, что она начнет орать и вопить о моей несправедливости, но вместо этого она

кивнула, и ее глаза наполнились слезами. Шагнув назад к своему трону из подушек и кружев, она присела, и вид у нее был такой, словно я вырвала сердце ей прямо из груди. Я чувствовала себя самым ужасным человеком на свете. Единственное, что удерживало меня от того, чтобы взять свои слова обратно, была боль в животе, куда она пырнула меня ножом.

— Итак, решение принято, — сказал Генри мрачным и довольным голосом. — Я буду отстаивать приговор Кейт, независимо от решения совета.

— Как и я, — слабо вставил Джеймс. Я почувствовала укол жалости по отношению к нему, но никак не могла улучшить ситуацию, учитывая, что она была за гранью моего понимания.

Генри вернулся на трон, и несколько секунд никто не говорил. Я опустила взгляд на колени, боясь увидеть выражения их лиц. Была ли я справедлива к Каллиопа? Или они тоже считали меня слишком жестокой?

— Кетрин Винтерс, — обратился ко мне Уолтер. Когда он встал, я подняла голову. — Тебе было отведено семь испытаний, которые нужно было пройти в течение всего времени, что ты прибывала в поместье Эдем. Если ты не прошла хоть одно из них, то вернешься домой и будешь жить дальше без воспоминаний об этих шести месяцах. Если же прошла, то выйдешь замуж за нашего брата и будешь править с ним его царством столько, сколько пожелаешь. Ты согласна?

Больше отступать некуда.

— Да.

Ирен встала, ее волосы вспыхнули в ярком свете.

— Кейт прошла испытание на лень. — Она лукаво улыбнулась. — Твои методы самообучения оказались очень вдохновляющими.

Это ли имел в виду Генри, когда сказал, что я не смогу провалить этот дурацкий тест после того, как чуть не померла, пока к нему готовилась? Наверное, да. Но не может же быть все так просто!

Следующей была София. Она смотрела на меня с теплотой и материнской любовью. Трудно представить, что она могла быть частью чего-то столь пугающего и важного.

— Кейт прошла испытание на алчность. — Должно быть, она заметила мое недоумение, и, улыбнувшись, добавила: — Твоя одежда, дорогая. Когда тебе предоставили новый гардероб, ты без колебаний разрешила друзьям брать твои наряды.

Я облегченно выдохнула. Видимо, не любить платья было достоинством.

— Чревоугодие, — сказала Элла, вставая. Я нахмурилась... из всех них на это испытание больше всего подходила Каллиопа. — Хоть Кейт и узнала, что это испытание, и большую часть времени провалялась без сознания, она все же приняла добровольное решение перестать есть. — Девушка подняла бровь. — Но я бы рекомендовала три приема пищи в день за пределами этих стен.

Следующей встала Ава, по-детски улыбаясь во весь рот.

— Что насчет зависти, то Кейт прошла это испытание с честью.

— Зависть? — переспросила я ломающимся голосом, пытаясь понять, что же это был за тест.

— День, когда умер Ксандер. — Она кинула на него виноватый взгляд, и он подмигнул. — Ты не позволила ревности помешать своему решению. В смысле, не то чтобы ты завидовала... в этом и заключается весь смысл. Ты была справедлива и терпелива ко мне, хоть я этого и не заслуживала.

Значит, Ксандер — или кто он там — действительно был убит. Что бы с ним ни сделали, я уверена, что боги не могут умереть. Меня немного успокоило, что не все за эти полгода было прописано заранее.

Следующей встала Каллиопа, бледная и потрясенная, но ее голос прозвучал на удивление четко:

— Гнев, — ее взгляд встретился с моим. На секунду мне показалось, что я увидела намек на улыбку на ее губах, но он тут же исчез. — Кейт прошла испытание, вынеся сегодняшний приговор относительно моих действий.

Я была уверена, что поступок Каллиопы тоже не был запланированным, а это значит, что не все испытания были продуманы заранее. Каким бы оно было, не попытайся она меня убить? В любом случае, пять есть, два осталось.

Дальше встал Уолтер.

— Похоть, — сказал он, и мое сердце ухнуло. Он не может не засчитать его. Они же должны знать, что во всем виновата Каллиопа! — Ты была уличена в похотливых отношениях с нашим братом, что строго запрещено до решения совета и свадьбы. — Он поджал свои тонкие губы, и мне стало трудно дышать. Разве он не понимал, что нас подставили? Должна быть какая-то лазейка, которая заставит их простить нас за ту ночь.

— Но... — начала я, но Уолтер меня перебил.

— Мне жаль, Кетрин, но ты не прошла испытание на похоть.

Не прошла.

Слово бесконечно отзывалось эхом в моей голове. Зал закружился, и лишь моя железная хватка на пуфике спасала меня от падения. В груди заныло, и воздух начал сдавливать меня со всех сторон, мешая сделать вдох.

Этого просто не может быть.

— Брат, — сказал Генри напряженным голосом. — Я хотел бы оспорить решение совета по этому вопросу.

— Да? — отозвался Уолтер. Я с надеждой переводила взгляд с одного на другого, пытаюсь не впадать в отчаяние. Еще не все кончено.

— Как тебе известно, испытание было саботировано. Нам обоим дали большую дозу афродизиака, влиявшего как на разум, так и на тело, а также на нашу сдержанность. Если кто и виноват в той ночи, то это я.

— Нет, — тихо вклинилась Каллиопа. — Это я. Я это сделала. Мне казалось... мне казалось, если они провалят тест...

Уолтер нахмурился.

— Да, я в курсе. Но вы также знаете, что наши правила нельзя нарушать. Вне зависимости от обстоятельств.

Генри вздохнул, и что-то внутри меня сломалось. Он выглядел таким же подавленным, как и я, и боль отражалась на его лице. Когда он взглянул на меня, я ощутила истинную агонию. Его глаза накрылись пеленой страдания, и я уже видела, что он сдался. Из-за меня Генри обрел надежду. Он пытался, потому что я его заставила, и это моя вина, что теперь он раскаивается. Это моя вина, что ему так больно.

— Нет, — выпалила я. — Генри этого не заслуживает. Каллиопа сама призналась в своей вине, ее поступок был намеренным. Вы не должны засчитывать этот случай. Не должны.

— Боюсь, это не тебе решать, — Уолтер снова нахмурился, и, не взирая на доводы

рассудка, я не сдержалась и злобно на него посмотрела.

— Он ваш брат, и если вы это сделаете, то он умрет... или канет в небытие. Мне плевать, насколько строгие ваши правила. Если вы любите его так же сильно, как и я, то не можете называть это *справедливостью*.

— Дело не всегда в справедливости. — Голос Уолтера оказался неожиданно мягким, а выражение лица — сострадательным. — Несмотря на свидетельства об обратном... — он посмотрел на Аву, и она закатила глаза, — ...мы не терпим похоти.

— Но это была не похоть! — я сгруппировалась и попыталась встать, и грудь кольнуло болью, но я отказывалась верить, что это конец. — Я не виновна в похоти, потому что люблю его! Нельзя обвинять меня в чем-то, чего я не делала, когда это значит, что Генри умрет. Все другое — пожалуйста... делайте со мной, что хотите, мне все равно. Но не наказывайте Генри, — слезы застилали мне глаза. — Прощу вас. Я сделаю все, что угодно.

— Кейт, — позвал Генри. Его лицо было искажено гримасой, а плечи напряжены, словно он пытался взять себя в руки. — Все нормально.

— Вовсе нет. Это не честно!

— Кетрин, — обратился Уолтер. — Ты сказала, что готова на что угодно, но не делаешь единственной вещи, о которой мы тебя просили.

— Какой? — я вытерла щеки рукавом платья.

— Ты принимаешь свой проигрыш и его последствия?

Нет, конечно нет. Это — жестокая шутка, издевательство над правосудием. У нас с Генри наконец появился шанс быть счастливыми, и мы его потеряли. Я не могла смотреть на него или на кого-либо другого, не желая видеть их разочарование.

— Я принимаю решение совета относительно меня. И понимаю, что это значит. — Лучше них самих, судя по всему. — Но я не считаю справедливым, что вы переносите мой провал на Генри, и если я могу хоть как-то изменить ваше мнение, то я это сделаю.

Уолтер окинул меня изучающим взглядом, и было в этом что-то настолько пугающее, что я задумалась, не собирается ли он наказать меня, или что там делают боги с людьми, которые им не нравятся.

— Ты провалила испытание, Кетрин. Что бы ты ни сказала и ни сделала, этого не изменишь.

Я часто заморгала, пытаюсь собраться. Мне не хотелось, чтобы последнее воспоминание Генри обо мне было таким. Повернувшись в пуфике, я осмелилась взглянуть ему в глаза и выдать слабое:

— Прости.

Он отвернулся, и не мне его винить. Я проиграла, а ему за это расплачиваться.

Разрываясь между гневом и отчаянием, я почувствовала, как комната сжимается вокруг меня, нанося один смертельный удар за другим. Больше всего мне хотелось вернуться назад во времени и все изменить. Генри заслуживал гораздо большего, но я не справилась со своей задачей, несмотря на все старания.

Тишина разносилась эхом по залу; никто ничего не говорил и не делал. Прошли секунды, но они казались часами. В моем животе поселилось горькое разочарование, и в голову пришла единственная рациональная мысль: что теперь?

Звук, донесшийся сзади, вернул меня в реальность, и я попыталась обернуться, но любое движение вызывало пожар в моей груди. Я услышала звук закрывшейся двери и тихий стук каблучков по мраморному полу.

— Сестра, — сказал Генри, и его голос наполнился теплотой, из-за которой моя боль отступила. Всмотревшись в лица советников, я увидела счастье и облегчение. И самодовольство, как заметила я, глядя на Аву. Даже Джеймс выражал радость.

— Здравствуй, Генри.

Весь воздух вышел из моих легких, когда ее голос отозвался у меня в голове, прогоняя все мысли, пока не осталось одной. Позабыв о боли, я вытянула шею, чтобы увидеть ее, наблюдая, как она приветствует всех, кроме Каллиопы, улыбкой и поцелуем в щеку. Обойдя круг, она дошла до Генри и шагнула в его распростертые объятия.

Долей сознания я понимала, что откровенно плююсь на происходящее, но уже не могла остановиться. Она отошла от Генри и заняла соседний трон, сделанный из веток и лоз, который ранее пустовал. Все стало на свои места.

— Привет, Кейт, — поздоровалась она, и я открыла и закрыла пару раз рот, но ничего не смогла ответить. Наконец, я сглотнула и сказала хриплым голосом:

— Привет, мама.

ГЛАВА 20

ВЕСНА

Мама выглядела точно так же, как в моих снах. Целая и здоровая, словно никогда и не болела. Но что-то в ней, какое-то неопределимое качество, заставляло ее сиять изнутри, как если бы из нее рвался поток света.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, хоть ответ был очевиден. Единственное, что сдерживало меня от едких высказываний, была радость встречи, но даже ее быстро сменило недоумение.

— Прости, — сказала она с той же сочувствующей улыбкой, которую я видела на ее лице тысячу раз прежде. Когда я царапала колени, когда мне задавали кучу домашней работы в школе и я едва успевала поужинать, когда доктор сказал нам, что ей осталось всего пару месяцев. В каком-то смысле она была для меня незнакомкой, но эта улыбка все еще принадлежала моей маме. — Только обманом мы могли тебя испытать. Я никогда не хотела тебя обидеть, милая. Все, что я делала, было ради твоей защиты и счастья.

Я знала, что она говорит правду, но не могла не чувствовать себя униженной. Меня обвели вокруг пальца. Даже если это было ради моего блага, это не уменьшало степени моего идиотизма. Как я могла не догадаться, кто она такая?

Моя родная мама была богиней. С этим фактом не так уж просто смириться.

— Диана, — позвал Уолтер, и она шагнула ко мне. Белоснежная шелковая мантия струилась при каждом ее движении, словно она была под водой. Мама стояла недостаточно близко, чтобы я могла ее коснуться, но даже с такого расстояния я увидела, что ее глаза блестели. Было ли это от слез, гордости или власти, как у Генри с его лунными глазами, я не знала.

— Кейт прошла седьмое испытание — гордыня и покорность, — улыбнулась она.

Я не понимала. Решение уже принято, разве не так? Я не могла провалить ни одного испытания. Уолтер сам так сказал. Я ждала какого-то объяснения, но никто не спешил его давать.

— Кто согласен? — спросил Уолтер.

Я быстро переводила взгляд с одного советника на другого, но они были невозмутимы. Ава, Элла, даже Генри не давали никаких подсказок о том, что происходит. Один за другим они высказывали свое согласие. К моему удивлению, Каллиопа, выглядевшая такой бледной и несчастной, что я не могла не проявить к ней сочувствия, тоже кивнула.

Они говорили мне «да». Это голосование. Даже несмотря на то, что я переспала с Генри, каким-то чудом мне удалось не провалить испытание. Но когда пришел черед Джеймса, у меня перехватило дыхание — я была уверена, что он покачает головой.

Он кивнул, не глядя на меня. Остальные продолжили голосовать, но я не могла отвести от него взгляда, и когда парень наконец поднял голову, я произнесла одними губами: «спасибо».

— Значит, решено, — объявил Уолтер, когда пришла его очередь. — Кетрин Винтерс будет награждена бессмертием и выйдет замуж за нашего брата, чтобы править с ним Преисподней столько, сколько пожелает. — А затем он улыбнулся, и его древние очи заблестели. — Добро пожаловать в семью. Заседание совета окончено.

Я одновременно чувствовала недоумение и ошеломление, дожидаясь, пока совет

встанет и направится к выходу. Некоторые из них — Элла, Николас, Ирен, София и даже Ксандер — сжимали мне плечо или выражали свои поздравления, когда проходили мимо. Ава широко улыбалась. Другие, в особенности Каллиопа, ничего не сказали при уходе. Джеймс тоже молча вышел, его плечи были сторблены, а голова опущена. Вспомнив о его кивке и подумав, чего это ему стоило, мне захотелось позвать его, но я сидела, как окаменевшая, и боялась даже шевельнуться, чтобы не разрушить момент, который казался попросту хорошим сном.

Вскоре нас осталось только трое. Я, Генри и моя мама. Как только остальные ушли, она встала и без лишних слов нежно обняла меня. Я уткнулась подбородком ей в плечо и закопалась носом в волосы. Яблоки и фрезии. Это действительно она.

Не знаю, как долго мы обнимались, но к тому времени, когда мама меня отпустила, у меня болела грудь, и я соскользнула с пуфика. Она помогла мне устроиться, но тут в поле моего зрения попал Генри, стоящий в паре шагов от нас.

— Что... — я умолкла и прочистила горло, злясь из-за слабости в своем голосе. — Что это было?

Генри шагнул ко мне, и они с мамой осторожно помогли мне подняться.

— Ты прошла все испытания, — ответил он. — Надеюсь, ты довольна.

«Довольна» — не совсем подходящее слово. Растерянная — да. Потрясенная — еще как! И я не буду довольна, пока не пойму, что произошло.

— Он сказал, что я проиграла, — заметила я, качаясь на ногах. — Как же я могла пройти после этого?

— Это было седьмое испытание, милая, — ответила мама. — Ты прошла испытание на похоть. Даже если бы ты не любила Генри, он убедился, чтобы всем нам стало известно о случившемся. Это был единственный способ испытать твою гордость. Приняв свое поражение, несмотря на желание остаться, и уважив решение совета, ты проявила покорность.

— И, проявив ее, ты прошла последнее испытание, — закончил Генри.

— Итак... — я остановилась, злясь из-за своей медлительности и глупости, но все выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой. — Что это значит? Что теперь будет?

Генри прокашлялся.

— Это значит, что, если ты согласишься, мы поженимся на закате.

Поженимся на закате. То, что казалось надуманной фантазией всего пару часов назад, теперь давило на меня надвигающейся реальностью, летящей ко мне быстрее, чем я могла убежать.

Не то чтобы я этого хотела. Разве не к этому я стремилась? Не стать чьей-то женой, а дать Генри шанс? Дать ту же надежду, которую я жаждала для себя? А теперь, когда мама здесь, даже если она не совсем тот же человек, все мы получили свою награду, не так ли?

Нет... не все. Каллиопа не получила награды, как и Джеймс. Чтобы сохранить жизнь и счастье Генри, чтобы вернуть мне маму, им пришлось проиграть. Каллиопа сама была виновата, но Джеймс... чем ему пришлось пожертвовать ради моего блага?

Я внезапно поняла, что Генри и мама пялятся на меня. Каким-то чудом нам удалось пройти через весь зал, и теперь мы остановились в дверном проеме из широких дубовых дверей, распахнутых настежь.

— Да, конечно, — сказала я, краснея. — Прости, я задумалась... конечно, я все еще хочу этого.

Только когда Генри расслабился, я заметила, насколько он был напряженным.

— Рад слышать, — сказал он с искренним облегчением. — Можно поинтересоваться, о чем ты так задумалась?

Я не хотела признаваться, что беспокоилась о Джеймсе, на случай, если для него это все еще было больной темой, потому в ответ задала вопрос, который не покидал мои мысли с тех пор, как Ава прошла сквозь эти двери.

— Все это было подстроено?

Наступило неловкое молчание, и мама с Генри обменялись взглядами, словно им и этого хватало, чтобы понять друг друга. Не так уж это и невозможно. Я закусила щеку, злясь из-за их недоговорок.

— И да, и нет, — ответила мама. Мы продолжили медленно идти по коридору, и каждый шаг приносил мне больше боли, чем предыдущий, но в данный момент меня не особо беспокоили мои травмы. — После десятилетий в ожидании новой королевы, когда Генри понял, что его поиски не увенчиваются требуемым результатом...

— Я собирался сдать, — перебил он. — Каждая девушка проваливала испытания еще до их официального начала, а если они и показывали некие продвижения, то сразу же умирали. Теперь мы знаем, в чем была причина, но я не могу передать тебе словами, как больно мне было наблюдать за смертями этих юных женщин, зная, что это моя вина. Я не мог ставить под угрозу кого-либо еще и собирался положить конец испытаниям.

— А я настаивала, чтобы он продолжал искать, пока не останется времени, — сказала мама. — Мы нашли компромисс. Персефона... — что-то в ее лице изменилось, и на долю секунды я увидела стыд. — Персефона была моей дочерью. Твоей сестрой. Это моя вина, что она была несчастна, а впоследствии и Генри.

— Ты не виновата, — тихо и уверенно заявил он. — Вина лежит только на мне. Это я не смог сделать ее счастливой...

— Начнем с того, что именно я свела вас вместе, — вставила мама. — Не спорь со мной, Генри. Серьезно.

Он замолчал, но мне показалось, что на его губах промелькнул намек на улыбку.

— Как я и говорила, прежде чем меня грубо перебили, — она провела рукой по моим волосам, и я поняла, что она всего лишь шутит. — У тебя всегда был выбор, милая. Если бы ты не захотела этого делать, мы бы приняли твое решение и продолжили поиски. Ты всегда контролировала свою жизнь — мы лишь предложили тебе новые возможности.

В моем горле появился комок, стоило представить, как бы все сложилось, если бы я не согласилась.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Это дало бы тебе несправедливое преимущество. Решение должно было быть исключительно твоим, а не сделанным под моим влиянием или автоматически откинутым в сторону, потому что ты знала, во что ввязываешься. Кроме того, — нежно добавила она, — даже если бы я тебе сказала, ты бы мне поверила?

Конечно же нет. Когда я выйду в реальный мир, кто поверит, если я расскажу, где проводила зиму? Никто в здравом уме, это точно.

— Эдем вообще существует? Все в нем, даже Ава и Дилан... они входили в часть плана?

— Существовал лишь те две недели, что ты там жила, — вклинился Генри. — Если ты решишь вернуться на место, где раньше был город, то увидишь лишь поля и деревья. Прости за этот обман.

Я поджала губы, пытаюсь придумать достойную речь, а не лепет обиженной двенадцатилетней девочки.

— Просто... больше так не делайте, ладно? — я переводила взгляд с него на маму. — Больше никакой лжи и недоговорок.

К моему удивлению, мама рассмеялась, но смех показался мне неродным. Он состоял из странной комбинации звуков — булькающего ручья, стрекота сверчков и, каким-то чудом, первого дня весны. Невероятно!

— Конечно, — сказала она, да с такой любовью в голосе, что она наполнила меня и облегчила боль на следующие пару шагов. — Итак, прежде чем мы перейдем к теме свадьбы... У тебя есть еще какие-то вопросы?

Свадьба. Мне сдавило горло, лишая возможности говорить.

— Да, — прохрипела я. — Что это за имя для богини такое — Диана?

Она снова рассмеялась, и мне стало легче.

— Элла не сильно обрадовалась, когда я решила взять ее римское имя, но ей оно не нравилось, а вот мне давно приглянулось. Спустя многие годы все мы почувствовали необходимость в новых именах.

— Которые будут совпадать с местом и временем, в котором мы живем, — сказал Генри. — Мы — самые известные боги в греческой мифологии, и все знают нас по греческим именам.

— Но настоящих у нас нет, — кивнула мама. — Мы были созданы до их появления.

— И продолжим жить после их исчезновения, — закончил Генри.

Мама покосилась на него.

— По крайней мере, некоторые из нас.

Ее слова напомнили мне о Джеймсе, и как бы я ни старалась не думать о нем, он упорно продолжал маячить у меня перед глазами.

— Значит, вы действительно олимпийцы?

— Все тринадцать, — ответила мама. — Плюс Генри, когда он в хорошем расположении духа.

Тот хмыкнул, а я нахмурилась, пытаюсь разгадать эту загадку.

— Тогда... кто есть кто? В смысле, я знаю кто вы двое, Аид и Деметра... а все остальные?

— То есть, ты еще не догадалась? — спросил Генри. Я окинула его злобным взглядом.

— Не все мы всеведущи, знаешь ли.

— Как и мы, — в его глазах вспыхнули искорки веселья.

Я закусила губу и призадумалась.

— Наверное, я смогла бы угадать, но не всех, — я покачала головой. — Олимпийцы. Это... — Невероятно. — Могли бы и предупредить!

Должно быть, мой голос прозвучал более недовольно, чем я планировала, поскольку мама обняла меня крепче и закопалась носом в мои волосы.

— Как бы меня ни звали, и кем бы я ни являлась, я все равно твоя мама и очень-очень тебя люблю.

Я кивнула, но не смогла ничего ответить. Она была моей мамой, но ее смех не звучал, как лучи солнца. *Моя* мама пожертвовала ради меня жизнью, а то, что от нее осталось, было холодным и неподвижным. Это же создание было теплым, веселым и куда более сильным, чем когда-либо буду я.

— Пойдем, — позвал Генри, явно почувствовав смену моего настроения. Мы остановились перед роскошными резными дверями, изображающими Землю и подземный мир. У меня перехватило дыхание. Это была спальня Персефоны.

— Генри? — обратилась я, но он покачал головой и ответил лишь улыбкой. Я застенчиво потянула за белые кружева моего платья, поглядывая, не протекла ли кровь сквозь мои повязки.

Двери распахнулись, и вместо святыни, которой выглядела эта комната всего месяц назад, она оказалась пустой, не считая небольшой белой арки, украшенной ромашками. Сбоку стояли девять членов совета, все, кроме Каллиопы и Джеймса, а под самой аркой нас ждал Уолтер.

— Надеюсь, это тебе подойдет, — сказал Генри. — Я не знал, может, ты захочешь чего-то более изысканного.

— Нет, — выдохнула я. — Все прекрасно.

Мама взяла меня за руку, ее глаза заблестели от слез.

— Моя девочка.

И хоть я не хотела ее покидать, мое время пришло. Теперь это — моя жизнь, и мама всегда будет частью нее, но уже не центральной. Таких изменений я не ожидала, но, как ни странно, последние полгода подготовили меня к ним.

Я отпустила ее руку, и мама отошла к остальным советникам. Генри повел меня в арку, и когда Уолтер заговорил, взгляды всех присутствующих были направлены на нас. Мы с Генри повторили наши клятвы, после чего Уолтер, говоря с таким непоколебимым авторитетом, что, казалось, даже стены поместья затряслись, объявил нас мужем и женой.

Генри наклонился, чтобы поцеловать меня, и в этот момент я почувствовала жар на своих губах, распространяющийся по всему телу, а затем его сменила приятная прохлада, и боль исчезла. К тому времени, как Генри отстранился, мое тело вновь было целым, здоровым и таким сильным, как никогда прежде. Но не это было важно, а то, как он смотрел на меня, словно сейчас он был самым счастливым человеком на свете. В глубине души я знала, что уже никогда не буду одинокой.

* * *

Брачную ночь мы провели в моей спальне, играя в карты и изо всех сил пытаясь избежать разговоров о том, что будет завтра. Это была моя последняя ночь в Эдеме, и хоть я знала, что вернусь через полгода, все равно настроение у меня было скверным. Для Генри полгода — это ничто, но для меня они растягивались в вечность, без конца и края.

Брак на один день, а на следующий — расставание. Почему-то это казалось нечестным. Я знала, что могу вернуться раньше, если захочу, но мама настаивала, чтобы я провела свое первое лето без Генри.

На следующее утро мы заказали завтрак в постель. Я сидела в пижаме на одной части кровати, а Генри — на противоположной. Теперь, когда наступила весна, мне снова разрешили есть, и хоть я не была голоднее обычного, я накинулась на блинчики с таким непривычным рвением, что испачкала себе все лицо. Генри, похоже, не возражал; парень периодически наклонялся и слизывал сироп с моих губ, улыбаясь, когда я краснела.

Сборы практически не заняли времени, и не успела я моргнуть глазом, как уже стояла

перед членами своей новой семьи на извилистой тропинке, ведущей к воротам. Каллиопа снова отсутствовала, но именно пустое место Джеймса смутило меня больше всего.

Один за другим они обнимали меня на прощание, даже грубоватый Филипп, от которого пахло лошадыми. Вид у него был такой, словно он мечтал находиться где угодно, кроме как здесь, и не наблюдать за этим сентиментальным, слезливым зрелищем. Не успела я дойти до Авы, как та уже заплакала и обняла меня так крепко, будто не намеревалась отпускать.

— Ох, Кейт... я буду скучать по тебе!

— И я по тебе. — Что бы между нами ни произошло за зиму, я надеялась, что ее слезы означали, что девушка меня простила, и мы увидимся вновь, когда я вернусь весной. — Однажды тебе придется рассказать мне все подробности того, что здесь происходило.

Она кивнула, не в силах сказать ни слова, и, обнявшись напоследок, мы отпустили друг друга.

Следующей шла мама. Она спокойно грелась в лучах солнца, и, казалось, светила изнутри. На мгновение я побоялась к ней прикоснуться. Но мама не мешкала, сжав меня в объятиях и целуя в щеку.

— Повеселись там, — пожелала она, но по блеску в ее глазах я поняла: она ожидала, что я выполню свою часть сделки. Я уеду на шесть месяцев, но это последнее лето, когда я буду прислушиваться к ее указаниям. — Поживи смертной жизнью, пока есть возможность.

Не уверена, что смогу ею наслаждаться, зная, что ждет меня осенью, но все равно кивнула.

— Люблю тебя, — внезапно выпалила я, едва сдерживая слезы. Мама посмотрела на меня, и на долю секунды мне почудилось, словно мы единственные люди в мире. Но это чувство быстро прошло, и затем наступила очередь Генри.

Я не знала, что сказать, потому просто закинула руки ему на шею, а он прижал меня к себе. Теперь я рыдала в открытую, размазывая макияж, на который уговорила меня Ава этим утром, но мне было плевать.

— Позаботься о Пого, ладно? — шмыгнула я, вытирая глаза.

— Мы с Цербером приглядим за ним, — сказал он, не сводя с меня глаз. — Кейт... что бы тебя ни ждало за этими воротами, помни, что летом ты вольна делать, что пожелаешь. — Его голос был напряженным, но он пытался это скрыть. — Это не мое дело, как ты решишь распоряжаться своим временем.

— Знаю, — ответила я. — И я также знаю, что мои чувства не изменятся со временем года. Поэтому, если ты не против, я буду придерживаться своей клятвы. — Я выдавила обнадеживающую улыбку. — От меня не так просто избавиться.

Он тоже ответил улыбкой.

— Не передать тебе словами, как я счастлив это слышать, но это все равно не меняет...

— Генри, — перебила я. — Хватит об этом. Нравится тебе это или нет, но ты застрял со мной, так что привыкай.

Он замешкал, но, наконец, сдался.

— Как только я тебе понадобится, то сразу же окажусь рядом. Даю тебе слово.

Я кивнула, и он прижался губами к моему лбу. Поцелуй был настолько скромным, что я засомневалась, попрашивается ли он со мной как следует. Судя по всему, нет. По крайней мере, не под присмотром моей мамы.

— Я буду ждать твоего возвращения, — сказал он. — Люблю тебя.

На сей раз мне ничего не привиделось; Генри действительно это сказал, и не из-за какого-то испытания или обязанностей. А потому, что всерьез так думал. Что-то внутри меня растаяло, и я почувствовала, что сейчас взорвусь.

— И я тебя.

Тут он взял мое измазанное макияжем лицо в руки и страстно поцеловал. Я попыталась продлить поцелуй, но Генри отстранился. Пришло время уходить.

Я поплелась по тропинке, оглядываясь через плечо каждые пять секунд. Присутствие Генри тянуло меня обратно, но я знала: чем быстрее уйду, тем раньше вернусь. Теперь это мой дом, и меня ничто не остановит.

Дойдя до вершины небольшого холма, скрывающего вид на поместье от окружающего мира, я развернулась и помахала, с удивлением заметив, что на улице остался только Генри. Он помахал в ответ, и я заставила себя двигаться дальше.

В поле моего зрения появились ворота, а с ними и то, что заставило меня замереть на месте. Внезапно я поняла, почему Генри так настоятельно напоминал мне, что летом я вольна делать, что захочу.

Джеймс прислонился к той же машине, на которой подвозил меня в поместье, и на нем были те же забавные наушники, которые я помнила с сентября. Единственное, что изменилось, это отсутствие улыбки на лице.

Я скользнула через ворота и замешкала, не зная, что сказать. Парень молча обошел машину, чтобы открыть передо мной дверь, и я поблагодарила его. Только когда мы поехали по гравийной дороге, я наконец набралась храбрости, чтобы поговорить по душам. И все равно мой голос больше напоминал писк:

— Прости меня, — сказала я, так сильно сжав руки, что костяшки побелели. — За все.

— Не стоит, — он завернул за угол, и изгородь поместья пропала из виду. — Ты сделала, что должна была, как и Генри. Как и совет. Я все равно знал, что у меня мало шансов, после того, как познакомился с тобой.

Я поджала губы, не зная, чем разбавить тишину. Наверное, это предполагалось как комплимент, но чувство вины все равно пожирало меня изнутри.

— Ты же еще долго проживешь, верно? Завтра не наступит конец света?

— Не знаю, — ответил Джеймс, и на секунду я увидела в нем намек на парня, которому нравилось строить домики из картошки фри. — С Каллиопой на свободе все возможно.

Откинувшись на сидение, я начала расслабляться. По крайней мере, в нем еще что-то осталось от моего старого доброго друга.

— Куда мы едем?

— В одно место, которое, как мне кажется, тебе стоит навестить, прежде чем ты уедешь на лето.

Когда стало ясно, что он не будет вдаваться в детали, я начала смотреть в окно, пытаюсь придумать тему для разговора, которая не заденет наши чувства.

Генри говорил правду. То, что однажды было главной улицей в Эдеме, превратилось в грязную дорогу, окруженную деревьями, а на месте школы не было ничего, кроме чистого поля. Хоть я и проучилась там всего пару недель, меня все равно это задело. Пути назад нет, не к моей обыденной жизни, и я не была морально готова к таким потерям.

К тому времени, как мы доехали до места назначения, я увидела признаки цивилизации. Это, конечно, не Нью-Йорк, но и не лесная чаща. Вокруг больницы, где однажды лежала моя мама, стояло несколько небольших домиков. Я огляделась, пытаюсь увидеть что-то знакомое,

но кругом были лишь небольшие заводы, церквушки и продуктовые магазины.

Джеймс проехал через железные ворота, и стоило мне понять, где мы, как у меня округлились глаза. Я слышала, как хрустит гравий под колесами машины, пока мы плавно ехали по дороге, остановившись только через четверть мили.

— Пошли, — сказал он, открывая дверь. — Я хочу показать тебе кое-что.

Я вышла и уставилась на кладбище, на надгробия и статуи, выступающие над пожелтевшей травой. Некоторые были новыми, на них с легкостью читались имена, пока другие, мимо которых мы проходили, были такими старыми и грязными, что на них едва можно было различить гравюры. Джеймс держался от меня на небольшом расстоянии, засунув руки в карманы, словно боялся ко мне прикоснуться, а я медленно брела за ним, пытаясь избежать луж из грязи и тающего снега.

Он остановился перед новой могилой — у нее даже не было надгробия. Лишь временная табличка с именем, написанным черным маркером. Джеймс отшагнул в сторону, чтобы я могла ее разглядеть, но в этом не было необходимости. Я в точности знала, где мы находимся.

— Диана Винтерс, — тихо прочитала я, проводя дрожащими пальцами по буквам ее имени. — Но, я думала...

— Что она жива? — спросил Джеймс, и я кивнула. — Да, но в качестве божества. Человеческая форма ей требовалась лишь для того, чтобы вырастить тебя, посему она умерла десять дней назад.

Я молчала, гадая, каких действий он от меня ждет.

— Она все равно твоя мама, но тебе нужно понять, что ваши отношения уже не будут прежними, как и между тобой и Генри или тобой и советом.

Я ощетибилась.

— Прямо как между тобой и мной?

Вместо того чтобы разозлиться, Джеймс просто пожал плечами.

— Не совсем, учитывая, что с ними ты более тесно общаешься, но да. Что-то подобное.

Я присела рядом с табличкой, проводя по ней рукой и глядя на насыпь грязи, под которой крылось человеческое тело моей мамы. Я даже не знала, что чувствовать — печаль была неминуема, но я также ощущала и море других эмоций, которые были не столь ясны. Возможно, облегчение — мамина битва закончилась. Страх — от новой реальности и правды, которую я узнала, пока она увядала в больничной койке.

Но больше всего я ощущала тупую боль внутри, и у меня ушло пару секунд, прежде чем я осознала, что тоскую по нашей жизни до Эдема. Не по годам боли и болезни, а по прогулкам в Централ-парке. По елке на Рождество. По дням, когда я знала, что моя лучшая подруга живет чуть дальше по коридору. Теперь их не будет, а впереди простиралось новое существование, совершенно пустое, не считая Генри, мамы и других членов совета.

— Я знаю, что это конец, — сказала я, кладя руку на землю. — Уже давно знаю.

— Вовсе нет, — ответил Джеймс, становясь рядом со мной. — Это начало.

Так мы и стояли, пока под мою одежду не начал проникать холод, а к волосам не пристали капельки от тумана. Я взяла Джеймса за руку, и он помог мне встать. Затем я в последний раз прикоснулась к табличке — доказательству моей человечности и моего короткого существования в мире, где все когда-нибудь умирали. Наконец, с грузом на сердце, я оторвалась от нее.

— Итак, чем планируешь заняться летом? — спросил Джеймс, когда мы подошли к

машине. Хотя это и была очевидная попытка улучшить мне настроение, я не сразу ответила, слишком углубившись в мысли о маме. Как бы меня ни тянуло к ее могиле, отдаляясь от нее с каждым шагом, я чувствовала, как тяжесть на сердце становится легче. Она никогда не исчезнет, это ясно, но, по крайней мере, однажды я смогу с ней смириться.

— Не знаю, — ответила я и, опустив взгляд на влажную землю, задумалась о своих возможностях. Я могу вернуться в Нью-Йорк, но там меня никто не ждет. Я могу остаться в деревьях Эдема, но, подозреваю, что мне это наскучит в первый же месяц. — Может, попробую блюда греческой кухни. Я ведь никогда не была в Греции.

— Греция, — вздохнул Джеймс, и в его голосе послышалась такая пустота, что мне стало грустно. — Там хорошо летом.

Я осторожно взяла его за руку, и он не отпрянул.

— Хочешь поехать со мной?

Его глаза округлились.

— Правда?

— Конечно, — я еле выдавила улыбку, но говорила всерьез. — Не хочу путешествовать в одиночку, тем более что мой лучший друг станет отличным гидом.

Его губы медленно расплылись в улыбке, но в глазах читалось напряжение, которое я не могла просто проигнорировать.

— С удовольствием.

Гравий захрустел под нашими ногами, когда мы подошли вплотную к машине, и Джеймс открыл передо мной дверь. Теперь наше молчание было не неловким, а вполне комфортным. Я заняла свое место и расслабилась, а Джеймс скользнул за руль. В моей голове крутились сомнения, но, взглянув в глаза Джеймса и увидев в них тот же взгляд, я улыбнулась. Наши отношения далеко не идеальны, но, что бы ни случилось, со мной снова был мой друг.

Когда мы выехали, я обернулась на могилу матери, черную на фоне небольших груд белоснежного снега. Джеймс был прав — это не конец. Это начало, которое жаждала для меня мама и я сама. Может, я и не планировала жить вечно, но все изменилось, и я буду наслаждаться каждым мгновением своего существования.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Список Богов

Зевс — Уолтер
Гера — Каллиопа
Посейдон — Филипп
Деметра — Диана
Аид — Генри
Гестия — София
Арес — Дилан
Афродита — Ава
Гермес — Джеймс
Афина — Ирен
Аполлон — Тео
Артемида — Элла
Гефест — Николас
Дионис — Ксандер

БЛАГОДАРНОСТИ

Так или иначе, а все близкие мне люди помогли мне пройти этот путь, и я безумно им благодарна. Но я бы хотела уделить должное внимание следующим:

Розмари Стимоле, моему любимому агенту, который никогда не сдаётся. Спасибо, что поверила в меня.

Мэри-Терезе Хасси, моему замечательному редактору, и Наташе Уилсон, младшему редактору в «Harlequin Teen». Вы обе никогда не переставали поддерживать меня, и я рада продолжить это путешествие с вами.

Я бы хотела поблагодарить своих учителей, особенно Терри Брукса, Джима Бёрнштайна, Кэти Черчиль, Ларри Франсис, Венди Гортни, Ким Хэнсон, Криса Киана, Боб Майера, Майка Сэка и Джона Саула. Научив меня поведывать истории, вы показали, кто я на самом деле.

Шэннон и Джону Туллис, ваша бесконечная поддержка дала мне надежду, что, возможно, я не так ужасна, как кажется.

Саре Рэк и Кейтлин Строу, моим лучшим подругам и первым читателям.

Мелиссе Анелли, самой лучшей чирлидерше в мире.

И Джо, которая изменила мою жизнь, попросту проживая свою.

Спасибо вам за все.